

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ



E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 29 (1–4), 2021
№ 4

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2021. Т. 29(1–4). № 4

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [А. А. Крымов](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 27.12.2021. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России», [интернет-каталог](#) – 73800.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Крымов Александр Александрович,
главный редактор, доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Аксенова Галина Ивановна,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Антонян Юрий Миранович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Блинков Олег Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Кашуба Юрий Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Лебедев Семен Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Наумов Анатолий Валентинович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Огородников Владимир Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Плешаков Владимир Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)

Полищук Николай Иванович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Поникаров Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук, доцент (Россия, Рязань)

Ромашов Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Старостин Сергей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Сухов Анатолий Николаевич,
доктор психологических наук, профессор (Россия, Рязань)

Тюгаева Нина Алексеевна,
доктор педагогических наук, профессор (Россия, Рязань)

Черемисова Ирина Валерьяновна,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Черный Евгений Владимирович,
доктор психологических наук, доцент (Россия, Волгоград)

Чистяков Алексей Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

Шаталов Александр Семенович,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Юнусов Абдулжабар Агабалаевич,
доктор юридических наук, профессор (Россия, Рязань)

EDITORIAL BOARD

- Krymov Aleksandr Aleksandrovich,**
Editor-in-chief, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Aksenova Galina Ivanovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Antonjan Jurij Miranovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Blinkov Oleg Evgen'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Gavrilov Boris Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Kashuba Jurij Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Lebedev Semen Jakovlevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Naumov Anatolij Valentinovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Ogorodnikov Vladimir Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Pleshakov Vladimir Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Polishhuk Nikolaj Ivanovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Ponikarov Vladimir Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Romashov Roman Anatol'evich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, St. Petersburg)
- Starostin Sergej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Suhov Anatolij Nikolaevich,**
Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Tjugueva Nina Alekseevna,**
Doctor of Pedagogic Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Cheremisova Irina Valer'janovna,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Volgograd)
- Chernyj Evgenij Vladimirovich,**
Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor (Russia, Simferopol)
- Chistjakov Aleksej Alekseevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)
- Shatalov Aleksandr Semenovich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
- Junusov Abdulzhabar Agabalaevich,**
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Ryazan)

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведаы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями; соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement; free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange; compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 450** *Воробьев С. М., Гапонова С. А., Курилкин К. А., Симакова Т. А.* Современные подходы к исследованию форм проявления общественной опасности со стороны потенциального преступника: постановка проблемы
- 460** *Лапшин В. Ф.* Субъект составов преступлений, причиняющих вред транспортной безопасности и совершаемых в условиях использования высокоавтоматизированных транспортных средств
- 474** *Некрасов М. А., Козаченко Б. П., Минаков Г. Л.* Обязательная государственная геномная регистрация и ее роль в вопросах предупреждения, раскрытия и расследования преступлений
- 485** *Чистяков А. А., Бадальянц Э. Ю.* Уголовно-правовые меры борьбы с распространением эпидемий и пандемий

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 492** *Гумбатов М. Г.* Организация деятельности Службы пробации в Азербайджанской Республике и ее дальнейшее развитие

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 497** *Реент Ю. А.* Криминальная стратификация в местах лишения свободы России в XX веке

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 510** *Илиджев А. А.* Уголовно-правовые аспекты определения фактической совокупности преступлений и ее отражение в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации
- 519** *Звонов А. В., Хохрин С. А.* Меры предупреждения преступности сотрудников подразделений охраны

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 526** *Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю., Двойнишникова В. Н.* Эмпирическое исследование психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы к стрессовым ситуациям
- 539** *Тюгаева Н. А.* Адаптация осужденных к условиям отбывания наказания: психолого-педагогический аспект
- 549** *Скрипкина Т. П., Мазеина О. Н.* Особенности проведения психологической коррекции осужденных несовершеннолетнего возраста
- 557** *Кузнецов М. И., Романов А. А.* Психолого-педагогические условия эффективности общеобразовательного обучения несовершеннолетних, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы

ПЕРСОНАЛИИ

- 566** *Бодько П. П., Кузнецов М. И.* Юбилей ветерана уголовно-исполнительной системы, профессора генерал-майора внутренней службы в отставке Сергея Николаевича Пономарева

НЕКРОЛОГ

- 570** *Кашуба Ю. А.* Памяти заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного профессора Академии ФСИН России, доктора юридических наук, профессора Виктора Ивановича Игнатенко (больше чем друга и товарища)

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

SCIENCE FORUM

- 574** *Vorob'ev S. M., Gaponova S. A., Kurilkin K. A., Simakova T. A.* Modern approaches to the study of forms of manifestation of public danger from a potential criminal: problem statement
- 576** *Lapshin V. F.* The subject of the elements of crimes that harm transport security and committed in the conditions of using highly automated vehicles
- 578** *Nekrasov M. A., Kozachenko B. P., Minakov G. L.* Mandatory State genomic registration and its role in the prevention, disclosure and investigation of crimes
- 579** *Chistyakov A. A., Badal'yants E. Yu.* Criminal-law measures to combat the spread of epidemics and pandemics

ABROAD

- 580** *Gumbatov M. G.* Organization of the activities of the Probation Service in the Republic of Azerbaijan and its further development

TIME LENS

- 581** *Reent Yu. A.* Criminal stratification in Russian prisons in the XX century

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

- 584** *Ildzhev A. A.* Criminal-legal aspects of determining the actual totality of crimes and its reflection in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation
- 587** *Zvonov A. V., Khokhrin S. A.* Crime prevention measures for employees of security units

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

- 588** *Aksenova G. I., Aksenova P. Yu., Dvoynishnikova V. N.* An empirical study of the psychological stability of employees of the penal system to stressful situations
- 590** *Tyugaeva N. A.* Adaptation of convicts to the conditions of serving their sentences: psychological and pedagogical aspect
- 592** *Skripkina T. P., Mazeina O. N.* Features of psychological correction of convicted juveniles
- 594** *Kuznetsov M. I., Romanov A. A.* Psychological and pedagogical conditions for the effectiveness of general education of juveniles in institutions of the penal system

PERSONALIA

- 596** *Bod'ko P. P., Kuznetsov M. I.* Anniversary of the veteran of the penal system, Professor, Major General of the internal service S. N. Ponomarev

NECROLOGUE

- 598** *Kashuba Yu. A.* In memory of the Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of the FPS of Russia, Sc.D (Law), Professor Viktor Ivanovich Ignatenko (more than a friend and comrade)

УДК 343.913

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.450-459

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОРОБЬЕВ,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-0734-745,
e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru;

СОФИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГАПОНОВА,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной психологии и социальной работы,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-1526-4378,
e-mail: sagap@mail.ru;

КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ КУРИЛКИН,

следователь по особо важным делам третьего следственного отдела
управления по расследованию преступлений против личности
и общественной безопасности главного следственного управления,
Следственный комитет Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-2493-3254,
e-mail: kurilkin62@mail.ru;

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СИМАКОВА,

кандидат психологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-5715-0291,
e-mail: simakovatanea@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ СО СТОРОНЫ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Для цитирования

Современные подходы к исследованию форм проявления общественной опасности со стороны потенциального преступника: постановка проблемы / С. М. Воробьев и др. // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 450–459. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.450-459.

© Воробьев С. М., Гапонова С. А., Курилкин К. А., Симакова Т. А., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Аннотация. В статье предпринята попытка научного осмысления возможного проявления общественной опасности потенциального преступника. Стабильные показатели количества совершенных рецидивных насильственных преступлений в России определяют выработку эффективных превентивных мер противодействия. Целями статьи являются анализ имеющихся различных научных мнений о проявлении состояния общественной опасности в структуре поведения личности потенциального насильственного преступника; рассмотрение состояния общественной опасности с позиции управляемого волевого хронодискретного характера; классификация форм развития состояния общественной опасности в рамках личностных особенностей преступника. С учетом проведенного научного анализа форм проявления общественной опасности потенциального преступника выработаны предложения по совершенствованию российского законодательства на предмет возможности назначения судебно-психиатрической экспертизы в отношении осужденных за насильственные преступления, страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости, перед освобождением из мест лишения свободы. Работа носит теоретико-прикладной характер и направлена на дальнейшее изучение проявлений общественной опасности потенциального преступника.

Ключевые слова: общественная опасность, преступление, личность преступника, жертва, психические расстройства, психиатрическая экспертиза, наказание, осужденный.

Введение

Состояние уровня защищенности российских граждан является важным компонентом обеспечения «незыблемости» конституционных гарантий, к числу которых относятся соблюдение и обеспечение права на жизнь и здоровье. Обеспечение стабильности в сфере защиты граждан от преступных посягательств выступает важным государственным направлением деятельности всей системы правоохранительных органов, напрямую отражающим уровень доверия населения к ним и одновременно характеризующим их способность предупредить распространение и наступление общественной опасности посредством превентивных системных мер безопасности.

Обозначенное нами направление согласуется с положениями обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Положения ст. 43 Стратегии рассматривают преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, в качестве основных угроз государственной и общественной безопасности. В то же время содержание ст. 44 Стратегии определяет главные направления обеспечения государственной и общественной безопасности – усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и соблюдения прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективность защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного

сотрудничества в области государственной и общественной безопасности. При этом ст. 45 Стратегии закрепляет положение о том, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений.

В 2019 г. на территории России было зарегистрировано 2 024 337 преступлений, что на 32 805 больше, чем за аналогичный период прошлого года (+1,6 %). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных преступлений составил 24,4 % (494 092; +10,2 %). Количество тяжких преступлений увеличилось на 15,9 %. При этом 617 914 преступлений совершены лицами, ранее судимыми. В 2018 г. на территории России зарегистрировано 1 991 532 преступления. В целом по России удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных преступлений составил 22,5 % (448 174; АППГ – 437 303; +2,5 %). 634 027 (10 035 – несовершеннолетними) преступлений совершены лицами, ранее судимыми (URL : <http://www.genproc.gov.ru/stat/data>). В исправительных учреждениях зарегистрировано в 2015 г. – 776 преступлений, 2016 – 795, 2017 – 819, 2018 – 861, в 2019 г. – 576 преступлений (URL : <https://fsin.gov.ru/opendata/7706562710-statistics>).

Совершаемые на территории Российской Федерации преступления против жизни и здоровья человека имеют ярко выраженную направленность, обусловленную изменением характера форм проявления общественной опасности, в рамках объективной стороны преступления. Категория «общественная опасность» является важным признаком, характеризующим преступное деяние и прямо влияющим на качество квалификации при осуществлении любых следственных действий. Посредством установления общественной опасности преступных действий (бездействия) можно определить степень их вредоносности, неблагоприятных преступных последствий.

Анализ последствий преступлений, способов их совершения, причинно-следственной связи между преступными действиями и последствиями свидетельствует об изменчивости общественной опасности в части ее реализации. В правоприменительной практике категорию «общественная опасность» связывают только с признаками объективной стороны преступления, что свидетельствует об однолинейном подходе к ее оценке при изучении. Такой подход к определению общественной опасности, а следовательно, принятие мер, необходимых для противодействия противоправным проявлениям и защиты от них общества, является недостаточно действенным, а в случаях с лицами, склонными к насильственным преступлениям на маниакальной основе, неэффективным и, что особенно важно, не способствует их социализации после отбытия наказания.

Результаты и обсуждение

Степень общественной опасности совершивших преступления, а также причины, побудившие их на это, учитываются, как было указано выше, только исходя из объективной стороны преступления, что позволяет таким лицам после отбытия наказания в силу предрасположенности и отсутствия действенных ограничений продолжать совершать преступления и представлять опасность для общества. Среди известных ученых в области уголовного права и криминологии по поводу содержания термина «общественная опасность» были и остаются разногласия. Так, профессор Н. Ф. Кузнецова отрицала

возможность включения личности преступника в содержание понятия «общественная опасность», но вводила в него (рассматривая как криминообразующие) признаки специального субъекта, разумно отказываясь от введения в данное определение признака распространенности преступлений, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств [9, с. 138]. В связи с этим совершенно оправдана позиция профессора А. Э. Жалинского, который отмечал следующее: «К сожалению, реальное значение признака общественной опасности недооценивается как в теории уголовного права, так и, что гораздо важнее, в правоприменительной практике. Законодатель неоднократно определяет функции, роль, задачи общественной опасности как признака преступления. Однако следует подчеркнуть, что нигде он не раскрывает прямо или косвенно ее содержание и структуру, характер и степень, лишь упоминая о последних. Общественную опасность стоит рассматривать в полном соответствии со ст. 14 УК РФ как самостоятельный признак преступления, имеющий собственный состав – состав общественной опасности наряду с составами деяния, противоправности и вины. При этом состав деяния как онтологический описывает фактически совершенный поведенческий акт на правовом языке, а остальные составы являются нормативно-оценочными. Тогда состав преступления в современном смысле действительно оказывается формально-материальным, то есть обобщающим, интегральным и именно таким, который по соображениям юридической техники или, возможно, по традиции рассматривается как единственный и потому – обобщающий. Применительно к обозначенному можно при желании выделять составы общественной опасности в широком и узком смысле слова. Первый отражает только объективную сторону деяния; второй включает и субъективную сторону, то есть проявления личности в деянии; третий еще и личность как предпосылку деяния» [6, с. 227–230].

Общие характерные виктимологические признаки преступлений свидетельствуют о формировании преступного портрета будущей жертвы, наличии преступных целей, задач, ориентиров, замыслов и определении способов, методов совершения преступления. При этом преступления насильственной направленности в большинстве случаев совершаются с проявлениями прямой агрессии, бесчеловечной жестокости, цинизмом, что делает их последствия наиболее вредоносными и аморальными. Любое насильственное преступление (и его последствия) совершается в обществе, нарушая тем самым общественные отношения, дестабилизируя их, способствуя созданию социальной напряженности. Обескураживающие факты совершенных насильственных преступлений, их рецидив в совокупности способны оказать крайне негативное социально-психологическое воздействие на общество и его безопасность. С учетом этого мы наблюдаем ситуацию, при которой развитие и состояние общественной опасности находится в зависимости от преступного поведенческого волевого компонента преступной личности. В рамках этого личность потенциального насильственного преступника, присущая ей субъективно-волевая направленность, непредсказуемое поведение уже изначально сами по себе представляют общественную опасность. Дело в том, что никто не может предугадать изначально, как и каким образом будет действовать преступник на первоначальных стадиях совершения преступления, какую преступную тактику он выберет и каким образом станут развиваться в дальнейшем преступные последствия (хаотично или в упорядоченной системной последовательности).

В связи с обозначенными нами особенностями необходимо фиксировать отличительные свойства преступной личности, которые предупреждают о возможном совершении преступления. Имеется в виду то, что в определенных условиях жизни, под воздействием тех или иных обстоятельств, конкретной ситуации эти свойства личности могут при-

вести ее к преступлению. По мнению заслуженного деятеля науки РФ К. К. Платонова, автора структурного подхода к пониманию личности человека, личность следует рассматривать в качестве динамической системы, то есть системы, развивающейся во времени, изменяющей состав входящих в нее элементов и связей между ними, при сохранении функции. В ее структуре выделяются следующие основные подструктуры.

1. Подструктура направленности и отношений личности, которые проявляются в виде моральных черт. Они не имеют врожденных задатков и формируются путем воспитания. Она социально обусловлена. Ее можно называть подструктурой направленности личности.

2. Подструктура опыта, которая объединяет знания, навыки, умения и привычки, приобретенные путем обучения, но уже с заметным влиянием биологически и даже генетически обусловленных свойств личности. Она может быть названа подструктурой опыта.

3. Подструктура индивидуальных особенностей психических процессов или функций памяти, эмоций, ощущений, мышления, восприятия, чувств, воли. Она может быть названа подструктурой форм отражения.

4. Подструктура биопсихических свойств, в которую входят половые и возрастные свойства личности, типологические свойства личности (темперамент). Кратко эту подструктуру можно называть биологически обусловленной подструктурой [10, с. 125–128; 11, с. 122–141].

По мнению авторитетных криминологов Ю. М. Антоняна, В. Н. Кудрявцева, В. Э. Эминова, личность преступника – личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата. Рассматриваемая категория имеет временные рамки: с момента совершения преступления, удостоверенного судом, и до отбытия уголовного наказания, а не до момента констатации исправления. После отбытия уголовного наказания нужно говорить не о личности преступника, а о личности, представляющей общественную опасность [4, с. 16–18].

На наш взгляд, рассмотренный подход является абсолютно верным и оправданным, потому что криминологическая категория «личность преступника» изменчива в силу биосоциального положения человека. Нельзя забывать про то, что преступник – это прежде всего уже изначально сформировавшаяся личность, имеющая свои характерные особенности, связанные с поведенческими установками, темпераментом, обладающая устоявшимися взглядами на окружающую действительность. Изменение поведенческого компонента и внутренних психологических характеристик личности в течение всей жизни может быть связано с психиатрическими состояниями, влияющими на волевой компонент, способствующий развитию общественно опасных состояний личности. Имеющиеся или приобретенные патологические психиатрические изменения личности развивают потенциальную общественную опасность внутри личности. В связи с этим категория «общественная опасность» в силу субъектно-волевого потенциального фактора поддается комплексному изменению при одновременном сочетании временных характеристик. С учетом этого категория «общественная опасность» носит управляемо-волевой хронодискретный характер.

Данная комплексная характеристика категории «общественная опасность» связана со стадиями развития общественной опасности в рамках формирования, развития личности преступника и его психобиологических состояний после отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. На наш взгляд, существуют следующие формы развития

общественной опасности в рамках личностного подхода: 1) общественная опасность потенциально преступной личности; 2) общественная опасность личности преступника, совершившего насильственные преступления; 3) общественная опасность личности преступника, совершившего насильственные преступления до вынесения приговора судебным органом; 4) общественная опасность личности осужденного, совершившего насильственные преступления до отбытия уголовного наказания; 5) общественная опасность личности осужденного, совершившего насильственные преступления в процессе отбытия уголовного наказания (пенитенциарный рецидив преступлений); 6) общественная опасность личности, имеющей непогашенную судимость за совершение насильственных преступлений до отбытия уголовного наказания; 7) общественная опасность личности преступника, совершившего повторное насильственное преступление после отбытия уголовного наказания в виде лишения свободы за аналогичные преступления (постпенитенциарный рецидив преступлений).

Предопределяющим критерием развития управляемо-волевого хронодискретного характера общественной опасности являются возникшие психические расстройства (аномалии), не исключающие вменяемость в момент совершения преступления. Согласно ч. 1 ст. 22 «Уголовная ответственность лиц с психическим расстройством, не исключающим вменяемости» УК РФ вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности. Положения ч. 2 ст. 22 УК РФ позволяют учитывать судом при назначении уголовного наказания любое психическое расстройство, не исключающее вменяемости, и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. В качестве не исключающих вменяемости могут выступать такие психические заболевания, как психопатия, олигофрения в форме дебильности, эпилепсия, шизофрения в состоянии стойкой ремиссии, а также маниакально-депрессивный психоз, прогрессивный паралич при том условии, что выраженность психического расстройства не достигает психотического уровня. К числу подобных расстройств относят психопатии, остаточные явления черепно-мозговых травм, органические заболевания центральной нервной системы и т. д. [2, с. 13; 8, с. 56; 12, с. 20].

Б. А. Спасенков считает, что при определении психических расстройств в рамках ст. 22 УК РФ во внимание должен приниматься медицинский критерий, отражающий психические расстройства, указанные в ст. 21 «Невменяемость» УК РФ [13, с. 137]. По мнению Н. Г. Иванова, к психическим расстройствам, не исключающим вменяемости, относятся «холерические и меланхолические типы нервной системы, различного рода акцентуации характера, а также аномалии психики, возникающие в результате атмосферных колебаний, и некоторые неболезненные соматические явления (менструации)» [7, с. 135].

Считаем позицию Н. Г. Иванова не совсем верной в части отнесения выраженных типов нервной системы к психическим расстройствам, обусловленным зависимостью от природных изменений и соматических явлений человека. Данная точка зрения не выстраивает логический причинно-следственный комплекс между природными явлениями (катаклизмами), изменениями состояния тела (функциональных особенностей), выраженными проявлениями отдельно взятого типа нервной системы потенциальной личности преступника, совершением преступления, наступившими преступными последствиями. Насильственные преступления, сопровождаемые наступлением психи-

ческих расстройств, как правило, совершаются под воздействием комплекса внешних неблагоприятных факторов, связанных с социальной средой, в комплексе предопределяющих преступную девиацию.

Наблюдение показывает, что под влиянием неблагоприятной ситуации могут возникать не только характерологические изменения в сторону психопатизации личности, но и психические расстройства (психогенные) у лиц, не имеющих выраженных конституциональных психопатических предпосылок. Реализация этих действий и поступков часто носит причудливый характер, она поражает своей напряженностью в разрешении жизненных вопросов, иногда нелепостью и угловатостью, иногда односторонней продуманностью. Кроме того, реализация этих действий и поступков вытекает из субъективного ощущения невозможности выйти из жизненного тупика и является своего рода демонстрацией слабости этой личности, ее неумения справляться со сложной житейской ситуацией. Отсюда большинство действий и поступков этой «пограничной» группы лиц приобретают напряженный социальный смысл; эти действия и поступки являются естественным выражением той социальной обстановки, в которой данный субъект находится и которую он с особой силой и переживает [5, с. 4].

Изучение подобных личностей показывает, что они принадлежат не только нашему миру, но и тому, который находится за его гранью, небытию, куда они с легкостью отправляют других людей. Психологически они существуют как бы в двух мирах. В их лице мы сталкиваемся с какой-то сверхчеловеческой, трансцендентной реальностью. Убийцы часто переносят на других то, что свойственно им самим, а именно агрессивность, мстительность, и воспринимают их уже с такими ими же спроецированными качествами. Потенциальным убийцам понятно, что от людей с дурными намерениями нужно защищаться, лучше всего нападая на них, а поэтому, совершая акт насилия, убийца считает, что защищает других людей. Следовательно, убийца отличает не только высокая восприимчивость в межличностных отношениях, но и искаженная оценка их. Насильственные реакции с их стороны могут происходить по принципу «короткого замыкания», когда даже незначительный повод может сразу вызвать разрушительные действия [3, с. 190, 193–194].

Психически неуравновешенное поведение личности преступника может усиливать общественную опасность и одновременно ставить под явную угрозу жизнь и здоровье потерпевшего. Качественное изменение степени общественной опасности напрямую предопределяет возникновение необратимых преступных последствий, влияющих на тяжесть преступных деяний. Преступник на фоне психических расстройств может не соизмерять свою физическую силу, опасность своих действий, исказить объект посягательства (представляя образ одного человека, причиняет вред другому лицу). Одномомментное психическое состояние способствует интенсивности совершения преступных действий на фоне имеющихся психологических комплексов. Попадание человека в так называемый преступный транс (без дополнительного воздействия на сознание алкоголя, психотропных и наркотических средств) способствует появлению непредсказуемой ситуации, связанной с реализацией преступного замысла. Данные действия могут быть обусловлены изменением выбора объекта преступного посягательства, появлением случайных жертв, дополнительным причинением материального ущерба, повышенным количеством выстрелов (запугивающий эффект или с испытанием чувства наслаждения), использованием специального огнестрельного оружия с большой скорострельностью и убийной силой, применением ударов холодным оружием, предметами, ударов в болевые точки, пыток, истязаний потерпевших, умышленным оставлением жертвы

в беспомощном состоянии. Спад уровня проявленной преступной агрессивности преступника сопровождается искажением памяти о произошедшем преступлении либо полным беспомыслием.

При назначении виновному лицу уголовного наказания суд должен принимать во внимание установленные во время предварительного следствия данные заключения психиатрической экспертизы об имеющихся психических расстройствах (аномалии психики), прямо влиявших на поведение преступника. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 60 «Общие начала назначения наказания» УК РФ суд при назначении наказания должен учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Обозначенные нами обстоятельства важны для учета психобиологического компонента личности виновного в прогнозировании будущего процесса исправления осужденного, определении индивидуальных средств исправления, изучении особенностей поведения осужденного при исполнении уголовного наказания, создании благоприятных условий для личности осужденного, исключающих возможность совершения им любой разновидности рецидива.

По мнению профессора Е. А. Антонян, игнорирование личностных особенностей рецидивистов, характера и особенностей поведения во время отбывания наказания или после освобождения от него приводит к тому, что вне поля зрения субъектов предупредительной деятельности остаются лица, отличающиеся повышенной рецидивной опасностью. Только знание личностных особенностей преступников позволяет построить эффективную систему мер борьбы с рецидивной преступностью. При этом психически аномальные лица проявляют особую склонность к совершению преступлений. К основным особенностям психически аномальных рецидивистов относятся следующие: 1) повышенная склонность к повторному совершению преступлений, о чем свидетельствует тот факт, что удельный вес рецидива среди них в два раза больше, чем в общей массе лиц, преступивших уголовный закон; 2) зависимость между повторностью общественно опасных деяний и клиническими характеристиками преступников с психическими аномалиями; 3) структурная характеристика преступного поведения аномальных рецидивистов во многом обусловлена отклонением психики от нормы; 4) в целом рецидивисты с дефектами психики более склонны по сравнению с психически здоровыми и «аномальными» лицами, ранее не совершавшими преступлений, к действиям насильственного характера; 5) наибольшая криминогенная активность у изученного контингента рецидивистов приходится на первые два года после отбывания наказания за предыдущее преступление (в период от 2 до 5 лет наблюдается затухание такой активности, а от 6 до 10 лет она вновь повышается, а после 10 лет – минимальна); 6) степень тяжести последующего деяния обусловлена, главным образом, характером предыдущего посягательства и видом психического отклонения и при этом чаще всего соответствует предыдущему преступлению; 7) рецидивисты с аномалиями психики гораздо труднее адаптируются в местах лишения свободы по сравнению со здоровыми неоднократно судимыми лицами [1, с. 8, 161–163].

Заключение

Анализ приведенных нами характеристик личности осужденных рецидивистов свидетельствуют о том, что они представляют общественную опасность в силу наличия у них психических аномалий, побуждающих их на совершение преступлений. В связи с этим каждый осужденный, имеющий психические отклонения, должен являться объ-

ектом психолого-воспитательного воздействия и сопровождения как на протяжении всего срока отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы, так и после его отбытия. Данные меры необходимы не только для профилактического воздействия, реализации воспитательных мер, средств исправления и социальной адаптации, но и для изучения и фиксации изменений состояния личности осужденного по отношению к изменению степени общественной опасности осужденного в процессе отбывания уголовного наказания и последующей адаптации к жизни в обществе. Такая работа должна проводиться комплексно всеми заинтересованными отделами и службами исправительных учреждений ФСИН России, а также органами, на которые возлагается либо должна быть возложена такая обязанность после освобождения из исправительного учреждения. С целью обеспечения безопасности общества от новых всевозможных преступных посягательств необходимо определять степень общественной опасности осужденного, готовящегося к освобождению при наличии имеющихся психических расстройств, посредством установленных и подтвержденных данных судебно-психиатрической экспертизы о таком состоянии.

С учетом изложенного считаем необходимым дополнить ч. 2 ст. 18 «Применение к осужденным мер медицинского характера» УИК РФ абзацем следующего содержания: *«Осужденным за насильственные преступления, страдающим психическим расстройством, не исключающим вменяемости, в обязательном порядке за 6 месяцев перед освобождением для определения их степени общественной опасности по решению суда назначается судебно-психиатрическая экспертиза. Если судебно-психиатрической экспертизой будет установлено, что личность осужденного за насильственные преступления по-прежнему представляет общественную опасность, то после отбытия срока уголовного наказания в виде лишения свободы освобождаемый гражданин направляется для прохождения лечения и наблюдения в психиатрический стационар по месту жительства».*

Представленный нами механизм позволит более качественно обеспечить действие положений ч. 2 ст. 43 «Понятие и цели наказания» УК РФ в части предупреждения совершения новых преступлений лицами, страдающими психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Библиографический список

1. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с.
2. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии : монография. М. : Наука, 1987. 262 с.
3. Антонян Ю. М. Так называемые неоднократные убийцы // Общество и право. 2010. № 1. С. 190–197.
4. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника : монография. М. : Юрид. центр Пресс, 2004. 366 с.
5. Внуков В. А. Судебно-психиатрическая экспертиза психопатий // Психопатия и судебно-психиатрическое значение : сб. науч. тр. / под ред. Ц. Н. Фейнберга. М. : НИИ Судебной психиатрии имени В. П. Сербского, 1934. С. 10–14.
6. Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. М. : Высш. шк. экономики, 2015. Т. 2 : Уголовное право. 591 с.
7. Иванов Н. Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности : учеб. пособие. М. : Закон и право: ЮНИТИ, 1998. 221 с.

-
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2019. 1096 с.
 9. Курс уголовного права. Общая часть : учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 1999. Т. 1 : Учение о преступлении. 592 с.
 10. Платонов К. К. О системе психологии : монография. М. : Мысль, 1972. 216 с.
 11. Платонов К. К. Структура и развитие личности : монография. М. : Наука, 1986. 256 с.
 12. Сироджинов Д. В. Ограниченная вменяемость: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. 28 с.
 13. Спасенков Б. А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория и практика : монография. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 410 с.

УДК 343.346

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.460-473

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН,
доктор юридических наук,
доцент, проректор по научной работе,
Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-8549-6305,
e-mail: kapitan-44@yandex.ru

СУБЪЕКТ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРИЧИНЯЮЩИХ ВРЕД ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Для цитирования

Лапшин, В. Ф. Субъект составов преступлений, причиняющих вред транспортной безопасности и совершаемых в условиях использования высокоавтоматизированных транспортных средств / В. Ф. Лапшин // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 460–473. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.460-473.

Аннотация. Современные технологии, используемые при создании различных видов транспортных средств, существенно меняют представление о функциях лица, ответственного за обеспечение транспортной безопасности. Интегрированный в систему управления транспортным средством искусственный интеллект значительно упростил задачи, которые решает водитель автомобиля, поезда, воздушного судна и иных механических средств передвижения. Беспилотные транспортные средства в перспективе вообще не будут нуждаться в водителе, поскольку его полностью заменит интеллектуальная система управления. Однако ни отечественные, ни зарубежные производители высокотехнологичных транспортных средств не гарантируют полную безопасность их эксплуатации. По имеющимся прогнозам, количество транспортных аварий будет возрастать по мере увеличения числа эксплуатируемых беспилотников. Это потребует определить лицо, привлекаемое к ответственности за нарушение транспортной безопасности, совершенное посредством беспилотного транспорта. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие при определении лица, подлежащего уголовной ответственности за нарушение правил безопасного движения и эксплуатации беспилотных транспортных средств, целью – установление юридически значимых признаков лица, которое признается субъектом соответствующим.

© Лапшин В. Ф., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

щих составов транспортных преступлений. По итогам проведенного исследования сформулированы выводы об отсутствии в настоящее время необходимости радикального пересмотра подходов к определению юридически значимых признаков специального субъекта транспортного преступления. Современные беспилотные транспортные средства еще не имеют системы автоматизированного управления, которая полностью исключала бы необходимость непосредственного или дистанционного присутствия водителя с целью контроля над процессом движения. В силу этого обязанность соблюдения соответствующих правил по-прежнему возлагается на водителя – физическое лицо, которое несет ответственность за уголовно наказуемые посягательства на транспортную безопасность. В основу данного вывода положена и критика результатов новейших исследований, авторы которых настаивают на необходимости распространения ответственности за указанные общественно опасные деяния как на водителей, так и на разработчиков программного обеспечения для беспилотных транспортных средств и элементов высокотехнологичной транспортной инфраструктуры; собственников высокоавтоматизированных транспортных средств; транспортные средства, в систему управления которыми интегрирована технология искусственного интеллекта.

Ключевые слова: транспортная безопасность, специальный субъект транспортного преступления, уголовная ответственность, высокоавтоматизированное транспортное средство, технологии искусственного интеллекта в сфере транспорта, источник повышенной опасности.

Введение

Отечественная уголовно-правовая доктрина, равно как и следственно-судебная практика, признает субъектом транспортного преступления только достигшее определенного уголовным законом возраста физическое лицо, которое в момент совершения преступления осознанно управляет транспортным средством. Осознанность в данном случае не только констатирует факт вменяемости указанного лица, но и свидетельствует о наличии у него неограниченной возможности контролировать движение транспортного средства, в котором оно находится. В связи с этим к уголовной ответственности за совершение транспортных преступлений привлекаются прежде всего водители и водители-инструкторы.

Существенное повышение технологичности современных транспортных средств приводит к устранению необходимости непосредственного и даже опосредованного (в перспективе) участия человека в управлении транспортным средством. Человек становится не непосредственным водителем, а оператором, управляющим транспортным средством на расстоянии. В недалеком будущем технический прогресс обеспечит полностью бесконтрольное со стороны человека движение транспортного средства. Внедренная в систему управления технология искусственного интеллекта будет определять необходимый маршрут следования, оперативно решать задачи по устранению нештатных ситуаций, возникающих в процессе движения: преодоление препятствия, действия в условиях аварийной ситуации, непредвиденная угроза причинения физического вреда и (или) имущественного ущерба и др. Однако устранение человека из процесса управления высокоавтоматизированным транспортным средством (BATS) отнюдь не исключает всех перечисленных негативных последствий нарушения транспортной безопасности: от материального ущерба до катастроф, сопровождающихся

причинением смерти нескольким лицам. В этих условиях неизбежно возникает вопрос об установлении виновного для последующего привлечения к ответственности за совершение транспортного преступления.

В законодательстве различных государств неоднозначно решается вопрос об уголовной ответственности лица за совершение им общественно опасных деяний, в которых непосредственным причинителем физического вреда или имущественного ущерба является деятельность высокотехнологичных средств и иных источников повышенной опасности. Однако ни один из предложенных для таких случаев вариантов реализации уголовно-правового воздействия не соответствует требованиям отечественного права, касающимся правил квалификации преступлений в процессе установления основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ).

Решение вопроса об ответственности за совершение транспортного преступления с использованием беспилотников обладает высокой степенью актуальности. Наличие и в отечественном, и в международном праве указанного пробела создает правовые препятствия для развития высокотехнологичного транспорта и его использования для роста благосостояния населения и повышения уровня комфорта жизни на территории любого государства. Кроме того, отсутствие правовых возможностей реализации ответственности за транспортные преступления, совершаемые с использованием ВАС, влечет за собой безнаказанность, что, в свою очередь, создает условия для роста преступности в сфере разработки и использования высоких технологий.

Изучение складывающихся общественных отношений в области использования ВАС предполагает установление юридически значимых признаков лица, привлекаемого к уголовной ответственности за совершение посягательств на транспортную безопасность. Для достижения данной цели необходимо последовательное решение задач: по определению перспектив развития ВАС и их использования в национальной и международной транспортной системе; оценке состояния нормативно-правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта при создании беспилотных транспортных средств и их последующего использования; установлению лица (лиц), подлежащего уголовной ответственности за вред, причиненный в процессе деятельности ВАС.

Методология исследования

Достижение поставленной цели и успешное решение перечисленных задач обеспечивается сбалансированным использованием общих и частных методов научного исследования. Так, диалектический метод и метод дедукции применялись в процессе всего исследования, в том числе при обосновании выводов и предложений по определению субъекта уголовной ответственности в составах транспортных преступлений, которые совершаются с использованием ВАС. Для обеспечения достаточности эмпирической базы был использован метод опроса представителей российских компаний-резидентов Инновационного центра «Сколково», осуществляющих разработку продуктов с использованием технологий искусственного интеллекта. При выявлении пробела в правовом определении субъекта состава транспортного преступления с использованием ВАС применялся метод контент-анализа соответствующих норм российского уголовного закона. Сравнительно-правовой метод обеспечивал сопоставление содержания положений отечественного, зарубежного и международного права о применении технологий искусственного интеллекта в сфере транспорта, а также об ответственности за причинение вреда техническими средствами, функционирующими без непосредственного участия человека или контроля с его стороны.

Материалы исследования

Создание и изучение возможностей безопасного применения ВАТС представляют собой разновидности более масштабного технологического явления современного мира – искусственного интеллекта. Переоценить значение этой технологии для человечества невозможно, поскольку многие государства рассматривают национальное лидерство в области искусственного интеллекта в качестве средства обеспечения не только экономической, но и национальной безопасности в целом. Так, Президент России заявил, что государство-монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира (URL : <https://tass.ru/ekonomika/6489864>). В распоряжении Президента США от 11 февраля 2019 г. № 13859 указывается: «Искусственный интеллект обещает стимулировать рост экономики Соединенных Штатов, укреплять нашу экономическую и национальную безопасность и улучшать качество нашей жизни... Неизменное лидерство Америки в области искусственного интеллекта имеет первостепенное значение для поддержания экономической и национальной безопасности Соединенных Штатов и для формирования глобальной эволюции искусственного интеллекта в соответствии с ценностями, политикой и приоритетами нашей страны» (URL : <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence>). Власти КНР указывают, что технология искусственного интеллекта до 2030 г. включительно будет рассматриваться в качестве основного направления национальной экономики, что позволит Китаю получить уникальные преимущества при покорении новых рынков в глобальном разделении труда [1].

Эти и иные заявления политических деятелей различных государств о важности развития и повсеместного внедрения искусственного интеллекта полностью соответствуют показателям ежегодного роста финансовых вложений в те компании, которые осуществляют разработку технологий искусственного интеллекта для различных отраслей экономики. Согласно отчету AllIndex Report 2021, подготовленному представителями Стэнфордского университета, общий объем инвестиций в технологии искусственного интеллекта в 2020 г. составил 67,9 млрд долларов США, что превышает аналогичный показатель 2019 г. на 40 % (URL : <https://tass.ru/ekonomika/10835935>). Прогнозируется также кратный рост доходов компаний, осуществляющих свою деятельность в сегменте искусственного интеллекта [2, с. 27]. Учитывая данные факты, можно предположить, что технологии искусственного интеллекта станут определяющим направлением не только для экономического, но и для политического развития крупнейших держав мирового сообщества. Напротив, отставание в области искусственного интеллекта создаст угрозу возникновения, по меньшей мере, экономической зависимости государства-аутсайдера от стран – поставщиков данных технологий.

Искусственный интеллект и транспортное право

Несмотря на универсальность применения технологии искусственного интеллекта, наибольшую востребованность она получила в нескольких отраслях экономики, в том числе в сфере транспорта. Прогнозируется, что уже в 2022 г. продажи транспортных средств, движение которых обеспечивается различными системами автоматизированного управления, в США, Евросоюзе и Японии превысят половину от всех продаж транспортных средств, что в ближайшем будущем существенно изменит всю транспортную инфраструктуру. Ориентировочно к 2030 г. беспилотные грузовые и легковые автомобили, а также летательные аппараты полностью обновят парк современных транспортных средств [2, с. 29–30].

Техническое совершенствование транспортных средств, которое приведет к отсутствию необходимости прямого управления ими со стороны человека, не гарантирует безопасность такой автоматизированной эксплуатации. Катастрофы, которые уже случаются [3, с. 114], к сожалению, будут учащаться пропорционально увеличению количества эксплуатируемых беспилотников. По этой причине возникает потребность пересмотра нормативных актов, которые не только регламентируют особенности производства и эксплуатации ВАТС, но и определяют основания и условия уголовной ответственности лиц, нарушивших посредством применения ВАТС безопасность движения и эксплуатации транспорта. Качественное нормативно-правовое регулирование и должная охрана отношений в области безопасности движения и эксплуатации беспилотных транспортных средств обеспечат в обществе понимание правил создания и пределов использования ВАТС. Разумеется, потребность в соответствующих нормативных актах довольно высокая. Действующее законодательство как России, так и зарубежных стран пока не предлагает каких-либо решений в этой части, что составляет явный правовой пробел относительно создания и использования данных транспортных средств нового поколения. В то же время и в международном праве, и в отечественном законодательстве наблюдается тенденция к установлению базовых начал и гуманитарных принципов (приоритетов) использования искусственного интеллекта в любой сфере деятельности человека. Исходя из этого можно сделать вывод о формировании юридических основ использования технологий искусственного интеллекта, а также определения юридического статуса субъекта ответственности за вред, причиненный деятельностью технического устройства с искусственным интеллектом.

Основным источником международного права, определяющим принципы осуществления дорожного движения автотранспортных средств, является Венская конвенция от 8 ноября 1968 г. «О дорожном движении». На ее основе разработаны правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств во многих государствах, но по объективным причинам Конвенция не предусматривает особенностей использования ВАТС, равно как и требований к транспортной инфраструктуре, обеспечивающей их безопасную эксплуатацию. В то же время международное сообщество связывает большие надежды с развитием технологий искусственного интеллекта, применяемых и в сфере транспорта. Так, по итогам конференции «Права человека в эпоху искусственного интеллекта: Европа как созидатель международных стандартов в области искусственного интеллекта» (Берлин, 20 января 2021 г.) принята резолюция, в соответствии с которой искусственный интеллект признан универсальной возможностью для развития и человека, и общества (п. 1). Участники конференции признали необходимость развития правовой базы, формирующей основы для любого применения искусственного интеллекта (п. 7). Каких-либо специальных заявлений по использованию технологий искусственного интеллекта в области автомобилестроения и транспортной инфраструктуры участники конференции не сделали.

Отечественное законодательство также не располагает детально проработанными механизмами правового регулирования производства и эксплуатации ВАТС. Тем не менее оно выгодно отличается как от международного права, так и от права многих зарубежных стран установлением базовых понятий и фрагментарной регламентацией особенностей использования ВАТС, их дифференциацией по степени автономности управления во время движения по заданному маршруту, а также выработкой направленных решения вопросов о безопасной эксплуатации беспилотных транспортных средств, включая автомобили с искусственным интеллектом.

Так, Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 462-ФЗ внесены дополнения в Воздушный кодекс РФ (п. 5 ст. 32), в соответствии с которыми была определена категория «беспилотное воздушное судно» – воздушное судно, управляемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот). Пока это единственное официальное определение транспортного средства, управление которым осуществляется на расстоянии. Конечно, недопустимо отождествление понятий «беспилотное транспортное средство», «ВАТС» и «транспортное средство, управляемое с помощью технологий искусственного интеллекта». Однако неоспоримая значимость приведенного определения, содержащегося в п. 5 ст. 32 Воздушного кодекса РФ, заключается в обозначении юридических признаков, которые, как представляется, свойственны для всех перечисленных видов транспортных средств, а именно:

1) транспортное средство является управляемым. От начала до конца пути своего следования транспортное средство находится под контролем водителя, а потому не может принимать самостоятельных решений относительно выбора скоростного режима, особенностей управления и иных существенных условий движения;

2) присутствие водителя в процессе движения является обязательным. В связи с этим признание транспортного средства беспилотным носит сугубо формальный характер, поскольку указывает лишь на особенность дистанционного управления, предполагающего отсутствие водителя непосредственно на борту воздушного судна, автомобиля, движущегося по заданному маршруту.

Законодательно закрепленные признаки беспилотника имеют большое значение и для последующего установления лица, подлежащего ответственности за вред объектам уголовно-правовой охраны, причиненный в результате аварий (крушений, столкновений и т. п.) беспилотных и иных ВАТС. Законодатель не оставляет возможности признания беспилотного воздушного судна (думается, что и любого ВАТС) субъектом юридической ответственности, поскольку контроль со стороны человека над транспортным средством презюмируется на протяжении всего полета.

Принято также несколько подзаконных нормативных актов, составляющих базу источников отечественного транспортного права. Основным из них является Стратегия развития автомобильной промышленности до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. № 831-р. В соответствии с данным документом новые виды высокотехнологичной продукции отечественной автомобильной промышленности имеют критическое значение в среднесрочной перспективе. Технологии искусственного интеллекта признаются одним из основных направлений совершенствования указанных транспортных средств. Использование искусственного интеллекта в автомобилестроении предполагает создание транспортного средства беспилотного вождения. Стратегия формирует комплексный подход, заключающийся в создании не только беспилотных автомобилей, но и соответствующей дорожной и телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей ВАТС необходимыми сервисами и информацией. Все это позволяет предположить, что в ближайшем будущем в России будет создана новая или модернизирована существующая транспортная инфраструктура, предоставляющая самые широкие возможности использования беспилотных автомобилей и иных ВАТС.

В части технологических и иных особенностей беспилотных автомобилей Стратегия определяет, что в действительности они не предполагают отсутствие водителя в салоне транспортного средства во время движения (исключением являются автономные беспилотные транспортные средства 4-го и 5-го уровней). Автомобиль уже будет соответствовать виду беспилотных транспортных средств при наличии в нем систем

помощи водителю. Такие системы интегрированы в дополнительное оборудование, устанавливаемое на транспортном средстве: камеры, радары, компоненты технического зрения, роботизированные системы рулевого управления, тормозной системы и др. Таким образом, управление беспилотными автомобилями, которые в краткосрочной и среднесрочной перспективе будут введены в эксплуатацию, по-прежнему будет осуществляться водителем, находящимся в салоне автомобиля и контролирующим процесс движения.

Отдельное внимание в Стратегии уделяется перспективам развития нормативно-правовой регламентации использования беспилотных транспортных средств. В частности, в качестве возможных мер нормативного регулирования называются следующие:

- разработка стандартов эксплуатации беспилотных транспортных средств;
- определение ответственности оператора, действия которого влияют на процесс управления указанным транспортным средством;
- определение ответственности за дорожно-транспортное происшествие и его последствия производителя автономных беспилотных транспортных средств 4-го и 5-го уровней, а также лиц, использующих данные транспортные средства.

Таким образом, можно предположить, что в ближайшей перспективе законодателю придется решать вопрос о расширении круга субъектов составов транспортных преступлений и (или) предлагать принципиально новые меры юридической ответственности за вред, причиненный охраняемым уголовным законом общественным отношениям в результате использования автомобиля-беспилотника или иного ВАТС. Отчасти перспективные направления по решению данных вопросов определены в постановлении Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств». Данный эксперимент по апробации ВАТС на дорогах общего пользования проводится в период с 1 декабря 2018 г. по 1 марта 2022 г. на территории 11 субъектов России. Несмотря на экспериментальность использования ВАТС на дорогах общего пользования, в постановлении достаточно подробно для подзаконного нормативного акта фиксируются юридически значимые признаки лиц, принимающих непосредственное участие в эксперименте и потенциально ответственных за вред, причиненный в результате аварии или автокатастрофы (пп. 3, 18 постановления). Так, в п. 3 постановления даются основные понятия, в том числе собственника и водителя ВАТС. Первый может быть представлен только юридическим лицом, которому принадлежит участвующее в эксперименте ВАТС. Водитель характеризуется следующими юридически значимыми признаками:

- является физическим лицом;
- находится на месте водителя транспортного средства;
- активирует автоматизированную систему вождения ВАТС;
- контролирует движение ВАТС;
- при необходимости переводит управление ВАТС в ручной режим.

Юридический статус водителя, который участвует в эксперименте, не предполагает принципиальных отличий от обязанностей, возложенных на водителя транспортного средства в соответствии с постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения». С учетом того что юридическое лицо – собственник ВАТС в соответствии с действующим законодательством не может привлекаться к уголовной ответственности, водитель данного транспортного средства пока остается единственным лицом, которое обладает всеми признаками субъекта составов соответствующих преступлений.

На основании полученных результатов эксперимента Правительство РФ распоряжением от 25 марта 2020 г. № 724-р утвердило Концепцию обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования. Разумеется, что одной из ключевых целей реализации данной Концепции является обеспечение безопасности дорожного движения и создание безопасной транспортной среды, а средством ее достижения признается «снижение роли человеческого фактора». Данное заявление, зафиксированное в программном нормативном акте, указывает на то, что вне зависимости от результатов проведения испытаний беспилотные транспортные средства, оснащенные технологией искусственного интеллекта (4-й и 5-й уровни автоматизации), вытеснят из транспортной инфраструктуры традиционные автомобили (1-й и 3-й уровни автоматизации), управление которыми предполагает непосредственное участие человека. Это вновь ставит перед законодателем вопрос о пересмотре статуса лица, виновного в совершении транспортного преступления. На это обращается внимание и в Концепции: «Необходимо предусмотреть дифференциацию уровня ответственности участников дорожного движения в зависимости от *уровня автономности* (курсив наш. – В. Л.) транспортных средств».

Указывая на возможные варианты определения источников угрозы для транспортной безопасности, формируемой с применением высокоавтоматизированных систем и высокотехнологичных средств, а также лиц, ответственных за соответствующие общественно опасные посягательства, авторы Концепции косвенно обозначают и возможные направления решения данных проблем. В Концепции указывается: «Право самостоятельного принятия решения автоматизированной системой вождения может быть ограничено в установленном законом случае при наличии соответствующей технической возможности со стороны интеллектуальной транспортной системы». Обращается также внимание на необходимость обеспечения информационной безопасности ВАТС и безопасности всех компонентов транспортной инфраструктуры от возможных кибератак.

Таким образом, при буквальном толковании приведенных положений рассматриваемой Концепции нельзя исключать в будущем возможность признания субъектом составов транспортных преступлений не только физических лиц, задействованных в прямом или опосредованном управлении ВАТС, но и лиц, обеспечивающих информационную безопасность ВАТС, обслуживающих высокотехнологичные объекты транспортной инфраструктуры, с помощью которых движущееся ВАТС ориентируется в пространстве. Кроме того, указывая на «право принятия решения», принадлежащее «автоматизированной системе вождения», которое может быть ограничено «в установленном законом случае», нельзя исключать вариант реализации уголовной квазиответственности. Она может распространяться и на юридическое лицо – собственника ВАТС, и на само ВАТС, поскольку праву на принятие решений должна корреспондировать и обязанность нести ответственность за выполненные действия или бездействие.

Одним из первых примеров нормативной реализации установок, предусмотренных в рассмотренных программных документах, является утвержденный приказом Росстандарта от 11 марта 2021 г. № 135-ст «Национальный стандарт Российской Федерации. Средства мониторинга проведения и прогнозирования намерений людей. Аппаратно-программные средства с применением технологий искусственного интеллекта для колесных транспортных средств. Классификация, назначение, состав и характеристики средств фото- и видеофиксации». Стандарт разработан ООО «Яндекс такси» и предназначен для использования в серийном производстве колесных транспортных средств, оснащенных аппаратно-программными средствами с применением технологий искус-

ственного интеллекта. Однако в действительности требования Стандарта относятся исключительно к оборудованию, которое позволяет спрогнозировать поведение водителя транспортного средства, а также обеспечить ему информационную поддержку во время движения для предотвращения нарушения правил безопасности дорожного движения, гибели людей, уничтожения имущества, причинения вреда окружающей среде. По этой причине Стандарт не распространяет свое действие на ВАТС, управление которыми осуществляется или может осуществляться без непосредственного участия физического лица – водителя.

Лицо, подлежащее уголовной ответственности за вред, причиненный деятельностью ВАТС

Отечественная следственно-судебная практика еще не знает случаев признания виновным в совершении транспортного преступления лиц, непосредственно не находившихся в автомобиле и не управлявших им в момент возникновения дорожно-транспортного происшествия. Однако факты, когда ВАТС, управление которого осуществляется с использованием технологий искусственного интеллекта, причиняет смерть человеку, к сожалению, уже неединичны. Первая авария с участием беспилотного транспортного средства произошла 7 мая 2016 г. в г. Уиллистон (Северная Дакота, США). Система беспилотного управления автомобиля Tesla Model S не смогла идентифицировать в качестве препятствия осуществляющий разворот грузовой автомобиль-длинномер. В результате столкновения погиб пассажир, находившийся в ВАТС (URL : <https://vseonauke.com/1856429379365636698/roboty-ubijtsy-10-realnyh-sluchaev>). В 2018 г. автомобиль-беспилотник компании Uber Technologies Inc допустил столкновение с пешеходом в одном из городов штата Аризона (США). От полученных травм потерпевшая скончалась. В ходе расследования данного инцидента установлено, что в соответствии с программным обеспечением, используемым для управления ВАТС, данная ситуация была штатной [3, с. 114]. Представляется, что число ДТП с участием ВАТС будет только возрастать по мере увеличения количества таких транспортных средств на автодорогах общего пользования. То же самое можно сказать и об иных видах беспилотных транспортных средств. Возможно, что, исключив полностью или существенно сократив человеческий фактор, движение единиц высокотехнологичного транспорта действительно станет более безопасным, но полное исключение аварий и катастроф вряд ли будет возможным.

Отдельные исследователи не без оснований заявляют, что первопричиной современных аварий, вызванных отказом технических систем, является не только некомпетентность пользователей, но и конструктивные недоработки как программного обеспечения, так и готовой высокотехнологичной продукции. Их невысокое качество объясняется в научной литературе преимущественно двумя причинами. Во-первых, это общемировые тенденции повышения скорости разработки и размещения на рынке принципиально нового продукта с целью получения экономических преимуществ перед конкурентами. В силу этого нередко готовый высокотехнологичный товар дорабатывается производителем в процессе гарантийного обслуживания, а не в рамках проведения испытаний, предшествующих серийному производству. Учитывая незначительный жизненный цикл многих высокотехнологичных продуктов, определяемый периодом в 2–3 года, подобный подход к производству в большей степени адаптирован к современным рыночным отношениям. Во-вторых, современные высокотехнологичные товары представляют собой итог комплексного производства. Каждый компонент технически сложного продукта разрабатывается, а возможно, и производится различными хозяйствующими субъектами.

Единого разработчика, который представляет проект целиком и осуществляет контроль на всех стадиях производственного процесса, как правило, не имеется. Отсутствие понимания общей цели проекта хотя бы на уровне функциональной схемы существенно повышает риск скрытых недоработок, выявление которых происходит в процессе эксплуатации готового продукта [4, с. 19–20].

Общеизвестно, что для реализации уголовной ответственности требуется установить конкретное лицо, которое является виновным в совершении преступления. Составы общественно опасных посягательств на транспортную безопасность исключением из этого правила не являются. С учетом положений действующих нормативных актов стратегического значения в совокупности с существующими особенностями производства и эксплуатации высокотехнологичных продуктов, объединяющих в себе не только конструкционные решения, но и сложное программное обеспечение, становится очевидным невозможность использования традиционного алгоритма определения субъекта состава транспортного преступления в случаях, когда авария или катастрофа происходит с участием беспилотников и иных ВАС. На основании анализа возможных вариантов развития причинно-следственной связи полагаем, что круг субъектов уголовной ответственности гипотетически может быть представлен следующими лицами:

– водитель, находящийся на борту ВАС, который в случае возникновения угрозы дорожно-транспортного происшествия обязан перевести транспортное средство в режим ручного управления и предотвратить причинение вреда объектам уголовно-правовой охраны;

– водитель, который управляет ВАС дистанционно;

– собственник ВАС;

– производитель ВАС;

– разработчик технологии искусственного интеллекта и иного программного обеспечения, внедренного в систему управления ВАС;

– лицо, осуществившее несанкционированные изменения в программном обеспечении ВАС и (или) информационно-телекоммуникационных средствах транспортной инфраструктуры.

В теории уголовного права высказаны различные мнения относительно решения данной проблемы. Так, А. И. Коробеев и А. И. Чучаев полагают, что субъектом транспортного преступления, совершенного с использованием беспилотного транспортного средства, могут признаваться лица, обладающие специальными юридически значимыми признаками. К таковым авторы относят: а) разработчиков программного обеспечения – персонифицированных разработчиков, конкретной компьютерной программы, для конкретного БСТ; б) лиц, контролирующих безопасную эксплуатацию указанных в п. 1 программ; в) владельцев беспилотных транспортных средств, на которых возложены обязанности осуществления текущего контроля за безопасными условиями эксплуатации данных единиц транспорта; г) лиц, непосредственно находящихся в беспилотном транспортном средстве и осуществляющих контроль за безопасностью его эксплуатации [5, с. 128].

Рассуждая о субъекте состава транспортного преступления, совершенного в условиях эксплуатации ВАС, И. Н. Мосечкин полагает, что в зависимости от фактических обстоятельств происшествия таковыми можно будет признать: 1) действовавшего умышленно или по неосторожности производителя программного обеспечения, если соответствующая программа приняла неправильное решение, в результате которого причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям; 2) про-

изводитель или продавец ВАТС, оснащенного искусственным интеллектом, при условии их осведомленности о наличии технических, программных и иных дефектов в производимом (реализуемом) транспортном средстве; 3) водитель, оператор и иной пользователь ВАТС, но с учетом степени автоматизации транспортного средства; 4) иные лица, осуществляющие несанкционированное вмешательство в работу программного обеспечения ВАТС [6, с. 48–51].

Не дифференцируя юридическую ответственность за вред, причиняемый «роботами с искусственным интеллектом», В. А. Лаптев предлагает решение данной проблемы с учетом степени зависимости действий робота от человека. На этом основании автор выделяет три этапа формирования ответственности, а именно: 1) ответственность за действия робота несет оператор или производитель (ближайшая перспектива); 2) производитель будет нести субсидиарную ответственность вместе с роботом, действиями которого причинен вред (среднесрочная перспектива, которая характеризуется надеждением робота правосубъектностью); 3) робот за свои действия будет нести «киберфизическую юридическую ответственность», которая будет выполнять и регулятивную, и охранительную функцию (долгосрочная перспектива) [7, с. 99].

Некоторые исследователи более радикально ставят вопрос об ответственности за причинение вреда, наступившего в результате ДТП или иного чрезвычайного происшествия с беспилотным транспортным средством. Например, Hin-Yan Liu в одной из своих научных работ задается вопросом о принципиальной возможности в таких случаях вести речь как об уголовной, так и об иных видах ответственности. Характеризуя ответственность как неизбежную реакцию общества и государства на причинение вреда от действия, которое совершается в условиях существования свободы выбора у субъекта, автор обращает внимание на то, что в указанных ситуациях такая свобода исключается. Человек, выполняющий функции традиционного водителя, при управлении беспилотным транспортным средством отсутствует, а программист, разработавший цифровое обеспечение для беспилотного управления транспортным средством, по объективным причинам лишен возможности влияния на функционирование программного обеспечения при движении ВАТС. Идея о признании беспилотного транспортного средства субъектом ответственности воспринимается критически, поскольку последнее действовало в соответствии с узаконенными алгоритмами движения, которые были ранее прописаны в бортовом программном обеспечении. Следовательно, и действия ВАТС, повлекшие за собой причинение вреда, не могут рассматриваться в качестве незаконных. Все это приводит к необходимости смириться с мыслью о неизбежности аварий и катастроф с участием ВАТС, за которые никто не может быть привлечен к ответственности [8].

Таким образом, мнения ученых о субъекте ответственности за транспортные преступления, средством совершения которых является ВАТС и (или) искусственный интеллект, существенно различаются. Получить эмпирические данные по данному предмету исследования невозможно, поскольку отечественная следственно-судебная практика еще не имеет прецедентов по вопросам определения лица, подлежащего ответственности за транспортное преступление, которое совершено в условиях использования высокотехнологичного автомобиля или иного транспортного (беспилотного) средства. Для решения указанной проблемы будет полезным узнать мнение представителей предприятий, которые осуществляют разработку высоких технологий и их внедрение в производственную сферу.

Так, топ-менеджеры компаний-резидентов Инновационного центра «Сколково» по-разному видят возможности реализации ответственности за вред, причиненный тех-

ническим средством, действия которого определяются технологиями искусственного интеллекта. Руководитель направления технопарка «Сколково» С. Ф. Поплавский считает, что технические средства, способные осуществлять «интеллектуальную деятельность», в основу которой положена предиктивная аналитика (аналитика, результатом которой является указание на события, которые произойдут в будущем), не способны в принципе совершать действия, не подконтрольные человеку. Эти нейросетевые технические средства и устройства не являются самообучаемыми, а потому предлагают итоговые решения на основе предиктивного анализа только в соответствии с правилами и алгоритмами, прописанными в программном обеспечении, которое используется при работе с входными данными [9; 10, с. 136]. Таким образом, машинное обучение основано на использовании различных разделов Data Science, а «умное» техническое устройство принимает решение так, как его обучили «Дата Сентисты», то есть разработчики специального программного обеспечения. Отсюда, по мнению С. Ф. Поплавского, некорректно ставить вопрос о возложении ответственности за действия, совершаемые неодоушевленным высокотехнологичным средством. За причинение вреда действиями последнего должен нести ответственность только человек – автор специализированного программного обеспечения.

Данное мнение в целом разделяет генеральный директор ANP Ceges Technology Г. С. Цедилкин, осуществляющий руководство разработками в области «Цифрового зрения» и предоставлением комплексных услуг по информационной безопасности. Нейронная сеть, интегрированная в любое техническое устройство, является новым алгоритмом (средством), обеспечивающим принятие решения, прогнозирование которого становится возможным на основе полученной указанным устройством информации. В связи с этим можно заключить, что машина принимает решение, но не думает. В случае причинения вреда в результате использования высокотехнологичного средства ответственность за наступление негативных последствий должен нести производитель, нарушивший в процессе производства правила техники безопасности и (или) не исключивший все негативные варианты развития событий при функционировании своей продукции.

Несколько иначе видит решение данной проблемы генеральный директор ООО «Интеллоджик» С. Ю. Сорокин. Производимые компанией изделия медицинского назначения могут быть использованы только при условии получения Регистрационного удостоверения Росздравнадзора. Получение официальных документов, на основании которых высокотехнологичный продукт, включающий в себя и программное обеспечение, признается безопасным для использования в соответствии с заявленным назначением, снимает ответственность производителя за вред, который в действительности может быть причинен не в результате использования медицинского изделия, на которое получено регистрационное удостоверение, а в результате неправильного обращения работника медучреждения с этим изделием. В связи с этим ответственность за подобный вред следует возлагать исключительно на пользователя высокотехнологичных продуктов, прошедших все необходимые процедуры допуска к эксплуатации.

Наконец, по мнению генерального директора компаний «ОКБ «АТМ Грузовые дроны» и «Hoversurf» А. В. Атаманова, ответственность за вред, причиненный при использовании транспортного средства, оснащенного технологиями искусственного интеллекта, должны нести в равной степени и производитель, и эксплуатант. В каждом конкретном случае необходимо устанавливать как факт причинения вреда, так и причину, по которой произошла авария или катастрофа. В современных условиях производства и эксплуатации беспилотных транспортных средств вполне возможно установить не только причину, но и конкретных лиц, которые изготавливали соответствующий узел ВАС или

писали определенный фрагмент программного обеспечения, сбой работы которых привел к наступлению тяжких последствий. Аналогичным образом можно установить и вину пользователя беспилотного транспортного средства, если авария произошла вследствие нарушения им правил эксплуатации. При учете тяжести наступивших последствий уголовную ответственность при определенных условиях можно распространить не только на отдельное физическое лицо, но и в целом на компанию – разработчика ВАС.

Выводы

По итогам проведенного исследования оказалось невозможным установить общепризнанное или разделяемое большинством исследователей мнение о лице, которое подлежит ответственности за транспортное преступление, совершенное с использованием ВАС, а также точно определить направление, по которому пойдет российский и зарубежный законодатель, решая проблему ответственности за негативные результаты деятельности искусственного интеллекта в сфере транспорта. Спрогнозировать наилучшее решение данной проблемы достаточно трудно, поскольку беспилотные транспортные средства, равно как и иные ВАС, управление которыми осуществляется при помощи технологии искусственного интеллекта, эксплуатируются только в экспериментальном формате.

В настоящее время требуется определить юридические особенности субъекта транспортного преступления будущего хотя бы для обозначения пределов ответственности лиц, чей непрофессионализм может поставить под угрозу транспортную безопасность. Принципиальный пересмотр подхода к определению субъекта транспортного преступления, совершенного с использованием беспилотного или иного высокотехнологичного транспортного средства, ни в данный момент, ни в ближайшем будущем не потребуется.

Во-первых, в соответствии с официальной пятиуровневой классификацией всех автоматизированных транспортных средств, которые имеются сейчас и появятся в будущем, только транспортные средства пятого уровня будут обладать такой автоматизированной системой вождения, которая полностью устранил необходимость участия водителя в управлении транспортным средством (распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р). При аварии с участием транспортного средства, относящегося к пятому уровню автоматизации, возникнет необходимость кардинально пересматривать вопросы квалификации транспортного преступления в части определения субъекта его состава. Во всех остальных случаях системы беспилотного управления транспортным средством, технологии искусственного интеллекта, интегрированные в системы ВАС, призваны не заменить водителя (пилота, машиниста), а только обеспечить ему дополнительный комфорт и содействие в процессе управления транспортным средством.

Возможное отсутствие водителя внутри управляемого им транспортного средства значения для квалификации не имеет. Технологические особенности ВАС, позволяющие управлять им дистанционно, не снимают с лица, контролирующего движение транспортного средства на расстоянии, обязанностей по соблюдению установленных правил и безопасной эксплуатации. По указанным причинам водитель, даже в случае своего отказа от непосредственного (ручного) управления транспортным средством, движущимся в режиме автопилота, при прочих равных условиях остается лицом, несущим уголовную ответственность за совершение транспортного преступления.

Во-вторых, широкое толкование понятия «лицо, управляющее транспортным средством» в процессе квалификации нецелесообразно, поскольку это может привести к непреодолимым трудностям при разграничении смежных составов транспортных преступлений. Недопустимо признавать лицо, которое является разработчиком программного

обеспечения для системы управления ВАТС, а также лицо, которое непосредственно участвовало в производстве беспилотного транспортного средства, субъектами составов преступлений, предусмотренных ст. 263, 264, 264.1 и 271.1 УК РФ. При совершении ими общественно опасных деяний, посягающих на транспортную безопасность и причиняющих физический и (или) имущественный вред, следует рассматривать вопрос о привлечении к ответственности по ст. 263.1, 266–267.1 УК РФ.

В-третьих, сама постановка вопроса об уголовной ответственности лица только на том основании, что оно является собственником или иным законным владельцем ВАТС, некорректна. При аварии или катастрофе с участием ВАТС данное лицо может привлекаться к иным видам юридической ответственности за вред, причиненный деятельностью источника повышенной опасности, к разновидности которого относится беспилотное транспортное средство.

Библиографический список

1. Ковачич Л. Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход // Московский центр Карнеги. 2020. 20 июля. URL : <https://carnegieendowment.org/2020/07/07/ru-pub-82172> (дата обращения: 31.07.2021).
2. Аксенова Е. И. Экспертный обзор развития технологий искусственного интеллекта в России и мире. Выбор приоритетных направлений развития искусственного интеллекта в России. М. : НИИОЗММ ДЗМ, 2019. 38 с.
3. Бегишев И. Р., Хисамова З. И. Искусственный интеллект и уголовный закон : монография. М. : Проспект, 2021. 192 с.
4. Ковалев В. Почему техника ломается, или что такое забытое понятие «надежность» // Компоненты и технологии. 2008. № 4. С. 19–22.
5. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства, оснащенные системами искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика и право. 2018. № 3. С. 117–132.
6. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография. Киров : Изд-во Вят. гос. ун-та, 2020. 111 с.
7. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
8. Liu Hin-Yan, 2017, 'Irresponsibilities, inequalities and injustice for autonomous vehicles', *Ethics and Information Technology*, iss. 19(3), viewed 21 August 2021, URL : https://www.researchgate.net/publication/319239390_Irresponsibilities_inequalities_and_injustice_for_autonomous_vehicles.
9. Бояркин А. Предиктивная аналитика: польза, инструменты и примеры. URL : <https://sales-generator.ru/blog/prediktivnaya-analitika/#3> (дата обращения: 21.08.2021).
10. Брускин С. Н. Модели и инструменты предиктивной аналитики для цифровой корпорации // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2017. № 5. С. 135–139.

УДК 343.346

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.474-484

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕКРАСОВ,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории государства и права
и международного права Юридического института,
Тюменский государственный университет,

г. Тюмень, Российская Федерация,

е-mail: m.a.nekrasov@gmail.com;

БОРИС ПАВЛОВИЧ КОЗАЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент Института Академии ФСИН России
по кафедре уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

е-mail: boriskozachenko.55@mail.ru;

ГЕННАДИЙ ЛЕОНИДОВИЧ МИНАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доцент кафедры уголовного права Юридического института,
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,
г. Орел, Российская Федерация,

е-mail: gennadiy_minakov@mail.ru

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГЕНОМНАЯ РЕГИСТРАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ВОПРОСАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для цитирования

Некрасов, М. А. Обязательная государственная геномная регистрация и ее роль в вопросах предупреждения, раскрытия и расследования преступлений / М. А. Некрасов, Б. П. Козаченко, Г. Л. Минаков // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 474–484. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.474-484.

Аннотация. Статья посвящена проблемным аспектам проведения обязательной геномной регистрации граждан. В ней анализируется отечественная практика и зарубежный опыт некоторых стран в этой сфере. Исследованы положения международных актов при проведении геномной регистрации, представлены некоторые предложения по изменению российского законодательства в целях совершенствования процедуры проведения генетического дактилоскопирования лиц, осужденных к уголовным наказаниям.

© Некрасов М. А., Козаченко Б. П., Минаков Г. Л., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: обязательная государственная геномная регистрация, персональные данные, генетическое дактилоскопирование, ответственность осужденных к уголовным наказаниям, международные акты и стандарты.

Действующая концепция естественных прав человека, являющаяся базовой для многих современных конституционных положений, прошла длительный путь своего развития. Еще в XVII в. Дж. Локк отмечал, что «свобода – это не испытание ограничения и насилия со стороны других, это то, что не может быть осуществлено там, где нет закона. Она представляет собой свободу человека располагать и распоряжаться своей личностью, своими действиями, владениями и всей своей собственностью в рамках тех законов, которым он подчиняется, и, таким образом, не подвергаться деспотической воле другого, а свободно следовать своей воле» [1, с. 293–294]. Дальнейшее развитие этой идеи претерпело существенные изменения. Впервые предложенная Р. Штаммлером концепция естественного права основывается на следующей идее: источником естественных прав человека выступает не гуманистическая природа человека, а общество, находящееся на определенном этапе своего исторического развития, в котором складываются ценностные установки и формируется конкретная личность [2, с. 156–160]. При этом следует осознать роль государства в механизме формирования таких общественных ориентиров.

Права и свободы человека должны быть не средством контроля над гражданами, а способом, с помощью которого обеспечивается индивидуальная самостоятельность личности, ее взаимодействие с иными социальными структурами, общественными институтами и самим государством. В связи с этим на совершенно новом уровне видится проблема определения оптимального соотношения государственного участия и автономии индивидуального в организации общественной жизни. Именно нарушение баланса интересов в виде установления их примата со стороны государства над обществом может стать основанием для многочисленных нарушений прав граждан или нормативного закрепления анархического своеволия, что в итоге приведет к трансформации основ социальных отношений и разрушению государственности [3, с. 122].

Важное значение данная проблема приобретает в свете современных научных открытий в области генетики (генная инженерия, генетическая коррекция особенностей человека, генетическая идентификация), так как они неизбежно порождают начало новых общественных отношений, прав и возможностей, которые дают, по сути, право управлять человеческой жизнью на качественно ином уровне, что вызывает необходимость в их правовом регулировании. Это позволяет обоснованно ставить вопрос о том, какие из новых отношений должны подлежать законодательному закреплению, а какие, напротив, нуждаются в защите от государственного или иного вмешательства.

Например, метод генетического дактилоскопирования, открытый в 1984 г. британским генетиком, нашел широкое применение в криминалистике при проведении судебно-медицинских экспертиз в качестве доказательства причастности подозреваемых к преступлениям, что дало возможность по биологическим образцам идентифицировать любого человека. В дальнейшем он стал использоваться для установления родства, совместимости донора и реципиента при трансплантации органов и тканей человека, лечения генетических заболеваний, идентификации человеческих останков. В целях получения новых доказательств и уголовного преследования анализируемый нами метод криминалистической идентификации стал огромным шагом вперед. Вместе с тем следует осознавать, что подобные данные содержат информацию не только об

идентифицируемом лице, но и о его близких родственниках, что ставит обоснованный вопрос об условиях применимости генетической информации с правовой и этической точек зрения.

В настоящее время в Российской Федерации правовое регулирование обязательной государственной геномной регистрации регулируется ч. 3 ст. 55 Основного Закона, согласно которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 242) в ст. 7 закрепил за государством функцию по осуществлению обязательной геномной регистрации в отношении следующих граждан: осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленных лиц, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий. Кроме того, обязательной государственной геномной регистрации подлежат неопознанные трупы.

В соответствии с п. 3 ст. 1 ФЗ № 242 под геномной информацией понимаются персональные данные, включающие в себя кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК) физического лица или неопознанного трупа, не характеризующих их физиологические особенности. Иными словами, по фрагментам этой макромолекулы, обеспечивающей хранение и передачу из поколения в поколение уникального генетического кода, можно практически безошибочно идентифицировать любого человека.

Исходя из пп. 4, 5 ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное уголовным законом, не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пятнадцати лет лишения свободы, а особо тяжкими – умышленные деяния, за совершение которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание. Категории преступлений против половой неприкосновенности граждан и половой свободы получили закрепление в гл. 18 УК РФ (ст. 131–135). Следует отметить, что в санкциях отдельных статей той же главы УК РФ предусматривается назначение уголовных наказаний без изоляции осужденных от общества, контроль за исполнением которых осуществляют уголовно-исполнительные инспекции (УИИ).

Действия по обязательной государственной регистрации проводятся подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) и экспертными подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) в соответствии с постановлением Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы» (далее – постановление № 828) по месту отбывания последними наказания. Согласно пп. 5, 6 постановления № 828 учреждения и органы ФСИН России получают биологический материал лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы, и направляют его в целях получения геномной информации на исследование.

Исходя из анализа действующих нормативных правовых актов, как нам представляется, остается нерешенным вопрос о действиях администрации исправительного учреждения (ИУ) в случае отказа осужденного от проведения принудительной геномной регистрации. В связи с этим целесообразно было бы разъяснить следующее. Во-первых, возможно ли в подобном случае привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности или применение к нему мер принуждения при получении биологических образцов? Во-вторых, влияет ли такой отказ на решение вопросов о его условно-досрочном освобождении или изменении ему условий отбывания наказания? В силу отсутствия соответствующих норм в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ), на наш взгляд, подобных ограничений нет, что указывает на пробел в действующем законодательстве в части столь важной деятельности государства.

В дополнение к изложенному отметим, что согласно п. 6 постановления № 828 руководитель учреждения, исполняющего наказания, обеспечивает получение биологического материала, а также осуществляет контроль за достоверностью сведений о персональных данных лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации. Однако не совсем понятно, в каких действиях выражаются эти обеспечительные меры, а также каков механизм осуществления контроля за достоверностью сведений о персональных данных лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, и соответствием получаемого генетического материала.

Напомним, что во исполнение п. 1 ст. 7 ФЗ № 242 обязательной геномной регистрации подлежат граждане России, в отношении которых вступили в силу приговоры судов за совершение ими всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Этим гражданам суд может назначить наказания, альтернативные лишению свободы. Однако осуществление отбора биологических образцов у этих категорий осужденных действующим законодательством не регламентировано. Например, УИИ ФСИН России подобных процедур не проводят, более того, их деятельность в этой области вообще законодательством не регулируется, хотя ФЗ № 242 действует с 2008 г.

Определенный интерес представляет судебная практика в анализируемой сфере. Так, 16 июня 2016 г. Заводским районным судом г. Кемерово было рассмотрено дело № 2-2761-16 по иску Кемеровского прокурора в интересах Российской Федерации к федеральному казенному учреждению «Исправительная колония № 22» ГУФСИН России по Кемеровской области (далее – ИК-22), в котором последнее обязывалось устранить нарушения законодательства о государственной геномной регистрации. Исходя из материалов дела прокурор г. Кемерово обратился с исковым заявлением к администрации ИУ, в котором изложил требование об устранении нарушения федерального закона, выразившегося в неисполнении обязательства по сбору биологических материалов лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в указанном учреждении. В частности, прокуратура установила, что в январе 2016 г. в ИК-22 из 97 освободившихся по отбытии срока наказания лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также за преступления против половой неприкосновенности, 10 человек не были подвергнуты получению биологического материала, а следовательно, и не было произведено его исследование в целях получения геномной информации. Дальнейшая проверка ИК-22 показала, что по состоянию на 1 июня 2016 г. из 593 осужденных подлежат геномной регистрации 557, однако не прошли ее 535 чел.; 120 осужденных подлежали освобождению по отбытии срока уголовного наказания, из них 86 не прошли обязательную геномную регистрацию. Кроме того, 10 осужденных, которые не были подвергнуты

геномной регистрации, уже были освобождены из ИК-22. Искомые требования прокурора были удовлетворены, а апелляционное определение вышестоящего суда от 22 сентября 2016 г. по делу № 33-12021/2016 оставило это решение без изменения (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSB&n=168597#SaM2OkSEdpiW9qjY1>). Федеральное законодательство было проигнорировано.

Детальный анализ мотивировочной части судебного решения в рассматриваемом деле показывает, что выводы суда сделаны на основе толкования исключительно норм действующего законодательства без каких-либо ориентиров на международные стандарты или имеющуюся практику регулирования аналогичных отношений в зарубежных странах. При этом сформировавшаяся практика Европейского суда по правам человека исходит совершенно из других приоритетов, что, по нашему мнению, указывает на необходимость концептуального пересмотра позиций в этой сфере. Очевиден тот факт, что Российская Федерация, вступив в Совет Европы и ратифицировав Конвенцию о защите прав человека, признала прецедентную практику Европейского суда по защите прав человека в качестве еще одного фактора, который учитывается для принятия взвешенных правовых решений (за некоторыми исключениями). Как нам представляется, в перспективе придется принимать решение и о целесообразности соблюдения либо отказа от формирующейся конвенциональной базы и правоприменительной практики, которая сложилась в сфере использования генома человека в правоохранительных целях.

К изложенному добавим, что среди новых документов международного уровня в области генетики, направленных на соблюдение прав человека, заслуживает особого внимания Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека, принятая 11 ноября 1997 г. Статья 6 указанной декларации закрепляет принцип, согласно которому ни один гражданин не может подвергаться дискриминации по признаку генетических характеристик, если ее цели или результаты представляют собой посягательство на права человека, основные свободы и человеческое достоинство (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml). Исходя из этого каждый человек имеет право на справедливую компенсацию того или иного ущерба, причиненного в результате непосредственного и детерминирующего воздействия на его геном в соответствии с международным правом и национальным законодательством. При этом согласно сформировавшейся судебной практике Европейского суда по правам человека всеобъемлющее и неизбирательное удержание отпечатков пальцев, образцов клеток и профилей как носителей генетической информации после вынесения оправдательного приговора считается нарушением ст. 8. Иными словами, если изъятие биологических материалов произошло, но разбирательство дела закончилось оправдательным приговором, то по заявлению сторон образцы и профили ДНК подлежат обязательному уничтожению (http://www.echr.coe.int/documents/research_report_bioethics_rus.pdf).

Действующий ФЗ № 242 подобных оговорок не содержит, и для отечественных органов исполнительной власти основанием для забора генетического материала является вступивший в силу обвинительный приговор суда. Однако если вышестоящий суд в порядке, например, кассационного производства отменил решение нижестоящего и освободил от отбывания наказания лицо, в отношении которого уже есть решение суда, вступившее в законную силу, то остается неясным вопрос о том, подлежит ли уничтожению генетическая информация этого гражданина, внесенная в соответствующую государственную базу данных, обязательному уничтожению, ведь на законодательном уровне такое предписание в Российской Федерации отсутствует.

В отличие от отечественного законодательства, зарубежная правоохранительная практика допускает проведение генетических тестов без решения суда, если человек был задержан в качестве подозреваемого в совершении преступления. Так, Верховный суд США в деле «Штат Мэриленд против Кинга» в 2013 г. прямо указал на законность подобных действий (<http://supreme.justia.com/cases/federal/us/569/435/#465-66>). Однако если арестованному впоследствии не было предъявлено обвинение или он был оправдан, его данные ДНК могут быть удалены автоматически (в некоторых штатах, таких как Иллинойс, Мэриленд и Техас) или по запросу самого лица.

Обратимся к Международной декларации о генетических данных человека, принятой ООН 16 октября 2003 г. Статья 4 обозначенного акта определяет, что генетические данные человека имеют особый статус ввиду того, что могут указывать на проявления соответствующей предрасположенности лица, оказывать воздействие на семью на протяжении нескольких поколений, включая потомков, а в ряде случаев и на целую группу, к которой относится этот индивид, или содержать информацию, значение которой может быть неизвестно на момент сбора биологических образцов. Кроме того, генетические данные могут иметь культурное значение для отдельных лиц или групп. Генетические данные человека, помимо указанного, могут использоваться согласно ст. 5 в конкретных целях в области судебной медицины и судопроизводства по гражданским, уголовным и иным делам, за исключением расследования, раскрытия и судебного преследования уголовных преступлений, порядок которых регламентируется внутренним правом (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml). В связи с этим обоснованно возникает вопрос о существовании «гена преступности», открытие которого активно обсуждается в отечественной и зарубежной научной литературе. Например, в статье «Генетический фон экстремального насильственного поведения» финские исследователи пришли к выводу о том, что мутации ряда генов в сочетании с социальными ситуациями, в которых ребенок растет в неблагополучной семье, если его воспитанием не занимаются или у него слишком авторитарные родители, приводят к развитию склонности к насилию [4].

Следует также констатировать, что Наффилдский совет по биоэтике (Nuffield Council on Bioethics) в Великобритании по анализируемому вопросу даже разработал рекомендации, согласно которым в деятельность судебных органов необходимо внедрить практику изучения генетической структуры подсудимых и принимать решение об их виновности с учетом такой информации. Более того, если выявляется генетическая предрасположенность к совершению преступления, то она по своей доказательной силе должна приравниваться к психиатрической экспертизе, и на эти данные можно ссылаться в судебном процессе [5, с. 721].

Результаты еще одного совместного исследования, посвященного изучению того, как генетические и криминальные факторы сочетаются между собой и влияют на асоциальное поведение человека, были опубликованы в 2018 г. Группа ученых из США и Великобритании пришла к выводу о том, что вероятность совершения преступления из-за генетического отклонения составляет примерно 40 %. На преступное поведение, помимо генетики, существенное влияние оказывает социальная среда, а также образовательный уровень обвиняемого. Если ребенок воспитывался в социально неблагополучном окружении и родители его демонстрировали асоциальное поведение, а в дополнение это сочеталось с низким образовательным уровнем, то риск его первой судимости в период до окончания средней школы существенно возрастал.

Полученные научные результаты, на наш взгляд, позволяют еще глубже взглянуть на проблему предупреждения преступности несколько под иным ракурсом. Так как в ряде зарубежных стран разрабатываются правила, регламентирующие использование поведенческих генетических данных, то возникает вопрос в том, будет ли такая информация оказывать влияние на решение судей при привлечении преступников к ответственности? А само выявление совокупности неблагоприятных факторов у преступника не будет ли ставить вопрос о снисхождении к нему со стороны присяжных при вынесении приговора ввиду того, что, например, правонарушение было совершено в состоянии аффекта, либо импульсивности, либо, напротив, из-за страха, и предусматривать более тяжкое наказание?

Зарубежные исследователи в области психологии, которые чисто потенциально в перспективе могут быть присяжными, на сегодняшний момент на вопрос о влиянии такой информации на людей не дают однозначного ответа, указывая как на возможное уменьшение сроков в выносимых предполагаемых приговорах, так и на то, что наличие генетического и социального отклонения у преступника не оказывает какого-либо существенного влияния на принимаемое решение. Ведь появление генетического детерминизма – идеи о том, что гены выступают основной причиной поведения человека, получило достаточное признание в мировом научном сообществе и широкое освещение в средствах массовой информации.

Как нам представляется, несомненный научный интерес содержит исследование Дж. Бредли Сегала, который, отвечая на вопрос о том, должен ли и в какой момент суд признать нейрогенетические доказательства вины в качестве смягчающего обстоятельства при вынесении решения, указывает на то, что современное уголовное правосудие использует подход, согласно которому индивидуальные поступки человека являются результатом его волевых усилий. Вместе с тем при наличии нейрогенетической уязвимости он предлагает учитывать следующие аспекты: во-первых, знал ли обвиняемый или должен был знать, что он представляет потенциальную опасность насильственного нанесения вреда другим лицам (что может включать в себя предыдущие подобные инциденты или модели аналогичного поведения, шаги, предпринятые специально для предотвращения преступного поведения или его воздействия на иных индивидов, предупреждения или наблюдения других граждан в отношении того, что он особенно склонен к насилию); во-вторых, предпринял ли ответчик волевые шаги, чтобы защитить других граждан от вреда насилия: знал ли обвиняемый, что его склонность к насилию имеет научно обоснованную нейрогенетическую связь (значимые шаги могут включать в себя усилия по поиску оценки и лечения поведенческого здоровья, продемонстрированные усилия по предотвращению или управлению ситуациями, которые могут вызывать насильственные реакции, воздержание от алкоголя и других веществ, которые в целом связаны с более высоким риском насилия или с самим насилием для этого человека, и (или) взаимодействие с социальными группами (например, коллективами самопомощи, сверстниками, религиозными общинами), чьи ценности и ожидания защищают от насилия).

В случаях если обвиняемый явно преследовал значимые гарантии против склонности к насилию, которое он совершил или должен был признать, то такие действия заслуживают рассмотрения в качестве смягчающих обстоятельств. Однако если обвиняемый знал или, исходя из полученной информации, должен был знать о том, что он не может управлять своей склонностью к насилию, и никаких значимых действий по защите окружающих от своей склонности не предпринимал, то они должны быть ли-

шны возможности представлять подобные доказательства независимо от их научной обоснованности или актуальности.

Полагаем, что подобная позиция нуждается в существенном дополнении. На наш взгляд, представляется дискуссионным вопрос о том, необходимо ли на законодательном уровне разработать комплекс профилактических мер, направленных на работу с данной категорией лиц, привлекаемых к ответственности за совершение уголовно наказуемых деяний или административных проступков. Параллельно встает вопрос о том, должны ли суды при вынесении окончательного решения о виновности таких лиц учитывать нейрогенетические данные, полученные при исследовании личности обвиняемых, и, помимо основного наказания, предусматривать комплекс мер медицинского и воспитательного характера? Будут ли влиять нейрогенетические особенности осужденных при их отрицательном или положительном поведении в период отбывания наказания на изменение условий содержания, применение мер поощрения и взыскания?

Представленные нами аргументы вызывают вполне логичное сомнение в том, должно ли государство в будущем настаивать на принудительном изменении генома человека в тех случаях, когда у обоих родителей будет выявлена такая мутация, ведь новые технологии в этой сфере (например, CRISPR/Cas, при которой возможно внесение изменений в геном человека) уже проходят широкую апробацию во всем мире.

Исследование самой сути обязательной государственной геномной регистрации человека поднимает еще одну чрезвычайно актуальную группу проблем, связанную с дискриминацией человека по генетическим особенностям. Например, если отец ребенка совершил преступление, не скажется ли это обстоятельство на его семье, близких родственниках по восходящей, нисходящей или боковым линиям родства, не будет ли это препятствовать заключению брака такими лицами или получению ими различных социальных услуг? В связи с этим напомним, что на сегодняшний день в нашей стране нет ни одного нормативного правового акта, который защищал бы отечественных граждан, иностранных граждан или лиц без гражданства, находящихся на территории России, от дискриминации в любой сфере общественных отношений по признаку их генетической уникальности или особенности.

Следует с уверенностью констатировать, что использование методов ДНК-идентификации качественно меняет картину происшествия, если иных доказательств, помимо генетического материала, обнаруженного на месте происшествия, попросту нет. Однако в связи с этим остается открытым вопрос о защите и достоверности получаемой генетической информации. Закономерно встает вопрос о том, как быть, если генетические данные стали объектом фальсификации, а полученные с помощью ДНК-экспертизы сведения выступают в качестве единственного доказательства виновности лица по делу? Однозначного ответа на этот вопрос, к сожалению, пока нет. Вместе с тем статистика свидетельствует о том, что случаи некачественно проведенных ДНК-тестов не такой уж и редкий факт, в результате которого к юридической ответственности может быть привлечено невиновное лицо или возникнут иные неблагоприятные последствия для любого гражданина.

В настоящее время самый большой фонд генетической информации сформирован в США на основе баз данных ее добровольной передачи, осуществляемой гражданами, и принудительной регистрации, проводимой государством. В результате этого раскрываемость преступлений с помощью анализа ДНК увеличивается в огромной прогрессии только потому, что базы их данных пополняются с невиданной скоростью [6, с. 80]. Существенную роль в этом играет добровольная генетическая регистрация. С помощью

домашних ДНК-тестов граждане пытаются отыскать своих родственников, родителей, что иногда раскрывает семейные тайны, скрытые беременности, супружеские измены. Как следствие, в современном обществе становится все труднее сохранить какие-либо секреты. Достаточно отметить, что запрет на дискриминацию граждан по признаку генетической уникальности реализован не только на конвенциональном, но и в ряде зарубежных стран на национальном законодательном уровне. Так, в США в 2008 г. был принят Закон о запрете дискриминации на основе их генетической информации (GINA), запрещающий дискриминацию со стороны работодателей и страховых организаций, занимающихся страхованием здоровья (<https://www.govtrack.us/congress/bills/110/hr493/text>). Закон защищает американцев от дискриминации на основе их генетической информации как в области медицинского страхования (разд. I), так и в сфере занятости (разд. II). Раздел I вносит поправки в Закон о пенсионном обеспечении работников 1974 г. (ERISA) (<https://www.dol.gov/agencies/ebsa/laws-and-regulations/laws/erisa>), Закон о здравоохранении (PHSA) (<https://legcounsel.house.gov/Comps/PHSA-merged.pdf>) и Кодекс внутренних доходов (IRC) (<https://www.law.cornell.edu/uscode/text/26>) посредством Закона о мобильности и подотчетности медицинского страхования 1996 г. (HIPAA) (<https://www.hhs.gov/sites/default/files/privacysummary.pdf>), а также Закон о социальном обеспечении (https://www.ssa.gov/OP_Home/ssact/ssact-toc.htm), запрещающий страховым компаниям заниматься генетической дискриминацией.

В Великобритании 23 октября 2018 г. был разработан и подписан Кодекс о генетическом тестировании и страховании, в соответствии с которым Ассоциация британских страховщиков, проводящая разовые или годовые полисы страхования, не будет пользоваться результатами прогностических генетических тестов при любых обстоятельствах (<https://www.gov.uk/government/publications/code-on-genetic-testing-and-insurance>).

В ФРГ Закон о генетической экспертизе человека от 24 апреля 2009 г. определяет требования к генетическим исследованиям и аналогичным анализам, проводимым в рамках подобного тестирования. Он направлен на предотвращение любой дискриминации, основанием которой являются генетические характеристики человека. Государство берет на себя обязанности по защите человеческого достоинства и обеспечивает право личности на самоопределение. Закон не распространяет свое действие на генетические исследования и генетический анализ или обработку генетических образцов либо генетические данные, полученные: 1) для исследовательских целей; 2) на основании применимых правил, касающихся: а) уголовно-процессуальных отношений, международной правовой помощи по уголовным делам, деятельности федеральных полицейских органов федерального уровня и полиции земель, расследующих уголовные преступления; б) закона о защите от инфекций (https://www.eshg.org/fileadmin/www.eshg.org/documents/Europe/LegalWS/Germany_GenDG_Law_German_English.pdf).

В некоторых государствах к исследуемой проблеме подходят значительно жестко. Так, в Кувейте в 2015 г. был принят Закон об обязательной генетической регистрации всех граждан государства, включая туристов, под страхом уголовного наказания, предусматривающего один год тюремного заключения и штраф в размере 33 тыс. долларов США. В случае предоставления подложной генетической информации возможно назначение наказания в виде тюремного заключения до семи лет. Подобное решение было принято после террористического акта, осуществленного боевиками так называемого Исламского государства (запрещенной в России организации), в результате которого погибло значительное количество мирных граждан [7].

Приведенные нами примеры показывают, что отдельные страны мира решают вопросы обязательной государственной регистрации с различных позиций: от полного сканирования ДНК всех граждан (кувейтская модель) до обязательной государственной геномной регистрации в отношении лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, половые преступления, идентификации неопознанных трупов (российская модель).

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что в свете всех новых открытий в рассматриваемой нами сфере полный запрет на генетическую дискриминацию вряд ли может быть достигнут. Вне сомнений, потенциал генетической дискриминации достаточно высок. Это относится не только к каждой коммерческой сделке, где одна сторона имеет экономический интерес в будущем на здоровье другой стороны (например, в вопросах предоставления ипотеки или коммерческих ссуд), но и к неэкономическим отношениям. Мы подразумеваем области, где есть интерес к объяснению или прогнозированию текущего или будущего состояния здоровья человека (усыновление, опека над ребенком, травматизм) или где важно поведение гражданина в будущем, например, в сфере образования или уголовном праве. Тем не менее обязательная геномная регистрация представляет собой меру государственного принуждения, которая выступает важным индикатором, показывающим, как государство относится к соблюдению баланса личных и общественных интересов на конкретном этапе своего развития.

Не нуждается в доказательстве тот факт, что действующий механизм обязательной государственной геномной регистрации в Российской Федерации нуждается в дальнейшем законодательном совершенствовании. На теоретическом уровне, на наш взгляд, было бы целесообразным разработать модель ограничения прав и свобод человека и гражданина, связанных с передачей генетической информации уголовно наказуемых правонарушителей, а также граждан, подозреваемых и обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, в генетическую базу данных государства.

Учитывая новые научные открытия в генетической сфере, показывающие наличие взаимосвязи между нейрогенетическими и социально-поведенческими особенностями человека и его склонностью к совершению преступлений, следовало бы на уровне научного исследования разработать комплекс условий, при которых возможен учет в отношении правонарушителя смягчающих или отягчающих обстоятельств при решении вопроса о его виновности, а также назначенной меры уголовного наказания и последующей профилактической работы для предотвращения совершения им новых преступлений (рецидива).

Для совершенствования механизма обязательной государственной геномной регистрации граждан в Российской Федерации на законодательном уровне было бы желательным, во-первых, закрепить возможность осуществления обязательной государственной геномной регистрации в отношении лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний; во-вторых, предусмотреть четкую возможность автоматического аннулирования полученных генетических данных в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в случае, если они признаны невинными соответствующими решениями судов; в-третьих, закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве возможность привлечения осужденного к дисциплинарной ответственности в случае уклонения его от осуществления принудительной генетической регистрации; в-четвертых, разработать и внедрить четкий механизм осуществления контроля над достоверностью ДНК-данных, получаемых от осужденных, в период отбывания ими наказания в учреждениях ФСИН России; в-пятых, закрепить

на законодательном уровне запрет на дискриминацию отечественных граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства по признаку их генетической уникальности.

Учет, апробация и последующее внесение указанных предложений и уточнений в отечественное законодательство будет способствовать процессу совершенствования процедуры проведения обязательной государственной геномной регистрации граждан, совершивших тяжкие, особо тяжкие и иные преступления, повышению степени защищенности правового положения лиц, находящихся в учреждениях и органах ФСИН России, а в итоге и решению проблемы рецидива преступлений.

Библиографический список

1. Локк Д. Два трактата о правлении // Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
2. Stammler, R. 1902, *Die Lehre von dem richtigen Rechte*, Jurisprudence, Berlin.
3. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2007. 384 с.
4. Tiihonen, J., Rautiainen, M., Ollila, H. & Repo-Tiihonen, E. 2015, 'Genetic background of extreme violent behavior', *Mol Psychiatry*, vol. 20, pp. 786–792.
5. Тарантул В. Геном человека: энциклопедия, написанная четырьмя буквами. М., 2003. 500 с.
6. Перепечина И. О. Эффективность ДНК-анализа при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 80–81.
7. Coghlan A. 2017, 'Kuwait's plans for mandatory DNA database have been cancelled', *New Scientist*, October 9.

УДК 343.982.3

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.485-491

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИСТЯКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики Юридического института,
Российский университет дружбы народов (РУДН),
профессор кафедры частного права института государственного
управления и права, Государственный университет управления,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: sauber60@yandex.ru;

ЭЛЕОНОРА ЮРЬЕВНА БАДАЛЬЯНЦ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин,
Московский университет имени С. Ю. Витте (Рязанский филиал),
г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: kafupikr2011@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЭПИДЕМИЙ И ПАНДЕМИЙ

Для цитирования

Чистяков, А. А. Уголовно-правовые меры борьбы с распространением эпидемий и пандемий / А. А. Чистяков, Э. Ю. Бадалянец // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 485–491. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.485-491.

Аннотация. В статье рассматривается проблема уголовно-правового противодействия распространению эпидемий и пандемий. Анализируется отечественный опыт в данной области и выявляются особенности современного уголовного законодательства в части регламентации ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии коронавирусного заболевания COVID-19 и за распространение фейковой информации о пандемии и вакцинации. Определена необходимость дальнейших научных исследований в области уголовно-правового противодействия пандемиям и совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: заражение, коронавирусная инфекция, пандемия, санитарно-эпидемиологические правила, фейковая информация, эпидемия, COVID-19.

В XXI в. мир столкнулся с таким явлением, как всеобщая пандемия COVID-19. Уже подзабыты такие страшные заболевания, как чума, черная оспа, сибирская язва и холера.

© Чистяков А. А., Бадалянец Э. Ю., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ра. На смену пришли ВИЧ-инфекция и пандемия коронавируса. Стало очевидным, что предупреждение распространения опасных инфекционных заболеваний требует жестких государственно-правовых мер, среди которых особое значение имеют уголовно-правовые средства противодействия распространению опасных инфекционных заболеваний.

Предваряя современный этап борьбы с инфекционными заболеваниями, их массовым распространением, следует отметить, что противоэпидемические и карантинные мероприятия проводились в России издревле. Например, грамота «О встрече и принятии отпущенного из Москвы в Курск, по причине происшедших там болезней, животворящего креста господня с мощами» (20 февраля 1649 г.) содержала упоминание о случаях заболевания жителей Курска «нападными болезнями». Указы от 30 июля 1656 г., от 15 июля 1657 г., от 5 августа 1656 г. определяли основы организации карантина и предотвращения распространения инфекции в государстве. Среди перечисленных актов следует отметить Указ от 30 июля 1656 г. «О предосторожности в Москве от Морового поветрия», которым предписывалось строительство застав, «чтоб никакие люди к Москве не проезжали и пешие не проходили». За размещение и предоставление возможности передвижения по Москве лицам, приехавшим из очагов инфекции, полагалась смертная казнь. Государственные противоэпидемические мероприятия содержатся в указах периода царствования Иоанна и Петра Алексеевича «О неторговании рыбою и мясом в шалашах и на скамьях и о сломке оных» (Указ от 11 августа 1683 г.). Именные указы Петра I от 3 октября 1688 г. «О свозе нечистоты с улиц и переулков в Москве» и от 22 февраля 1709 г. «О наблюдении Московским обывателям чистоты на дворах и на улицах, о свозе всякаго помету на Земляной город и содержании мостовой в исправности», кроме санитарных требований, содержали санкции за несоблюдение чистоты. В случае нарушения данных правил виновные должны были очищать город от мусора и нечистот, а за уклонение подвергались денежному штрафу либо битью батогами или кнутом.

Осуществлялась борьба и со слухами о заболеваниях и эпидемии. В августе 1830 г. был опубликован манифест «О смятении, бывшем в некоторых Губерниях и Санкт-Петербурге, по случаю разнесшихся нелепых слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры». В сентябре 1830 г. во время эпидемии холеры Николай I обратился с личным письмом к министру внутренних дел графу А. А. Закревскому «О принятии решительных мер к прекращению эпидемической болезни холеры».

В 1841 г. Александр I утвердил Устав о карантинах. Под карантинном в России понималось учреждение для содержания лиц, приехавших из мест, где есть чума или иная заразная болезнь, а также места для дезинфекции товаров. Целью карантинных учреждений была охрана государства от чумы и других болезней. Устав предусматривал государственные меры, направленные на борьбу с эпидемиями. Иностранное судно принималось в российском порту только при наличии специального свидетельства – карантинного вида, заверенного медицинским чиновником и удостоверявшего в безопасности находящихся на судне людей, товара и иного груза. Если в стране, из которой направлялись суда в Россию, отсутствовали карантинные заведения, им разрешалось прибытие только в строго отведенные российские порты, где были организованы специальные карантинные таможни.

Обращает на себя внимание тот факт, что «карантин» как правовой термин и юридическая категория исторически имел и продолжает иметь широкое значение. Карантин (от фр. *quarantaine*, итал. *quarantena* – сорок дней) – комплекс ограничительных и режимных противоэпидемических мероприятий, направленных на ограничение контактов (изоляцию). В свою очередь, изоляция (от фр. *isolation* – разобщать) представляет собой обособление кого-либо или чего-либо, лишение связи с окружающей средой.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) установило уголовную ответственность за нарушение карантинных мер («О нарушении уставов карантинных»); за нарушение эпидемиологических правил («О нарушении постановлений против распространения повальных или прилипчивых болезней»; «О нарушении правил для погребения мертвых»; «О нарушении уставов врачебных»). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1885 г.) содержало нормы, предусматривающие смертную казнь за нарушение карантинных уставов (ст. 831, 832). Смертной казнью карались подделка документа, использование поддельного или чужого документа с целью избежать карантин; сокрытие на корабле и транспорте товаров, находившихся в зараженной зоне (ст. 834, 852 Уложения). Устанавливалась ответственность за приобретение и владение вещами, привезенными или доставленными из зараженных мест (ст. 836), за общение между собой лиц, состоящих под карантинным надзором (ст. 837), за торговлю в карантинной черте (ст. 838, 839). Тюремным заключением каралось недонесение органам власти об обнаружении зараженных людей, о собственном заражении, о фактах пользования зараженными вещами и т. д. (ст. 844 Уложения). Уголовное уложение 1903 г. устанавливало ответственность за нарушение правил по охране здоровья населения и за деяния, касающиеся инфекционных болезней, и нарушение похоронных правил.

Система уголовно-правовых норм в советском уголовном праве (УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г.) была направлена, главным образом, на борьбу с заражением других лиц венерическими заболеваниями и с нарушением санитарно-эпидемиологических правил. Обозначенные направления уголовно-правового противодействия, ввиду их безусловной значимости, сохранены и в современном уголовном законодательстве.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий (ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил») и за нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами, если это повлекло причинение вреда здоровью человека, распространение эпидемий или эпизоотий либо иные тяжкие последствия (ст. 248 УК РФ «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами»).

Указанные нормы направлены на охрану человека от опасных заболеваний и содержат конструктивные признаки: «массовое заболевание людей» и «распространение эпидемий». При этом следует понимать, что нарушение санитарно-эпидемиологических правил влечет за собой массовое заболевание, отравление, смерть человека, а эпидемия является результатом нарушения правил в области обращения с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами.

Мировая проблема распространения вируса COVID-19 привела к необходимости принятия решительных мер как на международном, так и на национальном уровне. В наш лексикон вошли такие термины, как: «эпидемия», «пандемия», «карантин», «санитарно-эпидемиологическое благополучие», что требует их дополнительного уточнения. Изучим филологическое толкование терминов «эпидемия» и «пандемия». Эпидемия (от гр. *epi* – среди и *demos* – народ) – повальная, заразительная болезнь среди населения. Пандемия (от гр. *pandemos* – весь народ) – необычайно сильная эпидемия, распространившаяся на территории стран и континентов. Таким образом, оба термина предполагают, что заболевание (инфекция) охватит большое количество населения с той лишь разницей, что при эпидемии болезнь (инфекция) будет распространяться среди населения, а охват при пандемии будет более

обширным и затронет страны и континенты. Именно последнее и имело место в результате распространения в мире вируса COVID-19.

Российская Федерация предприняла комплекс мер медико-правового характера для пресечения распространения вируса COVID-19, в том числе были внесены существенные изменения в УК РФ, так как наличие только ст. 236 и 248 УК РФ недостаточны для уголовно-правового противодействия с новыми проявлениями, несущими в себе особую общественную опасность в период распространения пандемии. Одним из таких проявлений стало массовое распространение в обществе фейковой информации как о самом вирусе COVID-19, так и о создаваемых вакцинах. В широком смысле fake-news – это любая недостоверная, заведомо ложная информация. Чаще всего это сплетни, слухи, вымыслы и пропаганда. Цель такой информации – максимально распространить ложь, ввести аудиторию в заблуждение. Понятие «фейк», по утверждению В. В. Дорофеевой, «включает в себя ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданного по заданию заказчика... проекта...» [1, с. 777]. Производители ложной информации руководствуются тем, чтобы привлечь и максимально удержать общественный интерес. Фейковые новости манипулируют общественным сознанием.

Обилие фальшивых сообщений, маскирующихся под новости о распространении коронавирусной инфекции и о вакцинации, в последнее время достигло критической отметки, что предопределило необходимость противодействия им уголовно-правовыми средствами. В результате принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ УК РФ был дополнен двумя новыми составами – ст. 207.1 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» и ст. 207.2 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия», устанавливающими уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации.

Верховный Суд РФ разъяснил, что под заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и (или) о принимаемых в связи с этим мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т. п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему (вопрос № 12 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г.).

В 2020 г. в результате принятия Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ претерпела изменения и ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил». Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и иных нормативно-правовых актов Российской Федерации. Под санитарно-эпидемиологическим благополучием населения понимается такое состояние здоровья населения и среды обитания человека, которое характеризуется двумя основными показателями: отсутствием вредного воздействия факторов среды обитания на человека и обеспечением благоприятных условий жизнедеятельности человека. Если до внесения соответствующих изменений в ст. 236 УК РФ привлечение к уголовной ответственности по данной норме предполагалось по результатам наступивших последствий (массового заболевания или отравления лю-

дей), то в настоящее время достаточно создания угрозы наступления таких последствий. По справедливому мнению, высказанному в публикации, подготовленной Филиалом партнерства с ограниченной ответственностью Брайан Кейв Лейтон Пейзнер ЛЛП в г. Москве, «под понятие «создание угрозы» может подпадать деяние в виде контактов инфицированного человека с неопределенным кругом лиц» [2].

Пандемия коронавирусной инфекции сопровождается разноплановыми действиями, представляющими общественную опасность для общества и государства. Из изложенного следует, что часть таких действий посягает на здоровье населения и связана с нарушениями санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ), а часть – с распространением фейковой информации (ст. 207.1, 207.2 УК РФ). Однако данным перечнем не ограничивается криминальная составляющая такой глобальной проблемы современности, как пандемия коронавирусной инфекции, вызванная коронавирусом SARS-CoV-2. Определенная часть населения относится к коронавирусной инфекции пренебрежительно, а некоторые граждане, получив положительный тест на наличие инфекции, не соблюдают требования действующих правил о самоизоляции и карантине, проявляют безответственное поведение, умышленно стремясь заразить других людей. Такие случаи фиксируются не только в России, но и в других странах мира. Как передавало информационное агентство «РИА Новости», еще в начале 2020 г. власти китайской провинции Хубэй опубликовали уведомление, согласно которому «носители нового коронавируса, которые плюются в общественных местах и намеренно распространяют вирус, ставя под угрозу безопасность других, могут быть привлечены к уголовной ответственности» [3].

Умышленное заражение коронавирусной инфекцией других лиц, как представляется, выходит за рамки ст. 236 УК РФ и требует отдельной квалификации, аналогичной той, которая предусмотрена для лиц, умышленно заражающих других лиц венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) либо ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ). Такое утверждение, в частности, основано на различиях в объективных признаках посягательства: если нарушение санитарно-эпидемиологических правил является посягательством на здоровье населения в целом, то при умышленном заражении других лиц COVID-19 имеет место посягательство на здоровье конкретного человека.

По мнению С. В. Расторопова, «непосредственным объектом заражения венерической болезнью выступают общественные отношения, обеспечивающие здоровье другого человека от действительного заражения венерической болезнью» [4, с. 254].

В свою очередь, непосредственным объектом состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 122 УК РФ, является здоровье другого лица. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 121 УК РФ, может быть выражена лишь в заражении другого лица венерической болезнью. В то время как объективная сторона преступления, регламентированного ст. 122 УК РФ, характеризуется тремя альтернативными формами проявления: заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 1 ст. 122); заражение другого лица ВИЧ-инфекцией (ч. 2 ст. 122); заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122).

Филологическое толкование термина «заражение» показывает, что под ним подразумевается передача заразы кому-нибудь. В свою очередь, слово «зараза» означает «болезнетворное начало, распространяемое микробами». Согласно Словарю русского языка С. И. Ожегова термин «заражать» объясняется как «поражать, убивать, разить на смерть... сообщать что-либо вредное, губительное, особо наносную болезнь», а «зараза» – как «заразительный яд» [5, с. 153].

Умышленное заражение другого лица COVID-19, на наш взгляд, должно быть криминализовано аналогично тому, как это сделано в отношении заражения венерической болезнью и ВИЧ-инфекцией. Такое утверждение основано на пандемическом характере распространения COVID-19 (распространение инфекции по всему миру), серьезных осложнениях для здоровья человека, перенесшего данную инфекцию, на достаточно высоком уровне смертности. По официальным данным Коммуникационного центра Правительства РФ, совокупное число заболевших в мире на 14 июня 2021 г. составляет более 176,7 млн, а умерших – более 3,8 млн [6].

Масштабность и опасность COVID-19 для здоровья граждан предопределило решение Правительства РФ об отнесении коронавирусной инфекции (2019-nCoV) к числу заболеваний, представляющих опасность для окружающих (постановление Правительства РФ от 31 января 2020 г. № 66). Обращает на себя внимание тот факт, что в Перечне заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденном постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715, в числе опасных заболеваний обозначена болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), а также инфекции, передающиеся преимущественно половым путем. Опасность COVID-19 для окружающих, таким образом, приравнена к опасности венерических заболеваний и ВИЧ-инфекции, что служит дополнительным подтверждением обоснованности предложения о необходимости криминализации умышленного заражения коронавирусной инфекцией.

Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, фейковая информация, умышленное заражение других лиц инфекцией – это только часть общественно опасных проявлений, сопровождающих пандемию коронавируса. Правовая проблематика в рассматриваемой области обозначенными аспектами не ограничивается. Г. С. Шкабин справедливо поднимает проблему «коллизии жизней» и призывает научное сообщество обратить внимание на необходимость ее разрешения в правовом пространстве. Автор констатирует, что «интенсивность распространения заболевания и ограниченность медицинских ресурсов создают ситуации, в которых врачам приходится делать выбор между жизнью одного пациента и смертью другого» [7, с. 40]. Такой выбор достаточно труден с нравственной точки зрения. Медицинская этика призывает оказывать помощь каждому пациенту, однако как поступить врачу, если одновременно в больницу поступает множество тяжелобольных COVID-19, а аппаратов искусственной вентиляции легких на всех не хватает? В пользу какого пациента следует делать выбор? Кому в первую очередь предоставить аппарат ИВЛ? «Законодатель, не дающий прямой регламентации таких случаев, отдает их на «откуп» правоприменителям, оставляя лиц, действующих в интересах общества и государства, наедине с опасностью и под угрозой уголовной ответственности» [7, с. 48]. Решение обозначенной проблемы видится в реформировании института крайней необходимости, на чем и акцентирует внимание Г. С. Шкабин в своей научной публикации.

Обобщая изложенное, выделим следующие направления уголовно-правовой борьбы с распространением пандемии коронавирусной инфекции:

- регламентация ответственности за заведомо ложную информацию о пандемии и вакцинации (ст. 207.1, 207.2 УК РФ);
- регламентация ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии (ст. 236 УК РФ);
- криминализация умышленного заражения коронавирусной инфекцией;
- регламентация деятельности медицинского персонала при наличии проблемы коллизии жизней, совершенствование института обстоятельств, исключающих преступность деяния, и признание коронавирусной инфекции источником опасности при крайней необходимости.

Дальнейшая научная дискуссия и последующее совершенствование уголовного законодательства по обозначенным направлениям позволят, на наш взгляд, системно и конструктивно подойти к решению уголовно-правовых проблем, возникающих в связи с распространением пандемии коронавирусного заболевания COVID-19.

Библиографический список

1. Дорофеева В. В. Фейковые новости в современном медиапространстве // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 4. С. 774–786.
2. Ужесточение уголовной ответственности в связи с распространением COVID-19 // Филиал партнерства с ограниченной ответственностью Брайан Кейв Лейтон Пейзнер (Раша) ЛЛП в г. Москве. URL : <https://bclplaw.ru/actual/legal/88298> (дата обращения: 10.06.2021).
3. В Китае будут наказывать за намеренное заражение коронавирусом // РИА Новости. 2020. 30 янв. URL : https://ria.ru/20200130/1564038777.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.06.2021).
4. Расторопов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств : монография. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 462 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : Оникс ; Мир и образование, 2007. 1200 с.
6. Отчет о текущей ситуации по борьбе с коронавирусом (14.06.2021) // Коммуникационный центр Правительства Российской Федерации. URL : https://стопкоронавирус.рф/ai/html/3/attach/2021-06-14_coronavirus_government_report.pdf (дата обращения: 15.06.2021).
7. Шкабин Г. С. Пандемия COVID-19 как источник опасности при крайней необходимости // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2020. № 3. С. 40–50.

УДК 343.847(479.24)

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.492-496

МУСА ГУМБАТ-ОГЛЫ ГУМБАТОВ,

заместитель начальника,

Служба пробации Министерства юстиции Азербайджанской Республики,

г. Баку, Азербайджанская Республика,

e-mail: gumbatovmusa@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

Для цитирования

Гумбатов, М. Г. Организация деятельности Службы пробации в Азербайджанской Республике и ее дальнейшее развитие / М. Г. Гумбатов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 492–496. – DOI: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.492-496.

Аннотация. В статье рассматриваются меры по организации деятельности Службы пробации в Азербайджанской Республике, указываются перспективы ее развития.

Ключевые слова: пробация, наказания без изоляции осужденного от общества, средства электронного контроля, Кодекс по исполнению наказаний, Азербайджанская Республика.

Уже четыре года в структуре Министерства юстиции Азербайджанской Республики функционирует Служба пробации. Этот новый правовой институт был создан распоряжением Президента Азербайджанской Республики от 10 февраля 2017 г. «Об усовершенствовании деятельности в пенитенциарной сфере, гуманизации политики назначения наказания, расширении применения альтернативных мер наказаний и процессуального принуждения, не связанных с изоляцией от общества» и призван обеспечить действенный контроль за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, и повышение эффективности управления в этой сфере. Первые итоги работы по организации деятельности Службы пробации, а также имеющиеся трудности при исполнении альтернативных наказаний нами были рассмотрены ранее [1–5].

За прошедшее время в рамках изменения соответствующего законодательства и согласно Государственной программе от 18 декабря 2018 г. «О развитии азербайджанской юстиции в 2019–2023 годах» был осуществлен комплекс мер для организации эффективной деятельности новой службы и достигнут ряд положительных результатов. Созданной министром юстиции страны в мае 2018 г. специальной рабочей группой

© Гумбатов М. Г., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

с учетом международной практики была проанализирована правовая база исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Следует отметить, что внесенные за последние двадцать лет изменения в Кодекс по исполнению наказаний Азербайджанской Республики, вступивший в силу с 1 сентября 2000 г., в основном были связаны с совершенствованием порядка исполнения наказаний в виде лишения свободы, приведением условий их отбывания в соответствие с международными нормами. Процедура исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, практически осталась без изменения. Так, порядок исполнения наказаний в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, исправительных работ с незначительными изменениями перешел из Исправительно-трудового кодекса 1970 г. в Кодекс по исполнению наказаний. Несмотря на принятие за прошедшее время ряда законодательных актов, затрагивающих содержание этих видов наказаний и порядок их исполнения, они не нашли отражения в Кодексе по исполнению наказаний. Кроме того, имеются некоторые коллизии в законодательстве, а также трудности, возникающие на практике, которые требуют своей правовой коррекции. В связи с этим возникла необходимость пересмотреть и усовершенствовать соответствующие механизмы исполнения названных наказаний.

Несмотря на то что общественные работы и ограничение свободы являются новыми видами наказаний в УК Азербайджанской Республики от 2000 г., они также нуждаются в совершенствовании. В результате рабочей группой было подготовлено несколько законопроектов по внесению изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Миграционный кодексы, кодексы по исполнению наказаний, по административным правонарушениям, Закон о судебных исполнителях и в некоторые другие законодательные акты. Ряд изменений уже приняты и успешно применяются, другие находятся на стадии согласования.

В ходе проведенного анализа законодательства по исполнению альтернативных наказаний и практики их реализации рассмотрению подверглись также вопросы, связанные с содержанием и назначением соответствующих наказаний, был подготовлен ряд предложений по их изменению. Для закрепления института probation на законодательном уровне, определения его задач, полномочий, вопросов взаимодействия с государственными органами, мер реабилитации и социальной адаптации, а также для регулирования других вопросов был подготовлен проект закона «О деятельности probation», который находится на завершающем этапе согласования с заинтересованными структурами.

Одним из направлений деятельности Службы probation, предусмотренных законодательством, является использование современных информационно-коммуникационных технологий в процессе исполнения наказаний. В связи с этим с апреля 2018 г. было начато применение электронных средств контроля (ЭСК) при исполнении наказания в виде ограничения свободы, а также при осуществлении контроля за лицами, условно осужденными и условно-досрочно освобожденными. За прошедший период в отношении более девяти тысяч осужденных были применены ЭСК, а к 1 сентября 2021 г. под электронным контролем находились более четырех тысяч лиц, состоящих на учете Службы probation. В настоящее время в Азербайджане используется ЭСК как собственного, так и зарубежного производства.

В соответствии с Государственной программой развития органов юстиции в конце 2019 г. было спроектировано и разработано соответствующее программное обеспечение, а также налажено производство нового вида ЭСК в Азербайджане. Оно введено в

эксплуатацию после внесения изменений в законодательство с конца августа 2020 г. и применяется в отношении лиц, осужденных, а также привлеченных к административному взысканию в виде общественных работ. Новые ЭСК обеспечивают постоянный контроль за нахождением лиц, выполняющих общественные работы в назначенных для них местах, с их помощью также ведется электронный учет отработанных часов. Результаты использования ЭСК показывают их эффективность, наблюдается значительное снижение как числа нарушений порядка исполнения общественных работ, так и служебной нагрузки на сотрудников Службы пробации. Азербайджанская Республика по применению ЭСК к осужденным, состоящим на учете Службы пробации, за последние два года находится на первых позициях в Европе.

В настоящее время завершена работа по внедрению подсистемы «Электронная пробация», являющейся частью разработанной единой государственной информационной системы «Осужденные и лица, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу», отвечающей международным требованиям. Это подсистема в реальном режиме времени будет обеспечивать обмен соответствующими данными между правоохранительными структурами, а также органами и учреждениями, исполняющими наказания, она интегрирована с соответствующими государственными информационными системами, предусмотрено также внедрение искусственного интеллекта. С ее помощью будет вестись вся документация, в том числе личные дела осужденных в электронном формате, что существенно облегчит служебную нагрузку и повысит эффективность работы сотрудников Службы пробации.

За прошедший период было уделено много внимания совершенствованию организационно-структурного построения службы, обеспечению самостоятельности местных органов пробации. При организации Службы пробации только в двух городах страны (в Сумгаите и Гяндже) были созданы самостоятельные отделы пробации. В других административных единицах, в том числе в 12 районах г. Баку, деятельность службы была организована на базе служб исполнения судебных решений и на основе двойного подчинения. В целях изучения возможности постепенного отделения пробации от службы исполнения наказаний и организации ее работы на основе регионального принципа в 2019 г. в качестве пилотного проекта на базе Сумгаитского отдела пробации был создан региональный отдел службы. Новой структуре были подчинены сотрудники пробации четырех районных отделов исполнения и пробации. С учетом успешной реализации пилотного проекта, эффективной организации деятельности пробации на территории г. Баку согласно приказу министра юстиции Азербайджанской Республики в ноябре 2020 г. было создано столичное Управление по пробации. В ближайшее время с учетом накопленного опыта, а также логистических и других организационных вопросов планируется создание межрайонных отделов пробации. Обеспечение самостоятельности служб пробации на местах позволит осуществлять эффективное руководство, улучшить организацию работы и контроля за их деятельностью, правильно распределить служебную нагрузку, а также укрепить дисциплину среди сотрудников.

Несмотря на предоставленные права и льготы, предусмотренные Законом от 26 мая 2006 г. «О прохождении службы в органах юстиции», усиление социальной защиты сотрудников Службы пробации, поиск новых возможностей материального стимулирования их деятельности занял особое место в организационной работе. В этих целях в июне 2020 г. было внесено изменение в Закон «О судебных исполнителях», которое установило, что 43 % из общей суммы уплаченных штрафов и удержаний из заработка осужденных, отбывающих исправительные работы, а также выплат штрафов со сто-

роны юридических лиц в качестве уголовно-правовой меры, остаются в распоряжении Министерства юстиции. Согласно постановлению Кабинета министров Республики от 28 апреля 2021 г. половина указанной суммы ежемесячно перечисляется в виде дополнительной выплаты к заработной плате сотрудников и работников Службы пробации, а другая половина направляется на улучшение материально-технической базы службы. В настоящее время внесено предложение об установлении дополнительной выплаты сотрудникам пробации, работающим непосредственно с осужденными.

Однако для дальнейшего совершенствования деятельности Службы пробации, эффективной организации ее работы, по нашему мнению, необходимо принятие ряда дополнительных мер.

Во-первых, с учетом международной практики, а также рекомендаций Европейских правил о пробации следует оптимизировать служебную нагрузку и в законодательном порядке установить максимальное количество осужденных на одного сотрудника. Необходимо усилить правовую защиту сотрудников, а также установить ответственность за вмешательство в деятельность сотрудника пробации при выполнении им своих служебных обязанностей.

Во-вторых, для успешной реализации мер, направленных на исправление, реабилитацию и реинтеграцию осужденных, было бы целесообразно ввести в штаты Службы пробации должности психологов и социальных работников, а также установить институт оплачиваемых помощников сотрудника Службы пробации и определить их правовой статус. Следует рассмотреть предложение о подготовке сотрудников для Службы пробации в Академии юстиции Азербайджанской Республики. При этом можно было бы использовать имеющийся положительный опыт Академии ФСИН России, с которой с 1995 г. Министерство юстиции Азербайджанской Республики плодотворно сотрудничает по подготовке квалифицированных кадров для пенитенциарных учреждений страны. Для обеспечения самостоятельности на всех уровнях управления нужно в ближайшее время завершить работу по совершенствованию структуры службы.

Некоторые из указанных предложений включены в проект закона «О деятельности пробации». Надеемся, что они будут позитивно оценены и приняты. Реализация предложенных мер поможет дальнейшему успешному развитию Службы пробации в Азербайджанской Республике, создаст дополнительные условия для приведения ее деятельности в соответствие с международными нормами.

В заключение отметим, что проделанная работа и внесенные предложения могут быть учтены при создании и развитии системы пробации в Российской Федерации, которая предусмотрена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р.

Библиографический список

1. Гумбатов М. Г. Новеллы в законодательстве Азербайджанской Республики, связанные с уголовным наказанием в виде общественных работ // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4), № 2. С. 217–221.

2. Гумбатов М. Г. Наказания в виде ограничения свободы в Азербайджанской Республике // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 28–29 нояб. 2018 г.) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2018. Т. 1 : Материалы пленарного заседания. С. 196–209.

3. Гумбатов М. Г. Пробация в Азербайджанской Республике и перспективы ее развития // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1–4), № 2. С. 172–173.

4. Гумбатов М. Г. Пробация в Азербайджанской Республике: первые результаты и перспективы развития // Международный пенитенциарный журнал. 2020. Т. 2 (1–3), № 1. С. 46–52.

5. Гумбатов М. Г. Применение электронных средств контроля за исполнением наказаний в Азербайджанской Республике // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 18–19 нояб. 2020 г.) : в 6 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2020. Т. 1 : Материалы Всероссийского круглого стола с международным участием «Проблемы уголовной ответственности и наказания». С. 52–57.

УДК 343.821

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.497-509

ЮРИЙ АРСЕНОВИЧ РЕЕНТ,

доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
профессор кафедры философии и истории,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-8378-6106,
e-mail: reent2@yandex.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РОССИИ В XX ВЕКЕ

Для цитирования

Реент, Ю. А. Криминальная стратификация в местах лишения свободы России в XX веке / Ю. А. Реент // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 497–509. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.497-509.

Аннотация. Статья содержит обзор неформальных, но устойчивых социально-криминальных групп, характерных для российских тюремных учреждений в общественно-политическом и временном пространстве XX века, а также особенностей внутренних отношений между заключенными. Подчеркивается, что подобное исследование будет далеко не полным без выяснения закономерностей в отношениях служащих государственных структур и представителей общества к носителям тюремной субкультуры, а также к деятельности сотрудников правоохранительной системы в целом и пенитенциарных учреждений в частности. Вызвано это тем, что криминальная субкультура уже давно вышла за пределы пенитенциарных учреждений, проникая в различные социальные группы, где нередко формируются условия для дальнейшего ее распространения. Таким образом, объектом исследования являются спецконтингент мест лишения свободы, реализуемая там совокупность ценностей, обычаев, традиций, норм и правил поведения осужденных в рамках неформально установленных социальных групп.

Цель данной работы – выявление и сопоставление особенностей преступной и тюремной субкультуры, разделения осужденных на неформальные, но устойчивые социальные страты. Изучению формирующихся социальных слоев и групп в тюремных учреждениях предшествовало исследование субкультуры криминальных сообществ. «Первопроходцами» этого научного направления были социологи Р. Мертон, Д. Юнг и др. А. Козну принадлежит первенство в разработке концепции субкультур на основе анализа специфических поведенческих особенностей криминальных объединений. Что касается исследований поведения раз-

© Реент Ю. А., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

личных социальных групп внутри тюремных общин Российской империи в рамках исторических дисциплин, то значительный вклад в них внесли В. М. Дорошевич, П. Ф. Якубович, С. В. Максимов, Г. Н. Брейтман, М. Н. Гернет, другие ученые и публицисты.

К началу XX века в развивающемся буржуазно-монархическом государстве уже сформировалась целостная структура социальных групп, дифференцированных по имущественному, профессиональному, образовательному, национальным и сословным признакам. Это отразилось и на выделении новых социально-криминальных страт со шкалой специфических отношений и целей. Распад монархии и становление советской власти внесли значительные коррективы в характеристики криминальных групп, осужденных к лишению свободы. Серьезный перелом произошел в 1930-е годы в связи с завершением преобразования тюремной системы в исправительно-трудовую. Годы Великой Отечественной войны и социально-политические условия послевоенного периода окончательно разрушили старые социальные структуры тюремного мира, но не уничтожили их, а только существенно видоизменили.

Ключевые слова: отечественная история, пенитенциарная система, тюремная субкультура, криминальная стратификация, Россия в XX веке.

Введение

Обозначенные проблемы оказались в поле зрения многих современных исследователей. Большой интерес представляют изыскания Ю. М. Антоняна, В. М. Анисимкова, А. Г. Бронникова, С. И. Дементьева, Ю. П. Дубягина, С. А. Кутякина, С. Я. Лебедева, А. Н. Мондохорова, Ж. Росси, А. В. Бриллиантова, А. А. Тайбакова, Г. Ф. Хохрякова, В. Чалидзе и др. Как справедливо утверждают С. И. Кузьмин и Е. С. Якушина, иерархическое строение общества является важным условием его существования. «Аналогичные процессы характерны и для криминального сообщества, а движение по иерархической лестнице связано с соблюдением воровского и тюремного законов» [14, с. 24]. Более того, по мнению Н. П. Барабанова, очень сложно встретить коллектив, где «существует столь четко выраженная иерархическая структура, как в криминальном мире» [3, с. 178].

В целом мы склонны принять позицию, высказанную молодым ученым В. В. Тулегеновым, утверждающим, что в силу действия объективных законов общества процессы социальной стратификации не поддаются простому администрированию. Неоднократно «предпринимались попытки поломать кастовую систему в исправительных учреждениях путем формирования отрядов и бригад из одних отверженных. Считалось, что люди, прошедшие сквозь ад немислимых унижений, построят свое сообщество по-другому. Но через некоторое время в их среде опять выделились свои бугры, мужики и опущенные» [26, с. 136].

В то же время нам представляются неприемлемыми подходы, оценивающие эту ситуацию как безысходную, не поддающуюся никакому позитивному воздействию извне. Фатализм в негативных оценках воспитательного воздействия на криминальные страты внутри мест заключения – еще более вредная крайность, чем позиция, пропагандирующая его волшебную и всепобеждающую силу. На наш взгляд, оценки роли сотрудников пенитенциарных учреждений в соотношении использования мер убеждения и принуждения являются чрезвычайно актуальными и во многом основополагающими во взаимоотношениях представителей власти, общества и личности.

Среди ученых-пенитенциаристов известны сторонники шестизвенной периодизации при оценке развития отечественной тюремной субкультуры, а именно: «1) дореволюционный этап, 2) первые годы советской власти (1917–1929), 3) ГУЛАГ в годы первых пятилеток (1930–1953), 4) «постсталинский» (1953–1960), 5) хрущевский (1960–1970), 6) постсоветский (1980-е годы по настоящее время)» [7, гл. 15, п. 1]. В целом такая градация представляется нам приемлемой, хотя и вызывают сомнения временные различия: 5-й этап – 10 лет, 6-й этап – 30 лет (на момент публикации), 1-й этап – несколько веков. Полагаем, что принципиальные изменения в среде осужденных, как правило, не имеют четко очерченных хронологических границ, а происходят эволюционным путем, и это лишь одна из причин, почему в данной статье не будет уделено большого внимания такой периодизации.

Наиболее очевидной целью представленного в статье материала является привлечение внимания читателей пусть и к относительно поверхностному, но все же профессиональному ознакомлению с неформальными криминальными сообществами. По своему генотипу они всегда останутся закрытыми группами общества, а по характеру социальной структуры – сословно-кастовыми. При этом не следует отрицать, что тюремные служащие – это тоже неотделимая часть такого сообщества. Характеристика их встроенности в эту систему не входит в задачи проведенного исследования, тем не менее важно учитывать все возможные формы и проявления структурно-кастовых взаимосвязей в криминальных сообществах.

Результаты исследования

С древних времен и по день сегодняшний разработку и исполнение наказаний за преступления относят к числу наиболее важных направлений государственной деятельности. Однако «именно гражданское общество, а не государство изначально сформировало функции и задачи» [23, с. 136], стоящие перед ним. Феодалное, а затем буржуазное и даже социалистическое общество в своей структуре содержали множество социальных слоев, нередко имевших сильно отличающиеся права и полномочия. Это расслоение находило яркое отражение и в характере взаимоотношений внутри тюремного сообщества.

Нами отмечалось, что «любое продолжительное по времени скопление высокоразвитых биологических субъектов приводит к их разделению на достаточно устойчивые стратификационные социальные ниши... Всегда выделяются явные лидеры, их окружение, «боевая дружина», «трудовая масса» и наиболее ослабленные, угнетаемые особи. В человеческом обществе цивилизационные процессы позволили привести взаимоотношения к приемлемым, пристойным формам» [21, с. 6]. И все же для каждого исторического периода они были в достаточной мере специфичны. Особо разительное своеобразие наблюдается в нетрадиционных общностях, к которым в полной мере следует отнести преступный или «блатной» мир.

Иерархическое строение «тюремных сословий» в самодержавной России

Уже с середины XIX в. профессионализация российского криминалитета достигла невиданных ранее масштабов. Подразделение преступников по роду их деятельности на «масти» мы находим у М. М. Максимова, утверждавшего, что «мошенники и воры делятся на партии и классы, изучая воровство и мошенничество, каждый по своим способностям, от той самой партии, к которой он принадлежит» [17, с. 7]. Г. Н. Брейтман в начале XX в. дал оценку уже существовавшей разветвленной схеме взаимоотношений представителей рецидивной преступности [4, с. 133, 218]. Им обращалось внимание на то, что «сила профессиональных пре-

ступников и заключается в их сплоченности, в имеющейся в наличии правильной организации...» [4, с. 4–5].

Следует отметить, что до начала Второй мировой войны около 90 % преступлений, совершаемых в России, имели насильственный характер. Попадая в места заключения, все криминальные личности достаточно быстро находили соответствующее своему промыслу социальное окружение. Одновременно с этим фиксировались их место и своеобразный социальный статус в тюремной иерархии. Наиболее широкие полномочия в этих неформальных структурах занимали «иваны» – преступные «авторитеты», выдвинувшиеся из числа бродяг, имевших большой тюремно-каторжный стаж. В число их многообразных неписаных прав входило распоряжение жизнью и смертью заключенных. С уважением относились и к «обратникам» – каторжанам, бывавшим в бегах. Считалось, что они знают все ходы и выходы.

Под термином «бродяга» понимался профессиональный преступник, попавший в заключение или вернувшийся оттуда. Из их числа формировались наиболее престижные в криминальной среде группы. Современные исследователи порой без особых на то оснований тиражируют утверждение, что вторая по значению каста – «храпы». Действительно, синонимами, характеризующими их поведение, стали бессовестность, бесцеремонность, крайняя наглость. В отличие от «иванов» они вели себя шумно, нередко несдержанно, провоцировали конфликты, «нахрапом» подавляли остальных. Их классическое определение в научных трудах впервые приводится В. М. Анисимковым [2, с. 88]. Впрочем, ряд специалистов не склонны выделять «храпов» в отдельную категорию, настаивая на том, что «ни в официальных ведомственных документах, ни в научной литературе, ни в издаваемых в 1920-е гг. исправительными домами газетах и журналах о такой категории не упоминается» [14, с. 20]. На наш взгляд, не стоит столь категорично отрицать существование данной социально-криминальной группы. Вероятно, термин «храпы» имел узкорегionalное распространение. В частности, В. М. Дорошевич в своей известной и богато иллюстрированной фотографией книге «Сахалин. Каторга» посвятил их описанию несколько страниц [8, с. 303, 304 и др.].

Аналогом криминальной «дружины» у «иванов» можно оценить «жиганов». Эта категория формировалась из молодых, агрессивных людей, осужденных, как правило, за разбой, насилие, мошенничество. Следующие по значению тюремные сословия составляли «шпанка», или «шпана» (воры), и «счастливыцы» (шулера). Это были мелкие преступники, чаще всего ни по волевым, ни по физическим качествам не способные выдвинуться в местную криминальную элиту да и просто как-то объединиться для защиты своих интересов. Можно отметить еще ряд специфических подкаст заключенных. Так, «глоты» выполняли роль, аналогичную «храпам», только статусом были ниже, поскольку способны «глотку драть» только скопом, а поодиночке действовать трусили. «Волынщики» тоже специализировались на разжигании ссор, стравливали людей между собой часто в интересах «иванов».

Были и категории каторжан, которым жилось неплохо, но уважением в криминальном сообществе они не пользовались. В первую очередь это «крохоборы» и «кусочники». Они работали старостами, кашеварами или хлебопеками. Считалось, что «честным» путем такие должности получить нельзя. Отдельно стоит упомянуть группу сидельцев, называемых «асмодеи». Их считали каторжными «плюшкиными», поскольку они старались копить деньги и вещи, отказывая себе в самом необходимом. Сбыть накопленную старую одежду либо иное имущество можно было через тюремных ростовщиков. Если это были татары или иные мусульмане, их называли «бабаями», если же русские, в ши-

роком понимании этого слова, то – «отцами». Помощь им в деле добычи и реализации товара оказывали «барахольщики» [8, с. 308, 312, 315]. Неопытных или простодушных осужденных обзывали «дядя сарай». Таких сидельцев чаще всего обижали, обирали, использовали для обслуживания более высоких каст. Разумеется, были и другие социальные виды и подгруппы, но в разное время и в разных местах они назывались по-разному, да права и обязанности их не были жестко установлены.

В начале XX в. иерархия профессиональных преступников сформировалась окончательно, была хорошо организована и достаточно законспирирована. Представителям тюремной администрации для борьбы с криминальными лидерами требовалось выработать целый комплекс действенных мер. Стало очевидно, что с целью достойного противостояния преступникам-профессионалам необходимо было подготовить не менее опытных профессионалов из разных правоохранительных структур. После учреждения Главного тюремного управления и губернских тюремных инспекций такая система в Российской империи постепенно сформировалась. Благодаря обширным работам служащих каторжных тюрем и централов, функционировала она достаточно эффективно, хотя нередко отставала от темпов роста преступности.

Формирование тюремных каст в исправительно-трудовой системе Советской России

В первые годы после победы большевиков и становления аппарата страны Советов из-за социально-политического кризиса, противостояния с монархистами и сторонниками буржуазной республики вопросам формирования новой пенитенциарной доктрины уделялось явно недостаточно внимания. По этой причине криминальная стратификация тюремного сообщества в годы Гражданской войны и в начале периода нэпа не претерпела значительных изменений. Это было связано и с тем, что основными своими противниками правоохранительная система большевистского государства считала представителей оппозиционных партий, общественных формирований и иных классовых врагов.

Примечателен в этом отношении приказ Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, вводивший режим так называемого красного террора. Согласно ему еще недавних политических попутчиков в лице меньшевиков и эсеров настоятельно рекомендовали лишать свободы. В качестве заложников предписывалось брать «крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров и заключить всю эту публику в концентрационные лагеря» [20, с. 14]. Граждане, которые были уличены в хранении оружия или боеприпасов, а также участники «контрреволюционных заговоров» подлежали расстрелу, как и бывшие жандармские офицеры, тюремные и полицейские исправники. Однако незаконно содержавшие оружие рабочие и солдаты подлежали только тюремному содержанию [20, с. 15–16].

Особое значение в формировании обновленной советской стратификации криминалитета имело учреждение системы исправительно-трудовых лагерей. Основополагающую роль в этих процессах нередко отводят деятельности созданного в 1920–1922 гг. лагеря особого назначения на Соловецких островах (СЛОИ). Мы не склонны абсолютизировать этот факт, поскольку базовыми элементами, направляемыми в заключение, там являлись представители буржуазии, интеллигенции, оппозиционных партий, царские офицеры, духовенство и т. п. Их взаимоотношения не укладывались в традиционные «тюремные» схемы, а поэтому могут оцениваться лишь как исключения из общих правил. Значительно больший интерес вызывает дальнейшая работа, связанная с формированием новой исправительно-трудовой концепции исполнения наказаний. Основанное на ней официальное подразделение осужденных включало в себя три группы.

Первую группу составили представители класса-гегемона и сочувствующие им. Если проще, то рабочие, крестьяне и госслужащие, которые были осуждены впервые за общеуголовные преступления на срок до пяти лет. Вторая группа формировалась из того же контингента, но осужденного более чем на пять лет либо повторно. Третья группа содержащихся в местах лишения свободы граждан отличалась только по социальному составу. Это были так называемые нетрудовые элементы и лица, осужденные за контрреволюционные преступления, которые, в отличие от остальных, не имели права «на выход за пределы лагеря и занимать административно-хозяйственные должности в управлении лагеря и по производству работ» [16, с. 60].

Постепенно нарастал слой осужденных по политическим статьям, основная масса которых не вписывалась в существовавшие тюремно-лагерные касты. Однако с начала 1930-х гг. их традиционные взаимосвязи ощутимо ослабли. В значительной мере первопричиной этому стал существенный прирост количества осужденных по политическим статьям. Их отличало не только приличное воспитание, но и иные моральные ценности по сравнению с представителями основной массы заключенных. Быстро развратить и криминализовать эти слои не удалось во многом из-за ужесточения режима содержания всех групп осужденных.

Годы Великой Отечественной войны следует вывести из области рассмотрения проблемы, обозначенной в данной статье. Вызвано это очевидной спецификой исполнения наказаний. В первые месяцы войны по разным причинам значительная часть осужденных была досрочно освобождена от наказания в виде лишения свободы. В период с середины 1941 по начало 1944 года из лагерей и колоний внесудебным порядком в войска было передано около 970 тыс. чел. К оставшимся на «зонах» преступникам применялись чрезвычайно жесткие меры, обусловленные военным временем. Любое неподчинение администрации или попытки «блатных» взять лидерство могли закончиться для них расстрелом на месте или направлением в места, где сложно было выжить. В 1943 г. учреждается каторга для лиц, сотрудничавших с фашистами. Кроме того, действовали лагеря военнопленных, проверочно-фильтрационные лагеря, где криминальным «авторитетам» просто не давали оказывать существенное влияние на свое окружение.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в криминальной среде стали происходить серьезные изменения. Социальные расслоения затронули высшую касту – «воров в законе». Их основная масса по-прежнему придерживалась неписаных правил, исключавших возможность взаимодействия с представителями государственных и официально признанных общественных формирований. Искусственно спровоцированные конфликты с ними только повышали авторитет среди «блатных», но условия военного времени склонили часть осужденных к возможности выйти на свободу, завоевав это право участием в боевых действиях на фронте. Считалось, что они нарушили «воровской закон», а значит – «ссучились». Так называемые ссученные воры не только становились главными врагами «законников», но и подлежали уничтожению. Важно не упустить из виду, что перед войной к территории СССР были присоединены значительные регионы Западной Украины, Прибалтики, Молдовы. Вышедшие оттуда криминальные лидеры именовались «польскими ворами». Они держались обособленно, но при первой возможности старались захватить неформальную власть в свои руки. Практически всегда криминальные разборки заканчивались кровопролитием, а в начале 1950-х гг. массовые волнения приобрели название «сучьих войн».

«Ссученный вор» формально сотрудничает с начальством. Он уже никогда не станет «вором в законе», а обратный процесс не только был возможен, но и нередко осущест-

влялся принудительно. Для этого соблюдался определенный церемониал. «От блатного требуют, чтобы он совершил три символических действия. Во-первых, ему дают грабли, и он обязан два-три раза провести ими по «заплетке» (запретная зона около забора распахана для того, чтобы следы беглеца были видны). Далее, ему вручается ключ от карцера, он должен (в сопровождении толпы ссученных) подойти к карцеру и собственноручно запереть замок на дверях. И наконец, заключительный акт: он должен поесть со ссученными. После этого он уже сам ссученный, и теперь его будут резать блатные» [12].

В обществе подогревалось мнение, будто противостояние криминальных лидеров имело «искусственное происхождение» как результат воздействия правоохранительных структур с целью ликвидации «воровского актива» их же собственными силами [22, с. 403–404]. Полагаем, что для таких утверждений нет убедительных документальных доказательств. Более того, руководители, допустившие в своих учреждениях беспорядки, заплатились потерей должности, а иногда и свободы. В лагерях и колониях начальствующий состав был вынужден «сортировать» прибывающие этапы по криминальным «мастям», лишь бы не допустить очередных столкновений.

На практике удельный вес преступников, вновь осужденных к лишению свободы, стал неуклонно повышаться, что говорило о чрезвычайно низкой эффективности воспитательной и исправительной работы в местах заключения. В целом на высшем государственно-политическом уровне был поднят вопрос о необходимости ликвидации лагерной системы МВД СССР. Окончательно это произошло вместе с упразднением этого министерства в 1960 г. Однако система мест лишения свободы оставалась и требовала существенной реформации. Поставленные КПСС и Правительством высокие цели совершенствования «человеческого фактора» на практике реальных достижений не демонстрировали. Становилось очевидным, что в слегка обновленных исправительно-трудовых колониях осужденные «не воспитываются честными и полноценными гражданами социалистического общества, а, наоборот, часто выходят законченными негодьями и потенциальными рецидивистами» [19, с. 238].

Реформирование структуры и взаимоотношений криминальной оппозиции в исправительно-трудовой системе СССР эпохи развитого социализма

При разработке Уголовного кодекса РСФСР (принят 27 октября 1960 г.) отмечалось, что в учреждениях, исполнявших наказание в виде лишения свободы, проявляется усиление преступных группировок, характеризующихся крепкой взаимосвязью и своеобразной дисциплиной. Воры-рецидивисты укрепляли свою неформальную власть, подчинив основную нейтральную часть осужденных, называемых «мужиками». С некоторых пор «воровской закон» стал не только допускать, но и рекомендовать им должности бригадиров. Это позволяло приписывать себе и ближнему окружению отработанные «мужиками» зачетные дни, что, в свою очередь, было основанием для досрочного освобождения. Еще лучше для них, если бригадир не из блатных, но полностью зависит от воровских главарей.

Интересны характеристики криминальной элиты, данные самими заключенными. В частности, отмечалось: «Урки – люди квалифицированные, умные, ловкие, смелые, систематически занимающиеся воровством. Они презируют все устои человечества о труде, совести, чести, приличия поведения. У них свои выработанные понятия об этом. Пренебрежение к оседлому образу жизни, к работе, к обузаведению семьей (воры, ведущие оседлый образ жизни, относятся к отдельной касте – домашняков). Удел же «блатных» – разъезжание по стране или «держание садки» на железнодорожной ветке. Заключение – тюрьма, лагерь, не страшны воровскому контингенту. Сюда они идут как

в дом родной... Пребывание в заключении неоднократно используется как своеобразная школа отбора, воспитания и усовершенствования путем обмена опытом» [9, л. 44]. Тех, кто пытается не подчиняться им, ждут избиение, организуемое окружением общее презрение, а нередко и смерть.

Часто можно услышать, будто с приходом к руководству страны Л. И. Брежнева завершилась хрущевская оттепель и возросло число репрессий. На самом деле в 1960–1970-е гг. проводился комплекс мер по фактической ликвидации ГУЛАГа и негативных последствий его деятельности. Однако даже позитивные процессы в сфере исполнения наказаний демонстрировали неожиданные результаты. Осужденные получили больше прав и свобод, но воспользоваться ими в первую очередь смогли представители криминального актива. Под давлением «воров в законе» формировались неформальные властные структуры, которые нередко «брали в оборот» все слои осужденных. Ключевым их элементом стал институт «смотрящих». Окружение «пахана» составляли «блатные», которые условно разделялись на ближний круг и мелкую «шушеру». Первые состояли из «авторитетных» жуликов, роль силовой поддержки выполняли «быки». К ним относились и «торпеды», выполнявшие роль киллеров. Отличие от заказных убийц на воле заключалось в том, что они большую часть жизни проводили в тюремных застенках, поскольку регулярно после очередных разборок получали дополнительный срок. Именно они образовывали местную «блатную» элиту или «черную масть». Основу обитателей мест лишения свободы составляла «серая масть», или «мужики». Несмотря на то что блатные оценивали их как безропотное рабочее стадо, считаться с ними в общей массе все же приходилось. Для того чтобы ими было легче управлять, из общей среды выделялись «kozyрные», или «центровые» мужики, которые являлись проводниками требований «положенцев» и «смотрящих». Из молодых или впервые попавших на зону формировалась каста «шестерок» или «шнырей», которые исполняли роль прислуги для блатных.

К «красной масти» относят осужденных, активно сотрудничающих с представителями администрации исправительно-трудовых учреждений. Имеются в виду те, кто нацелен на получение условно-досрочного освобождения (УДО) или перевода в колонию-поселение. Таких называют «козлами». Если речь идет о «мужиках», то отношение окружающих к ним терпимое. Если в эту категорию попадает «блатной», то кара может быть очень строгой. В лучшем случае их будут оценивать как «фраеров», отошедших от неформальных «воровских традиций», или «чушковых», занимающих социальную нишу рабов. Однако могут и «опустить» по полной, и тогда речь идет о самой низшей тюремной касте – «голубой масти». К ним традиционно относятся пассивные гомосексуалисты – «петухи», или «пидоры». «Кстати, на «зоне» ассоциативно связан с ними не голубой, а красный цвет. Например, ношение красных трусов или майки может дорого стоить их владельцу. Далеко не все из них имели природную склонность к такому пороку, многих «опустили» за какие-либо провинности, но могли и просто изнасиловать из-за симпатичной или женообразной внешности. С ними «вор» или «мужик» не должен на виду разговаривать или находиться рядом. Ударить может, но затем демонстративно вымоет руку. Командовал этими отверженными «главпетух», контролировали выполнение распоряжений «пастухи», общественные туалеты убирали остальные» [11, с. 302–303].

Даже в мелочах повседневной жизни стратификационные различия представителей разных тюремных каст соблюдаются неуклонно. «Воры» спят на нижнем ярусе коек, «мужики» – на втором и третьем ярусах. «Чушки» и «пидоры» размещаются в отдельных помещениях, питаются также за отдельными столами и лишь тем, что останется

после «воров» и «мужиков» [21, с. 10]. «Попытки молодых офицеров колоний уравнивать «опущенных» в правах с другими заключенными встречали организованную и активную негативную реакцию. Так, вслед за приказом «петухам» обедать вместе со всеми, а не за отдельными столами последовал массовый отказ от приема пищи» [1, с. 35].

В конце 1980-х гг. в России формируется ряд крупных организованных преступных группировок и сообществ нового формата. Их члены назывались «братвой», «братанами». Они разбивались на «бригады» во главе с «бригадирами», которые непосредственно контактировали с «авторитетами». В местах заключения начался раскол между сторонниками «блатного» мира старой формации и представителями «бригад», имеющими неплохое прикрытие со стороны некоторых бизнесменов и даже крупных административных работников, политиков [21, с. 7].

В качестве примера можно привести сформированную к началу 1990-х гг. Измайловскую организованную преступную группировку (ОПГ). Одним из ее бригадиров начинал свой криминальный путь некто А. Малевский, который изначально объединил около 200 бойцов, контролировавших в Москве и Подмоскovie значительное число торговых точек, казино и даже аэропорт «Быково». Вскоре его люди стали совладельцами этих предприятий и учреждений, а сам он подмял под себя ряд коммерческих банков, алюминиевый, фармацевтический и металлургические заводы. Благодаря тесным связям с политиком Б. Березовским, криминальным авторитетом Тайванчиком, братьями-бизнесменами Михаилом и Львом Черными, для отечественной Фемиды того времени он оказался не по зубам. Однако его бойцы нередко попадали на зону, но имели там особый статус, дававший им независимость от смотрящих, но это не гарантировало им иммунитет от таких же беспредельщиков новой формации. Считают, что Малевского выбросили из самолета по приказу лидера Солнцевской ОПГ С. Михайлова [6].

Возвращаясь к тюремной тематике, отметим, что по оценкам самих заключенных к числу наибольших тягот и лишений относят не тяжелую работу, строгий режим и даже не голод и холод, а отношения между осужденными: «Если тебе в лагере заключенный начинает улыбаться и о чем-то расспрашивать, значит, ему от тебя что-то надо. Если он к тебе хорошо относится – жди подвоха. Если в тюрьме существует арестантская солидарность, то в лагере отчуждение принимает страшные формы» [24, с. 95]. В следственном изоляторе или тюрьме труднее из-за психологического дискомфорта: «Просидишь в одной камере несколько месяцев – и тебя начинает все раздражать в соседе: и как он встал, и как он сел, и как ходит, и как ест, и как спит. А ты, в свою очередь, раздражаешь его... нервы у каждого натянуты до предела» [18, с. 43].

Даже этот краткий обзор будет неполным, если не затронуть взаимоотношения представителей разных страт осужденных с работниками пенитенциарных учреждений. Безусловно, самые стойкие сторонники «воровских законов» старались никогда не идти на открытые контакты с администрацией. Другое дело – отношение людей, попавших на «зону» в определенной степени случайно. Для них тюремный персонал, как правило, не является идеологическим врагом. Интересно мнение о сотрудниках ИТУ диссидента В. Буковского, проведенного в лагерях и тюрьмах 11 лет: «Большую часть своего времени они проводят в тюрьме, сами – заключенные... Все время слышишь непристойные слова, чувствуешь ненависть. И к ругани они привыкают, считая ее привычным делом, даже обязательным. Молодые надзиратели проявляли к нам, как минимум, интерес, если не симпатию» [5, с. 61].

Спектр оценок взаимоотношений тюремного персонала с заключенными весьма широкий, но, как правило, к порядочным сотрудникам нет особых претензий. Для примера

приведем пару высказываний. Один из «сидельцев» утверждал: «В администрации и охране здесь работали такие же люди, как и везде, – одни грубее, другие культурнее, как и в любом советском учреждении. Попадались пьяницы и проходимцы, но именно у офицеров (большинство с университетским образованием) я встречал и подлинную человечность, а ведь сохранить человеческие качества в здешних условиях нелегко» [11, с. 306]. Последнее время стало модным бывшим «зэкам» издавать свои «мемуары». Приведем выдержку из такого воспоминания: «Беспредел со стороны администрации «стал ответом, как мне кажется, на то, как первое время при мне зэки обращались с мусорами: едва ли на х... их не посылали, потому что зона была «черная». И правил в ней смотрящий, а не начальник. Но на моих глазах колония «покраснела». И теперь, к слову, смотрящий по Мордовии – человек по кличке Ева, которого считают ссученным» [10]. Другими словами, все в жизни изменчиво, и тюремные отношения не являются исключением.

Тюрьма как обобщающее наименование любых мест лишения свободы подавляющей частью населения страны воспринимается не столько как форма изоляции от общества, сколько как место концентрации зла, преступлений и человеческих пороков. При этом нельзя не учитывать, что пенитенциарная система, являясь специфической частью человеческого сообщества в целом, не может рассматриваться как нечто статическое и неизменное. Глобальные политические и социально-экономические преобразования, произошедшие в 1990-е гг., связанные с распадом СССР и формированием государственных основ демократической России, затронули и процессы взаимоотношений различных слоев осужденных.

Неожиданно для многих криминалитет в кратчайшие сроки повысил свою роль при решении различных вопросов в отраслях, ранее не имевших с ним ничего общего. Территория страны была поделена между разного уровня «смотрящими», которые стали пытаться диктовать свои условия не только в так называемых черных зонах, но и в государственных учреждениях и на предприятиях различных форм собственности. В рамках статьи мы ограничимся рассмотрением только института «смотрящих» в местах лишения свободы. На эти посты воровские сходы назначают, как правило, не просто «воров в законе» или «положенцев», а людей, способных разрешать различные конфликтные ситуации не в рамках формального права, а по сложившимся в криминальной среде понятиям.

Не удивительно, что менее всего они нацелены на так называемые красные зоны, где административный ресурс руководства и сотрудников колоний, следственных изоляторов высок и устойчив. Перед «смотрящим» стоит дилемма: либо сломать существующие порядки, либо резко понизить свой статус, показав собственную несостоятельность. Именно по этой причине с пугающей регулярностью в таких учреждениях осужденные пытаются устроить беспорядки, а подогретые журналисты и правозащитники поднимают вал критики с целью сменить руководство и устоявшиеся нормы взаимоотношений. Не секрет, что кандидатура «смотрящего за зоной» нередко согласовывалась с достаточно высокими чинами администрации на условиях обеспечения внешнего благополучия и порядка в среде заключенных. Однако это как заряженное ружье, висящее на стене: рано или поздно оно обязательно выстрелит. Достаточно только где-то проявить слабину.

Важно осознавать, что речь идет не об отдельно взятых личностях, а о достаточно сложной иерархической системе. Каждый «смотрящий за зоной» ответствен за свою деятельность перед воровской сходкой соответствующего региона. Среди его функций можно выделить «информационную, организаторскую, нормативно-регулирующую»

щую и принятия решений» [15, с. 115]. Ему, в свою очередь, неформально подчиняются смотрящие за «общаком», смотрящие в отрядах, локальных участках, на промзоне, в пищеблоке и даже в каждой отдельной камере. Эти люди не только ведут пропаганду криминального образа жизни, осуществляют сбор и распределение продуктов питания, общака, запрещенных средств, но и иницируют наказание нарушителей «воровских традиций». Впрочем, «авторитеты» и «достойные арестанты» легко нарушают «воровской закон», поскольку его целью является моральное и материальное возвышение за счет представителей нижестоящих тюремных страт.

Заключение

Вступление государства и общества в новое тысячелетие для уголовно-исполнительной системы России стало фактическим «водоразделом» между прошлым и будущим. В конце XX в. она очередной раз перешла из Министерства внутренних дел в состав Министерства юстиции. Вскоре была сформирована Федеральная служба исполнения наказаний. Однако наиболее важным представляется изменение стратегии пенитенциарной деятельности. Курс на общую гуманизацию уголовно-исполнительного права в сочетании с приоритетным развитием наказаний, не связанных с лишением свободы, ослабил криминальную стратификационную напряженность в колониях и следственных изоляторах. Немаловажно, что число лиц, содержащихся в этих учреждениях, сократилось с более чем 1 млн 100 тыс. чел. в июне 2000 г. до около 480 тыс. в мае 2021 г. [13].

Путь, пройденный за столетие, оказался насыщенным на события, новые теоретические подходы и практические решения по их реализации. И все же высказываемое неоднократно мнение о том, что сформировавшиеся в тюремных общинах начала XX в. социальные группы стали инструментом негативного воздействия представителей криминальной среды на общество, остается актуальным по сей день. Противоречия между разными группами осужденных еще в большей мере подчеркивают антагонизм между криминальной оппозицией в местах лишения свободы с государством в лице его правоохранительных структур. Тем не менее очевидно, что роль пенитенциарных учреждений по искоренению тюремно-кастовых взаимоотношений продолжает возрастать.

Недавно была принята новая Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р). Среди поставленных перед системой целей названа работа, направленная на «исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого достоинства, соответствующих законодательству Российской Федерации и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития».

Важно осознавать, что формирование личности, оказавшейся в местах лишения свободы, непосредственно зависит от сложившихся пенитенциарных отношений. Для того чтобы преодолеть их негативные проявления и последствия, государство должно сформировать соответствующую общественную «потребность (востребованность) в достижении целей наказания» [25, с. 14]. Это, в свою очередь, не только должно, но и уже находит адекватное отражение в деятельности отечественной пенитенциарной системы.

Библиографический список

1. Абрамкин В., Чеснокова В. Тюремные касты // Новое время. 1991. № 28. С. 32–38.
2. Анисимков В. М. Криминальная субкультура. Уфа : УЮИ, 1998. 168 с.
3. Барабанов Н. П. Криминологический и психологический аспекты криминальной идеологии и образа жизни в криминальной субкультуре осужденных // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 177–182.
4. Брейтман Г. Н. Преступный мир: очерки из быта профессиональных преступников. Киев : Тип. губернского правления, 1901. 302 с.
5. Буковский В. И Возвращается ветер... Письма русского путешественника. М. : Демократическая Россия ; Оригинал, 1990. 462 с.
6. Все о лидере «измайловских» Антоне Малевском. URL : <https://fsin-pismo-gid.ru/istoriya/vse-o-lidere-izmajlovskih-antone-malevskom> (дата обращения: 23.06.2021).
7. Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник. Ростов н/Д : Феникс, 2007. 681 с.
8. Дорошевич В. М. Сахалин (каторга). М. : Т-во И. Д. Сытина, 1903. Ч. 1. 438 с.
9. Жуков К. Е. Письмо заключенного О. Жукова К. Е. Ворошилову о реорганизации системы лагерей // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 85. Д. 253. Л. 42об–73.
10. Ильченко С., Лютых С. «Вваливались в камеру чудовища». В русской тюрьме можно узнать о народе, но нужно взять с собой сало // LENTA.RU. 2021. 6 июня. URL : <https://lenta.ru/articles/2018/06/06/turma> (дата обращения: 18.06.2021).
11. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России : учебник / под общ. ред. Г. А. Корниенко. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2013. 428 с.
12. Краснов-Левитин А. Э. Рук твоих жар. Воспоминания : в 4 ч. Ч. 2. URL : <https://azbyka.ru/fiction/ruk-tvoix-zhar-krasnov-levitin> (дата обращения: 18.12.2020).
13. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Официальный сайт ФСИН России. URL : <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20nar-ka%20UIS> (дата обращения: 14.06.2021).
14. Кузьмин С. И., Якушина Е. С. Иерархическая структура в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 1. С. 18–24.
15. Кутякин С. А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань : Академия ФСИН России, 2008. 156 с.
16. Наседкин В. Г. Лекция начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина, предназначенная для слушателей Высшей школы НКВД СССР // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60–86.
17. Максимов М. М. Московские тайны: рассказ сыщика // Сочинения М. Максимова : в 10 ч. М. : Тип. К. Андерса, 1861–1862. Ч. 1. 57 с.
18. Лушин А. И. К вопросу оценки правозащитниками советской уголовно-исполнительной системы // История государства и права. 2003. № 4. С. 40–47.
19. Предложения в Комиссию по составлению нового Уголовного кодекса // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М. : Демократия, 2000. С. 235–245.
20. Приказ ВЧК о «красном терроре» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1917–1960. М. : Демократия, 2000. С. 14–16.
21. Реент Ю. А. Социально-психологические особенности криминальной стратификации осужденных в России // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 4–14.

-
22. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу : в 2 ч. М. : Просвет, 1991. Ч. 2. С. 264–548.
23. Семенова О. В. Гражданское общество и государство: специфика взаимосвязи и взаимодействия // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы Междунар. науч.-теорет. конф. : в 2 т. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2016. Т. 1. С. 134–138.
24. Тюремный мир глазами политзаключенных. М. : Содействие, 1993. 287 с.
25. Уваров И. А. Преступность осужденных как проявление социальной дисфункции пенитенциарной профилактики // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 2. С. 112–115.
26. Тулегенов В. В. Стратификация заключенных (опыт систематизации) // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1(64). С. 136–138.

УДК 343.238

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.510-518

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ИЛИДЖЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного права,
административной деятельности и управления ОВД,
Казанский юридический институт МВД России,
г. Казань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-6624-7688,
e-mail: ilidsasha@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФАКТИЧЕСКОЙ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Илиджев, А. А. Уголовно-правовые аспекты определения фактической совокупности преступлений и ее отражение в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А. А. Илиджев // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 510–518. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.510-518.

Аннотация. В статье исследуется юридическая природа одного из видов множественности преступлений – совокупности преступлений, проводится понятийно-терминологический анализ этой уголовно-правовой категории, а также сравнительно-правовой анализ положений Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующих институт совокупности преступлений и составов преступлений, предусмотренных в Особенной части, которые, по существу, могут представлять собой совокупность преступлений. Целью исследования является разработка различных элементов теоретико-правовой модели совокупности преступлений в уголовном праве и предложений по совершенствованию практики их реализации. В качестве объекта исследования выступает институт совокупности преступлений как уголовно-правовая конструкция. Методика исследования основывается на диалектическом методе познания. При решении определенных задач используются и другие исследовательские методы, в частности сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, лингвистический. Определяется понятие совокупности преступлений и констатируется, что местом ее отражения является Общая часть Уголовного кодекса Российской Федерации. С учетом различных точек зрения в теории уголовного права обосновывается, что в Особенной части Кодекса предусмотрена фактическая совокупность преступле-

© Илиджев А. А., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ний, приводится ее определение. Предлагаются соответствующие правила определения предписаний Особенной части уголовного законодательства, представляющих собой фактическую совокупность преступлений. Критически оценивается положение части 1 статьи 17, в которой содержится исключение случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, и предлагается убрать его из уголовного закона. При определении норм Особенной части уголовного законодательства, отражающих фактическую совокупность преступлений, рекомендуется использовать метод мысленного исключения из уголовного закона соответствующих предписаний о любом из преступлений. В процессе проведенного анализа при определении фактической совокупности преступлений предлагается классифицировать ее на три формы: фактическая реальная совокупность преступлений, отраженная через такие уголовно-правовые понятия, как «применение насилия или угроза его применения», «применение насилия», «сопряженность», «проникновение в жилище», «изъятие, сокрытие или уничтожение документов, удостоверяющих личность потерпевшего», «использование поддельных документов», «причинение тяжкого вреда здоровью», «систематичность», «повреждение или уничтожение»; фактическая идеальная совокупность, представленная через такие конструкции в уголовном законе, как «смерть потерпевшего, причинение тяжкого вреда здоровью, иные тяжкие последствия», «уничтожение или разрушение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность», «тяжкие последствия»; оба вида фактической совокупности преступлений, отраженные в совершении деяния в отношении двух или более лиц. Применяется методика выявления фактической совокупности в нормах Особенной части и обосновывается перечень составов, представляющих собой ту или иную форму фактической совокупности преступлений. С учетом анализа положений как Общей, так и Особенной части уголовного закона предлагаются правила квалификации фактической совокупности преступлений.

Ключевые слова: множественность, фактическая совокупность, отражение, конструкция, квалификация, предписание.

Несмотря на то что место отражения совокупности преступлений – это Общая часть уголовного законодательства, в уголовно-правовой литературе (В. П. Малков, И. А. Зинченко, Т. Г. Черненко, Н. Н. Коротких, Н. Ф. Мурашов и др.) в Особенной части выделяется ученная совокупность преступлений [1, с. 81; 2, с. 373–374; 3, с. 25; 4, с. 87; 5, с. 73]. Для выяснения, соответствует ли приведенный подход уголовному закону, необходимо исследовать, что представляет собой совокупность преступлений, и проверить, имеются ли в Особенной части УК РФ деяния, которые можно признать совокупностью преступлений.

Совокупность преступлений определена в ст. 17 УК РФ. В целом совокупность преступлений можно рассматривать как совершение двух или более самостоятельно предусмотренных преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Естественно, место отражения совокупности преступлений как вида множественности преступлений – Общая часть УК РФ. Предписания ст. 17 УК РФ являются безусловным свидетельством данного обстоятельства. Следовательно, в Особенной части УК РФ никакая совокупность преступлений присутствовать не должна. Из данной части исключено совершение

двух или более преступлений, предусмотренных ее статьями в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание. При изложенных условиях в Особенной части уголовного законодательства хотя и отражаются несколько преступлений, они предусмотрены одной ее статьей, что совокупностью преступлений в значении ст. 17 УК РФ признавать недопустимо. Отсюда в названной части могут быть лишь те преступления, из которых способна состоять совокупность преступлений.

Учтенной совокупностью преступлений многими авторами (В. П. Малков, Т. Г. Черненко, Н. Ф. Мурашов и др.) считается составное преступление [1, с. 83; 2, с. 373–374; 3, с. 25; 5, с. 82–83]. Таким преступлением является деяние, каждая часть соответствующего признака которого признается самостоятельным преступлением. При учтенной совокупности преступлений наблюдается совершение двух или более преступлений, и при ней и при составных преступлениях деяния предусмотрены одной уголовно-правовой нормой. В последнем отражается учтенность соответствующей совокупности преступлений в Особенной части уголовного законодательства. При этом И. М. Тяжкова и Б. М. Леонтьев отмечают, что, будучи учтенной в законе, совокупность перестает быть совокупностью и становится единичным составным преступлением [6, с. 528].

Вопрос заключается в том, действительно ли в словах ч. 1 ст. 17 УК РФ об исключении из совокупности преступлений имеются в виду составные преступления? В уголовно-правовой литературе встречаются разные подходы к данному исключению, его относят:

- к совершению преступления в отношении двух или более лиц различными действиями [1, с. 75];
- наличию в УК РФ квалифицирующего признака совершения преступления в отношении двух или более лиц [2, с. 294, 474; 7, с. 15], к чему подчас добавляют и совершение преступления, сопряженного с другим преступлением [8, с. 112; 9, с. 130];
- тождественным преступлениям [10, с. 45; 11, с. 155];
- неоднократному нарушению одного или нарушению двух самостоятельных уголовно-правовых запретов [12, с. 79];
- составным преступлениям [3, с. 78–79; 13, с. 18];
- законодательно учтенной совокупности преступлений [14, с. 14];
- конкуренции части и целого [15, с. 62; 16, с. 48];
- фактической совокупности преступлений [5, с. 83; 17, с. 190].

На наш взгляд, неверного нет ни в одном из представленных подходов к исключению из совокупности преступлений, содержащемуся в ч. 1 ст. 17 УК РФ. Большинство из них просто раскрывает данное исключение в разных объемах. Законодатель, определяя исключение из совокупности преступлений в указанной норме уголовного закона, не имел в виду какие-то частности, а, наоборот, подходил к нему максимально широко с целью недопущения пробелов в уголовно-правовом регулировании.

По нашему мнению, необходимый и достаточный объем исключения из совокупности преступлений, установленного ч. 1 ст. 17 УК РФ, дает его понимание в качестве учтенной совокупности преступлений, или фактической совокупности преступлений. Под последней мы понимаем виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой совершение двух или более самостоятельно предусмотренных преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено.

Составные преступления, на наш взгляд, шире фактической совокупности преступлений. Как уже отмечалось, данными преступлениями являются также те, которые включают в себя осуждение за ранее совершенное преступление, что никакого отношения

к совокупности преступлений явно не имеет. Проблемы обозначенных составных преступлений являются предметом внимания отдельного исследования. С одной стороны, отметим узость содержащихся в уголовно-правовой науке утверждений о том, что составные преступления – это своего рода идеальная совокупность преступлений, учтенная законодателем (Ш. С. Салихов) [18, с. 13], и даже как она, так и учтенная реальная совокупность преступлений (В. П. Малков, И. А. Зинченко, Т. Г. Черненко и др.) [1, с. 63; 2, с. 372–375; 3, с. 26], с другой – укажем на странность утверждений Т. А. Калининой о том, что рецидив преступлений относится к наиболее опасной разновидности реальной совокупности преступлений, учтенной законодателем [19, с. 22]. Рецидив признается самостоятельным видом множественности преступлений и потому никак не может быть разновидностью другого ее вида, а тем самым и учтенной совокупности преступлений.

Что касается конкуренции части и целого, то она если и присутствует в исключении из совокупности преступлений, установленном ч. 1 ст. 17 УК РФ, то в снятом виде. Собственная форма конкуренции норм, думается, иная. Для подтверждения последнего достаточно сослаться на положения уголовного закона, предусматривающие конкуренцию общей и специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ).

Исключение из совокупности преступлений, введенное в ч. 1 ст. 17 УК РФ, теоретиками уголовного права порой считается неудачной редакцией закона или неудачным приемом законодательной техники (Т. Г. Черненко) [3, с. 78–79], не продуманным до конца (А. М. Зацепин) [16, с. 49], необдуманном (Ш. С. Салихов) [18, с. 7]. Н. Ф. Кузнецова применительно к названному исключению поставила ряд вопросов: «Исключение из чего? Из того, что ни за одно из преступлений лицо не было осуждено? Нет, очевидно... По логическому толкованию исключение делается из совокупности преступлений, «когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание». Наряду с этим преступление признается сложным именно потому, что охватывает два и более преступления, это понятно, а вот «сопряжение» обстоятельств, влекущих более строгое наказание, непонятно. Более строгое по сравнению с чем?» [20, с. 284]. Последнее нам понятно. Обстоятельства, влекущие за собой более строгое наказание, квалифицирующие. Строгость такого наказания устанавливается в сравнении с наказанием за преступление, описываемое основным составом.

В то же время исключение из совокупности преступлений, установленное ч. 1 ст. 17 УК РФ, имеет определенный недостаток. Во всяком случае, оно не в полном объеме определяет ситуации, которые не следует признавать совокупностью преступлений. Два или более преступления может быть предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве не только обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, то есть квалифицированного состава, но и основного состава как обстоятельства, которое определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями (ч. 2 ст. 2 УК РФ). При этом нельзя согласиться с В. К. Дюновым и А. Г. Хлебушкиным, приводящими в качестве примеров, якобы подпадающих под исключение из совокупности преступлений, установленное ч. 1 ст. 17 УК РФ, незаконное усыновление (удочерение) и незаконное использование товарного знака (ст. 154, 180 УК РФ) [21, с. 110–111]. На основании практически всех научных представлений составных преступлений при неоднократности преступлений нет.

На наш взгляд, справедливо к составным преступлениям относят предусмотренный ч. 1 ст. 162 УК РФ разбой [7, с. 18–19; 18, с. 13], а значит, он должен иметься в виду как исключение из совокупности преступлений в ч. 1 ст. 17 УК РФ, причем данное престу-

пление оправданно считается ярким, но почему-то едва ли не единственным примером [22, с. 19]. По крайней мере, таковым же мы рассматриваем истязание (ст. 117 УК РФ) как систематическое нанесение побоев, каждый акт которых предусмотрен ст. 116 УК РФ.

Проблема с исключением из совокупности преступлений, установленным ч. 1 ст. 17 УК РФ, предлагается к снятию несколькими путями. Один из них заключается в его замене предписанием о том, что совокупность преступлений отсутствует, если два или более преступления являются элементами составного преступления [13, с. 8–9]. Другой путь – в изъятии из закона рассматриваемого исключения и урегулирования в нем конкуренции части и целого [16, с. 49]. Вместе с изъятием содержащегося в ч. 1 ст. 17 УК РФ исключения из совокупности предусмотреть в законе, что совокупность преступлений отсутствует, если два или более преступления являются элементами составного преступления, и конкуренцию части и целого. Не возражая против введения в ст. 17 УК РФ конкуренции части и целого, отметим, что, на наш взгляд, замена одного исключения другим с точки зрения юридической техники ничего не меняет.

Предписания ч. 1 ст. 17 УК РФ о несении при совокупности преступлений уголовной ответственности за каждое совершенное преступление «по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса» и ч. 2 о действии (бездействии), содержащем признаки преступлений, «предусмотренных двумя или более статьями настоящего Кодекса», означают ненужность законодательной оговорки об исключении из совокупности преступлений случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание. Необходимость исключать последнее отсутствует, поскольку два или более преступления должны быть предусмотрены одной статьей Особенной части УК РФ. Точно такая же ситуация с составным преступлением. Между тем в ней есть один существенный минус. Составные преступления, как отмечалось, включают в себя осуждение за ранее совершенное преступление, что очевидно не вписывается в совокупность преступлений. В силу этого, на наш взгляд, ничего не мешает просто изъять (без всякой замены чем-нибудь) из ч. 1 ст. 17 УК РФ предписание об исключении из совокупности преступлений как излишнее в нормативном регулировании.

Н. Ф. Мурашов на момент написания своей работы, вышедшей в 2018 г., насчитал 76 статей Особенной части уголовного законодательства, в которых закреплена учтенная совокупность преступлений (составные преступления) [5, с. 54]. При этом перечня данных статей автор не привел.

А. В. Groшев выделил следующие типичные, на его взгляд, варианты учтенной совокупности преступлений, закрепленные в УК РФ:

- закон в качестве квалифицирующего признака предусматривает совершение преступления в отношении двух или более лиц, являющихся потерпевшими;
- деяние, содержащее самостоятельный состав преступления, является способом совершения другого, более тяжкого преступления;
- деяние, содержащее самостоятельный состав преступления, предусмотрено в качестве последствия другого, более тяжкого преступления [23, с. 72–74]. Если исходить из того, что приведенные случаи типичные, то Особенная часть УК РФ, по нашему мнению, ими не исчерпывается. В ней имеется и то, что можно назвать в таком случае нетипичными видами фактической (учтенной) совокупности.

При определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическую совокупность преступлений, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не единичное преступление, а деяние, означающее совершение двух или более

самостоятельно предусмотренных преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Выявляется это мысленным исключением из уголовного закона соответствующих предписаний о любом из преступлений. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано с учетом ст. 17 УК РФ, то мысленно исключенное предписание совместно с оставленным представляет собой фактическую совокупность преступлений.

В современном УК РФ фактическая совокупность преступлений, на наш взгляд, представлена в двух видах. Первым является фактическая реальная совокупность, вторым – фактическая идеальная совокупность. Разница заключается в том, что несколько деяний или одно деяние образуют совокупность, причем в некоторых статьях Особенной части уголовного законодательства присутствуют оба вида фактической совокупности преступлений.

Проведение операции соответствующего исключения позволяет утверждать, что фактическая реальная совокупность отражена:

- через применение насилия или угрозы его применения – в п. «в» ч. 2 ст. 126, п. «е» ч. 2 ст. 127.1, п. «г» ч. 2 ст. 127.2, ч. 2 ст. 139, п. «а» ч. 2 ст. 141, ч. 3 ст. 144, п. «б» ч. 4 ст. 148, ч. 3 ст. 150, ч. 3 ст. 151, п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162, п. «в» ч. 2, ч. 4 ст. 166, ч. 3 ст. 178, ч. 2 ст. 203, п. «в» ч. 2 ст. 211, п. «г» ч. 2, п. «б» ч. 3 ст. 221, п. «г» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «г» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 229, п. «г» ч. 2 ст. 230, п. «в» ч. 2 ст. 230.1, п. «а» ч. 2 ст. 240, п. «б» ч. 2 ст. 241, п. «в» ч. 2 ст. 243.4, п. «в» ч. 2 ст. 244, п. «а» ч. 2 ст. 282, п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 3 ст. 313, ч. 3 ст. 322, ч. 2 ст. 330 УК РФ;

- применение насилия – в п. «в» ч. 2 ст. 127, п. «в» ч. 2 ст. 163, п. «б» ч. 2 ст. 179, п. «б» ч. 3 ст. 194, п. «в» ч. 2 ст. 206, п. «б» ч. 2 ст. 226.1, п. «в» ч. 4 ст. 229.1, п. «б» ч. 2 ст. 283.1, ч. 3, 4 ст. 296, ч. 2 ст. 302, ч. 3, 4 ст. 309, ч. 3 ст. 321 УК РФ;

- сопряженность – в пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 170.1, п. «б» ч. 2 ст. 178, ч. 4 ст. 211 УК РФ;

- проникновение в жилище – в п. «а» ч. 3 ст. 158, п. «в» ч. 2 ст. 161, ч. 3 ст. 162 УК РФ;

- изъятие, сокрытие или уничтожение документов, удостоверяющих личность потерпевшего, – в п. «д» ч. 2 ст. 127.1, п. «д» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ;

- использование поддельных документов – в п. «д» ч. 2 ст. 127.1, п. «в» ч. 2 ст. 193 УК РФ;

- причинение тяжкого вреда здоровью – в п. «в» ч. 4 ст. 162, п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ;

- систематичность – в ч. 1 ст. 117 УК РФ;

- повреждение или уничтожение имущества – в ч. 3 ст. 144 УК РФ.

Реальной в приведенных случаях фактическая совокупность является в связи с тем, что деяние должно выполняться несколькими действиями, самостоятельно признаваемыми преступными.

Ни у кого не вызывает сомнений, что в случае, если определенная статья Особенной части УК РФ содержит состав преступления, имеющий вид учтенной совокупности, дополнительная квалификация по тем статьям, в которых отражены составы преступлений, входящие в данную совокупность, недопустима [24, с. 9]. В связи с этим отметим, что последнее, на наш взгляд, следует из исключения из совокупности преступлений, предусмотренного ч. 1 ст. 17 УК РФ.

Проведение операции исключения позволяет утверждать, что фактическая идеальная совокупность отражена в соответствующих деяниях, повлекших за собой:

- смерть потерпевшего, причинение тяжкого вреда здоровью, иные тяжкие последствия – в ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 123, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 127.2, ч. 2 ст. 128, п. «в» ч. 2, п. «б» ч. 3, п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «в» ч. 2, п. «б» ч. 3, п. «а» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 207, ч. 2 ст. 207.2, ч. 3 ст. 211, ч. 2, 3

ст. 215, ч. 3 ст. 215.2, ч. 5 ст. 215.3, ч. 2, 3 ст. 217.2, ч. 2, 3 ст. 220, ч. 3 ст. 227, ч. 2 ст. 228.2, п. «б» ч. 3, ч. 4 ст. 230, ч. 3 ст. 230.1, ч. 2 ст. 230.2, ч. 2, 3 ст. 234.1, ч. 2 и 3 ст. 236, ч. 2 ст. 237, п. «в» ч. 2, ч. 3 ст. 238, п. «б» ч. 2, ч. 3 ст. 238.1, ч. 2, 3 ст. 247, ч. 2 ст. 250, ч. 2, 3 ст. 251, ч. 2, 3 ст. 252, ч. 4 ст. 267, ч. 3 ст. 281, ч. 3 ст. 361 УК РФ;

– уничтожение или разрушение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, – в п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ;

– тяжкие последствия – в ч. 4 ст. 183, п. «в» ч. 2 ст. 205, ч. 3 ст. 273, ч. 5 ст. 274.1, п. «б» ч. 2 ст. 281, ч. 2 ст. 283, п. «в» ч. 2 ст. 283.1, ч. 3 ст. 285.3, п. «в» ч. 3 ст. 287, ч. 3 ст. 301, ч. 2 ст. 305, ч. 2 ст. 311, ч. 2 ст. 320, ч. 2 ст. 323 УК РФ.

Идеальной в приведенных случаях фактическая совокупность преступлений является в связи с тем, что деяние должно выполняться одним действием, признаваемым преступлением несколькими статьями Особенной части уголовного законодательства России.

Проведение операции соответствующего исключения позволяет утверждать, что оба вида фактической совокупности преступлений отражены в п. «в» ч. 2 ст. 110, п. «в» ч. 3 ст. 110.1, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «ж» ч. 2 ст. 126, п. «жж» ч. 2 ст. 127, п. «а» ч. 2 ст. 127.1, п. «а» ч. 2 ст. 127.2, ч. 4 ст. 134, ч. 3 ст. 135, п. «в» ч. 2 ст. 230, п. «а» ч. 2 ст. 242.2, п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ. Во всех обозначенных случаях речь идет о совершении деяния в отношении двух или более лиц.

Словосочетание «в отношении» для приведенных деяний означает направление действий [25, с. 475]. Следовательно, одним или разными действиями совершается деяние, роли не играет. Отсюда и возможность фактической как реальной, так и идеальной совокупности преступлений.

На основании изложенного мы пришли к следующим выводам:

– совокупностью преступлений признается совершение двух или более самостоятельно предусмотренных преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено;

– содержащееся в ч. 1 ст. 17 УК РФ положение «за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание» подлежит исключению из закона;

– место отражения совокупности преступлений – Общая часть УК РФ;

– в Особенной части УК РФ подчас предусмотрена фактическая совокупность преступлений как виновно совершенное общественно опасное деяние, хотя и запрещенное Особенной частью УК РФ под угрозой наказания, но, по существу, представляющее собой совершение двух или более самостоятельно предусмотренных преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено;

– при определении предписаний Особенной части УК РФ, отражающих фактическую совокупность преступлений, необходимо исходить из того, что в них должно быть установлено не единичное преступление, а деяние, представляющее собой совершение двух или более самостоятельно предусмотренных преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, причем выявляется это мысленным исключением из уголовного закона соответствующих предписаний о любом из преступлений. Если в таком случае деяние может быть квалифицировано с учетом ст. 17 УК РФ, то мысленно исключенное предписание совместно с оставленным представляет собой фактическую совокупность преступлений;

– фактическая совокупность преступлений имеет следующие формы:

а) фактическая реальная совокупность, отраженная через такие уголовно-правовые конструкции, как применение насилия или угрозы его применения, применение насилия, сопряженность, проникновение в жилище, изъятие, сокрытие или уничтожение докумен-

тов, удостоверяющих личность потерпевшего, использование поддельных документов, причинение тяжкого вреда здоровью, систематичность, повреждение или уничтожение имущества, нашедшие свое отражение в соответствующих статьях Особенной части уголовного законодательства;

б) фактическая идеальная совокупность, отраженная в соответствующих деяниях, повлекших за собой такие общественно опасные последствия, как смерть потерпевшего, причинение тяжкого вреда здоровью, иные тяжкие последствия, уничтожение или разрушение предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, тяжкие последствия;

в) оба вида фактической совокупности преступлений, отраженной в совершении деяния в отношении двух или более лиц;

– фактическую совокупность преступлений нужно квалифицировать как единичное преступление, что исключает необходимость ее квалификации по статьям, предусматривающим преступления, входящие в данную совокупность. Фактическая совокупность преступлений, включающая в себя признак сопряженности, не является исключением.

Библиографический список

1. Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды и правовое значение. Казань : Таглитат, 2006. 139 с.
2. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. СПб. : Издание профессора Малинина, 2005. Т. 3. 522 с.
3. Черненко Т. Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. 203 с.
4. Коротких Н. Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 323 с.
5. Мурашов Н. Ф. Совокупность преступлений по УК РФ : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 274 с.
6. Курс уголовного права : учеб. для вузов : в 5 т. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении. 624 с.
7. Садовникова О. А. Назначение наказания по совокупности преступлений: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. 28 с.
8. Иногамова-Хегай Л. В. Совокупность преступлений: проблемы квалификации // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. М. : Проспект, 2005. С. 112–114.
9. Корнеева А. В. Теоретические основы квалификации преступлений : учеб. пособие. М. : Проспект, 2013. 159 с.
10. Макаров С. Изменение уголовного закона: время исправлять ошибки // Уголовное право. 2005. № 2. С. 44–46.
11. Фролов А. С. Исключение из правила о совокупности преступлений // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Российского конгресса уголовного права. М. : Проспект, 2008. С. 154–157.
12. Энгельгардт А. А. Совершение двух и более преступлений в отсутствие совокупности // Уголовное право. 2012. № 3. С. 79–82.
13. Гулиева Н. Б. Составные преступления в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 24 с.

14. Козлов А. В. Ответственность за совокупность преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 18 с.
15. Благов Е. В. Квалификация при совершении преступления. М. : Юрлитинформ, 2009. 188 с.
16. Зацепин А. М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы : монография. М. : Проспект, 2016. 303 с.
17. Благов Е. В. О проблеме отражения в Особенной части уголовного законодательства множественности преступлений // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 189–192.
18. Салихов Ш. С. Проблемы множественности преступлений при квалификации убийств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.
19. Калинина Т. А. Формы и виды единого преступления и отграничение их от множественности преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 24 с.
20. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений. М. : Городец, 2007. 336 с.
21. Дуюнов В. К., Хлебушкин А. Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика : монография. М. : РИОР ; ИНФРА-М, 2018. 429 с.
22. Досаева Г. С. К вопросу о множественности преступлений // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 18–21.
23. Актуальные проблемы уголовного права : учеб. для магистрантов / А. В. Грошев [и др.]. М. : Проспект, 2015. 560 с.
24. Молчанов Д. М. Совокупность преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 157 с.
25. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ТЕМП, 2006. 944 с.

УДК 343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.519-525

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЗВОНОВ,

кандидат юридических наук, доцент,

начальник кафедры криминологии

и организации профилактики преступлений,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института,
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,

г. Владимир, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-9591-6286,

e-mail: zvonov_av@mail.ru;

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ХОХРИН,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент Института Академии ФСИН России по кафедре уголовного права,

г. Рязань, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-0900-1195,

e-mail: hohrinsa@yandex.ru

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОХРАНЫ

Для цитирования

Звонов, А. В. Меры предупреждения преступности сотрудников подразделений охраны / А. В. Звонов, С. А. Хохрин // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 519–525. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.519-525.

Аннотация. В статье акцентируется внимание на мерах по предупреждению преступности сотрудников подразделений охраны, представляющих собой сложный механизм. Применение указанных мер характеризуется различными социальными, правовыми проблемами, решение которых возможно только с помощью комплекса различных мероприятий, включающих в себя: способы контроля и отбора лиц, трудоустраивающихся на работу в уголовно-исполнительную систему; прохождение первоначального обучения, исключение возможности использования поддельных документов об уровне образования при трудоустройстве в пенитенциарные учреждения; организацию взаимодействия с различными правоохранительными органами по изучению кандидатов на службу; выявление фактов совершения административных правонарушений со стороны действующих сотрудников. Рассматриваются проблемные вопросы работы с молодыми сотрудниками, повышения уровня работы наставников, для чего обосновываются различные способы стимулирования указанной работы.

© Звонов А. В., Хохрин С. А., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Совершенствование деятельности по подбору сотрудников, наставничеству над молодыми сотрудниками, взаимодействию с правоохранительными органами, созданию единой базы данных по выпускникам образовательных организаций с целью контроля их дипломов позволит выработать ряд мер по предупреждению преступлений, совершаемых сотрудниками отделов охраны.

Ключевые слова: сотрудники отделов охраны, криминология, преступление, пенитенциарная преступность, меры предупреждения преступлений.

Введение

Поиск новых форм и методов предупреждения преступности сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) подразумевает в том числе выработку мер под конкретные подразделения отделов и служб исправительных учреждений. Одними из наиболее многочисленных служб являются отделы охраны исправительных учреждений. Нами проанализированы статистические данные о преступлениях, совершаемых сотрудниками отделов охраны, изучены меры, способствовавшие предупреждению преступлений, совершаемых сотрудниками в исправительных колониях. Выводы и оценки основываются на научном анализе:

- сведений о состоянии законности среди сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (форма статистической отчетности ФСИН-7) за 2010–2020 гг.;

- информации Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

- статистических данных ФСИН России о состоянии уголовно-исполнительной системы России;

- статистических данных Следственного департамента МВД России;

- материалов из 19 территориальных органов ФСИН России по республикам Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Тыва, Татарстан, Саха (Якутия), Забайкальскому краю, Архангельской, Брянской, Вологодской, Владимирской, Волгоградской, Калужской, Саратовской, Сахалинской, Новгородской, Ульяновской, Тульской областям, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, результатов собственных и иных криминологических исследований, посвященных анализу состояния преступности в России и ее регионах;

- аналитических отчетов и обзоров по рассматриваемой тематике, в том числе размещенных в сети Интернет на официальных сайтах исследовательских центров.

Статья подготовлена с использованием нормативных правовых актов, научной и иной литературы, с учетом последних изменений и дополнений, касающихся рассмотренной темы.

Результаты исследования

Социальное и экономическое положение в стране требует от сотрудников уголовно-исполнительной системы полной отдачи сил при выполнении служебных задач и реализации наказания в виде лишения свободы. Необходимо отметить, что основная часть сотрудников исправительных учреждений добросовестно выполняют свои профессиональные обязанности. Однако факты совершения преступлений сотрудниками случаются, и поэтому необходимо принимать меры по нейтрализации криминогенных обстоятельств, способствующих их совершению.

Одним из факторов снижения уровня преступности среди сотрудников УИС является повышение престижа службы. Указанная задача нашла свое отражение в Концеп-

ции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года – разработка и осуществление комплекса мер, направленных на повышение привлекательности службы (работы) в уголовно-исполнительной системе, конкурентоспособности Федеральной службы исполнения наказаний как работодателя на рынке труда. Ее реализация позволит изменить отношение граждан к пенитенциарной системе.

Современное общество живет в информационный век, а следовательно, движущей силой любого фактора становится информация в виде идеологии. Идеология, четко определяя систему ценностей, моральные координаты, этику и эстетику общественных отношений, формируя представления о добре или зле, смысле жизни, закладывает прочный фундамент и задает вектор развития общества. Интересно высказывание Президента РФ В. В. Путина: «Если подходить к государственной или национальной идеологии совсем практически и безотносительно к внешнему противостоянию, то надо сказать, что без этого инструмента нельзя вести ни одну из так называемых soft-политик. Нельзя системно заниматься образованием, культурой, гуманитарными науками, правом (и это ярко проявляется сейчас при обсуждении Конституции России). Я не имею в виду, что идеология должна тотально давить на эти сферы. Мы можем признать своей ценностью вариативность, тягу к соединению противоречивого, синкретизм, поликультурность. Но что-то мы должны признать. Это эхом отразится на нашем образовании, культуре, праве, науке. И этого отражения нам давно уже не хватает» [1].

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что максимальное положительное влияние на предупреждение преступности сотрудников оказывают меры экономического характера, в частности увеличение денежного довольствия. Вместе с тем многолетняя практика прохождения службы в уголовно-исполнительной системе и общение с руководством ФСИН России позволяют с уверенностью утверждать, что зависимости совершения преступлений сотрудников исправительных учреждений от денежного довольствия нет. Это подтверждают и ученые в процессе своих исследований [2, с. 24].

К сожалению, в отечественной практике формулирование идеологических направлений служебной деятельности остается на зачаточном уровне. Тем не менее все чаще звучат призывы уделить этим инструментам управления в правоохранительной деятельности больше внимания. Для любой социальной системы в иерархии базовых категорий основой является идеологическое начало (предназначение, миссия), все остальные категории, включая цели, должны такому началу соответствовать. В связи с этим, оставляя множество открытых вопросов (в частности, о содержании самих идей), признавая невозможным сформировать идейную основу правоохранительной деятельности без определения государственной идеологии, следует признать актуальной задачей современной науки разработку проблем идеологии правоохранительной деятельности, предполагающей серьезный анализ ценностных ориентиров общества и государства, которые могут стать той объединяющей и мобилизующей основой, необходимой для осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российского государства.

С целью формирования правопослушного поведения сотрудников отделов охраны руководству исправительных учреждений и аппаратов управлений особое внимание необходимо уделять следующим направлениям деятельности:

– организация выполнения служебных обязанностей по охране объектов и осужденных, а также контроль служебной дисциплины личного состава в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими вопросы службы и дисциплины сотрудников УИС;

– организация регулярного контроля за соблюдением сотрудниками Правил дорожного движения, взаимодействия с правоохранительными органами с целью получения информации о наличии фактов таких нарушений со стороны сотрудников и принятие мер реагирования на выявленные нарушения;

– организация работы с личным составом по выявлению фактов коррупционного поведения, проведение мероприятий по нейтрализации воздействия коррупционных рисков и условий коррупциогенности;

– организация работы по выявлению фактов и профилактике распространения и употребления наркотических средств среди личного состава отдела охраны.

Предупреждение преступности сотрудников отделов охраны невозможно без организации взаимодействия с правоохранительными органами региона, позволяющего оперативно получать информацию о фактах совершения сотрудниками административных правонарушений, а также проводить мероприятия, направленные на укрепление служебной дисциплины, формирование правопослушного поведения личного состава отделов охраны. С целью оптимизации проводимой работы, по нашему мнению, необходимы разработка и согласование плана совместных мероприятий для принятия мер, направленных на противодействие коррупции и профилактику правонарушений среди личного состава. Дополнительно, как показывает практика, для проведения воспитательной работы целесообразно привлекать членов Общероссийской общественной организации ветеранов УИС.

При организации работы по профилактике и предупреждению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров среди личного состава особое внимание необходимо обратить на вопросы взаимодействия с правоохранительными органами. Следует организовать практику выявления следов употребления наркотиков (следы уколов, внешний облик и др.) с привлечением сотрудников медицинской части непосредственно перед несением службы при прохождении медицинского осмотра, перед инструктивными занятиями с караулом выборочно проводить проверки личного состава с помощью наркотестов ИХА-6-мультифактор для одновременного выявления морфина, марихуаны, кокаина, амфетамина, метамфетамина, бензодиазепина в моче человека.

Для предупреждения совершения сотрудниками дорожно-транспортных происшествий (ДТП) необходимо организовать направление запросов в адрес ГИБДД на предмет выявления административных правонарушений, нарушений Правил дорожного движения и совершения ДТП с участием сотрудников, использующих личный автотранспорт. Создать базу данных личного автотранспорта сотрудников. Сведения о сотрудниках, допустивших административные правонарушения в сфере дорожного движения, представлять во ФСИН России.

В рамках антикоррупционной деятельности, профилактики воздействия коррупционных рисков на личный состав и обстановку в учреждении необходимо ввести в практику функционирование телефонов доверия и страницы на официальном сайте для приема информации от сотрудников о фактах проявления коррупции и нарушения требований к служебному поведению.

Основным законодательным актом, регламентирующим порядок прохождения службы, является Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации „Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы“». В ст. 18 «Документы, представляемые гражданином для

поступления на службу в уголовно-исполнительной системе» указывается о необходимости предоставления кандидатом на службу документов об образовании. Следует учитывать, что проверка подлинности диплома или аттестата об образовании при поступлении в систему не проводится, в результате чего неоднократно выявлялись случаи предоставления поддельных документов об образовании. Безусловно прав А. Н. Варыгин, высказав мысль о том, что исключением возможности совершения указанных нарушений может стать создание единой государственной автоматизированной информационной системы (АИС) «Учет дипломов» [3, с. 17].

Комплексную профилактику правонарушений среди личного состава необходимо начинать непосредственно после издания приказа о назначении на должность. В процессе адаптации сотрудника требуется использование психодиагностических тестов с целью выяснения характерных черт личности. Регулярное составление психологических портретов нарушителей с указанием определенных черт характера позволит зафиксировать начало профессиональной деформации сотрудника и предупредить нарушение законности [4, с. 411].

Первые 3–5 лет являются наиболее кризисным этапом адаптации сотрудников. Проблему оказания эффективной помощи вновь принятым на службу сотрудникам можно решить путем наставничества. Мы согласны с мнением Н. Г. Соболева, что «наставник должен быть назначен из числа наиболее подготовленных работников, обладающих высокими профессиональными качествами, имеющих стабильные показатели в службе, жизненный опыт, пользующихся авторитетом в коллективе» [5, с. 11]. Активное использование института наставничества позволяет реализовать передачу профессионального опыта, преемственность поколений, профессиональное становление сотрудника. Наставничество положительно влияет и на самого наставника, повышается авторитет среди сотрудников, приобретает управленческий опыт, упрочивается его репутация как профессионала.

Дополнительно наставничество применяется не только к вновь принятым сотрудникам, но и к «перемещенным по службе сотрудникам УИС на вышестоящую должность либо равнозначную в другую службу в случае выполнения ими функциональных обязанностей, требующих дополнительного обучения профессиональным знаниям и навыкам практической работы» [5]. Основным документом, регламентирующим указанную деятельность, является приказ ФСИН России от 28 декабря 2010 г. № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы». В приказе устанавливаются сроки наставничества – от трех месяцев до одного года. Критериев определения сроков в отношении сотрудника нет, предполагается, что это зависит от психологической готовности и способности сотрудника самостоятельно выполнять служебные обязанности. Необходимо отметить, что во ФСИН России институт наставничества не в полной мере реализует свои функции, это позволяет сделать вывод о возможности совершения преступлений молодыми сотрудниками.

Нормативным актом закреплено, что наставничество одновременно может устанавливаться в исключительных случаях в отношении трех подшефных. Это не позволит превратить наставничество в формальность. Должность наставника должна быть выше должности подшефного на одну две ступени. Наставник должен быть более подготовленным с психологической и профессиональной точки зрения. Необходимо, чтобы между наставником и подшефным сложились доверительные отношения. Наставник оказывает помощь подшефному советом, примером, может его выслушать, помогает адаптироваться в коллективе.

Важно применять методы стимулирования для того, кто будет наставником. Так, в Методическом инструментарии по применению наставничества на государственной гражданской службе Российской Федерации в целях оказания содействия в организации данного вида деятельности на государственной гражданской службе, разработанных Министерством труда и социального развития Российской Федерации в 2014 г., предусмотрен широкий перечень стимулирования наставников: «Наставники, показавшие высокие результаты, могут быть представлены решением руководителя государственного органа к следующим видам поощрений:

- объявление благодарности, награждение почетной грамотой государственного органа, вручение ценного подарка, награждение иными ведомственными наградами;
- помещение фотографии наставника на доску почета государственного органа;
- награждение нагрудным знаком наставника;
- внесение предложения о рекомендации по результатам аттестации к включению в кадровый резерв для замещения вакантной должности гражданской службы в порядке должностного роста;
- внесение предложения о назначении на вышестоящую должность;
- материальное поощрение (выплата премии за выполнение особо важного и сложного задания, выплата материальной помощи);
- присвоение почетного звания «Лучший наставник государственного органа».

В нормативных актах ФСИН России система стимулирования наставничества не предусмотрена. Вместе с тем наставничество позволит осуществить подготовку сотрудников к самостоятельному выполнению служебных обязанностей и позволит обеспечить передачу знаний, умений и навыков молодым сотрудникам и сотрудникам, вновь назначенным на должность.

Заключение

По результатам проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1) совершенствование работы кадрового обеспечения учреждений УИС невозможно без совершенствования законодательства и нормативно-правовой базы, направленной на создание условий сохранения и укрепления кадрового потенциала и формирование кадрового резерва;

2) при прохождении службы сотрудник УИС в своей профессиональной деятельности сталкивается с факторами, негативно влияющими на комплектование:

- правовой характер выполняемых служебных задач;
- строгая подчиненность (вертикальная субординация);
- экстремальный характер прохождения службы;
- властность выполнения обязанностей сотрудником;
- выполнение обязанностей с использованием служебной и государственной тайны;
- наличие стрессовых ситуаций;
- физическая тяжесть работы;

3) социальная защищенность сотрудников должна быть основой стимулирования к правопослушному поведению, одновременно с этим необходимо активно развивать нематериальное стимулирование сотрудников, повышать уровень корпоративной культуры.

Библиографический список

1. Мухортов С. Н. Предупреждение должностных преступлений, совершаемых сотрудниками службы криминальной милиции : монография. Самара : СИБиУ, 2004. 115 с.
2. Максимова Л. О. Целеполагание в управлении органами внутренних дел: теоретический и организационно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 26 с.

3. Варыгин А. Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 45 с.

4. Прикладная юридическая психология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям / под ред. А. М. Столяренко. М. : ЮНИТИ, 2001. 639 с.

5. Соболев Н. Г. Психологическое обеспечение адаптации выпускников высших образовательных учреждений к службе в уголовно-исполнительной системе ФСИН России : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Вологда, 2007. 28 с.

УДК 159.9:343.83

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.526-538

ГАЛИНА ИВАНОВНА АКСЕНОВА,

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры общей психологии,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0003-1391-5878,
e-mail: polinaax@mail.ru;

ПОЛИНА ЮРЬЕВНА АКСЕНОВА,

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
профессиональной деятельности в УИС,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
ORCID 0000-0001-5276-9792,
e-mail: polinaax@mail.ru;

ВЛАДИСЛАВА НИКОЛАЕВНА ДВОЙНИШНИКОВА,

психолог, ФКУ СИЗО-1 УФСИН России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
ORCID 0000-0002-2639-8454,
e-mail: so.apu@yandex.ru

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К СТРЕССОВЫМ СИТУАЦИЯМ

Для цитирования

Аксенова, Г. И. Эмпирическое исследование психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы к стрессовым ситуациям / Г. И. Аксенова, П. Ю. Аксенова, В. Н. Двойнишникова // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 526–538. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.526-538.

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы к стрессовым ситуациям. Актуальность исследования обусловлена тем, что большое количество стрессовых ситуаций в жизни сотрудников уголовно-исполнительной системы, неумение их преодолевать ведет к целому ряду социально-экономических и социально-психологических последствий: текучести кадров, неполному и несвоевременному выполнению поставленных задач, снижению удовлетворенности трудом, дефор-

© Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю., Двойнишникова В. Н., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

мации личностных и характерологических качеств сотрудников и др. От уровня психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы к стрессовым ситуациям зависит эффективность функционирования уголовно-исполнительной системы в целом. Выборку испытуемых составили 54 сотрудника отдела охраны ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, которые были разделены по стажу службы в уголовно-исполнительной системе до 10 лет и более 10 лет. В статье описаны уровни и особенности развития психологической устойчивости к стрессам у сотрудников в разные периоды службы. Анализ результатов проведенного эмпирического исследования позволил сделать следующие выводы: 1) сотрудники уголовно-исполнительной системы со стажем службы более 10 лет в большей степени устойчивы в конфликтных ситуациях, легче переносят ситуации временного ограничения межличностных контактов, обладают позитивной самооценкой, более устойчивы в ситуациях неопределенности и монотонии, способны принимать целесообразные решения в условиях дефицита времени и других внешних факторов; 2) сотрудники уголовно-исполнительной системы со стажем службы до 10 лет хуже переносят влияние внешних факторов, легче вовлекаются в конфликтные ситуации, у них быстрее наступает информационное пресыщение, однообразные виды деятельности, резко изменяющиеся условия способны оказывать значительное влияние на эмоциональное состояние данных сотрудников. Таким образом, существуют значимые различия в психологической устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы с разным стажем службы, а также взаимосвязь между их устойчивостью к стрессу и личностным адаптационным потенциалом.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, стресс, сотрудник уголовно-исполнительной системы, профессиональная деятельность, личностный адаптационный потенциал сотрудников уголовно-исполнительной системы, психологическая устойчивость сотрудников уголовно-исполнительной системы к стрессовым ситуациям.

В настоящее время особый интерес вызывают вопросы выявления стрессовых факторов в различных профессиях, определения наиболее стрессоопасных ситуаций, возникающих на службе, и разработка программ, направленных на повышение уровня психологической устойчивости к стрессовым ситуациям. Наличие большого числа стрессовых ситуаций в жизни сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) и неумение с ними справляться ведет к целому ряду социально-экономических и социально-психологических последствий: текучести кадров, неполному и несвоевременному выполнению поставленных задач, снижению удовлетворенности трудом, деформации личностных и характерологических качеств сотрудников. Таким образом, от уровня психологической устойчивости сотрудников УИС [1] к стрессовым ситуациям зависит эффективность функционирования УИС в целом. В связи с этим нами было проведено эмпирическое исследование психологической устойчивости сотрудников УИС к стрессовым ситуациям [7–10]. В качестве испытуемых были выбраны 54 сотрудника отдела охраны ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, которые были разделены по стажу службы в УИС до 10 лет и более 10 лет (табл. 1).

Таблица 1

Обоснование деления на группы

Номер группы	Возраст	Стаж службы	Количество человек
1	24–46	1–10	32
2	30–49	11–24	22

К первой группе были отнесены сотрудники отдела охраны со стажем службы 1–10 лет. Средний возраст сотрудников составил 31 год, средний стаж службы в УИС – 7 лет. Во вторую группу вошли сотрудники, имеющие стаж службы более 10 лет, средний возраст которых составил 37 лет, средний стаж службы в УИС – 15 лет.

В рамках нашего исследования использовался следующий методический инструментарий: а) теоретические методы: анализ и синтез научных источников, систематизация материала, анализ педагогического опыта; б) практические методы: психолого-педагогический эксперимент, наблюдение, тестирование, беседа, методы математической статистики (U-критерий Манна – Уитни, коэффициент корреляции Спирмена); в) методики исследования: методика диагностики самооценки Ч. Д. Спилбергера, Л. Ханина; методика многофакторного личностного опросника «Адаптивность» (далее – МЛО «Адаптивность») А. Г. Маклакова, С. В. Чермянина; методика «Опросник психологической устойчивости к стрессу» Е. В. Распопина.

С помощью заявленных методов исследования нами были определены уровни и особенности развития психологической устойчивости к стрессам у сотрудников УИС в разные периоды службы. Для сравнительного анализа был использован U-критерий Манна – Уитни для двух независимых выборок, корреляционный анализ с использованием непараметрического коэффициента Спирмена. Критерием статистической достоверности получаемых выводов считали общепринятую в психологии величину $p \leq 0,05$.

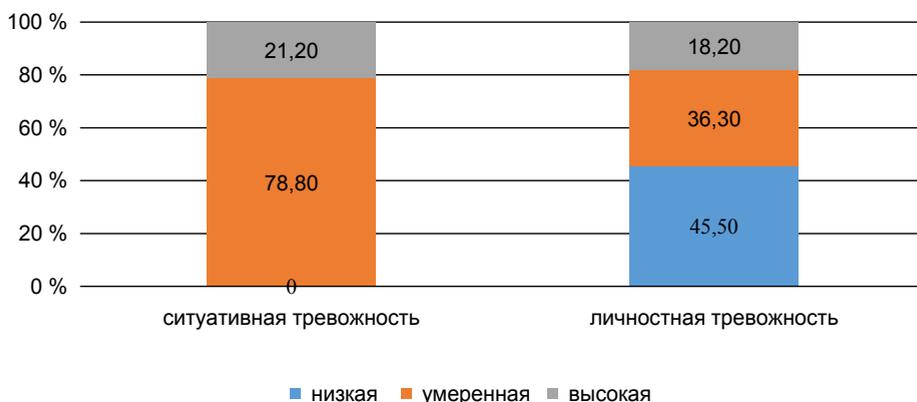


Рис. 1. Распределение частот по тесту Спилбергера – Ханина у сотрудников со стажем службы до 10 лет включительно

Согласно результатам частотного анализа по тесту Спилбергера – Ханина у сотрудников со стажем службы до 10 лет включительно отмечается умеренный уровень ситуативной тревожности у большей части диагностируемых (78,8 %), высокий уровень отмечается у 21,2 % сотрудников (рис. 1). Таким образом, на момент проведения диагностики большая часть сотрудников не находилась в напряжении. В то же время

согласно частотному анализу фактически у половины опрошенных (45,5 %) отмечается низкий уровень личностной тревожности, у 36,3 – умеренный, 18,2 % – высокий уровень личностной тревожности.

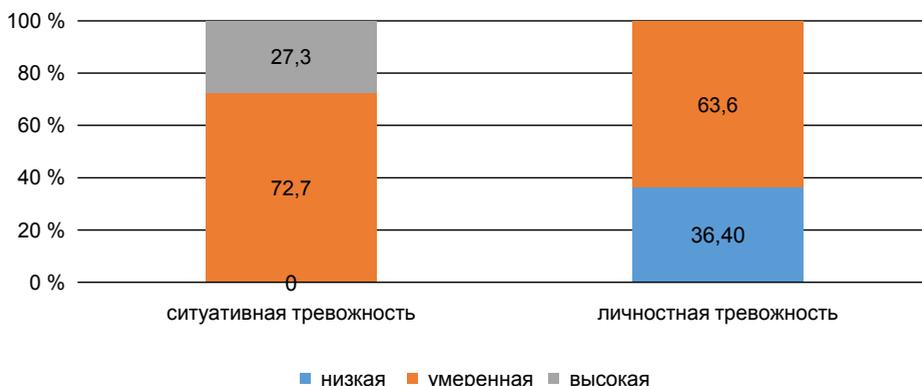


Рис. 2. Распределение частот по тесту Спилберга – Ханина у сотрудников со стажем службы более 10 лет

Результаты частотного анализа показывают, что у сотрудников со стажем службы более 10 лет отмечается высокий процент людей (63,6 %) с умеренной личностной тревожностью (рис. 2). У 36,4 % опрошенных сотрудников отмечаются низкие результаты личностной тревожности. Сотрудников с высокими результатами личностной тревожности не выявлено. Обращают на себя внимание 27,3 % из числа опрошенных с высокими результатами ситуативной тревожности, то есть можно предположить, что для данных лиц процедура диагностики воспринималась более эмоционально. При этом у 72,7 % из числа опрошенных сотрудников со стажем службы более 10 лет службы отмечается умеренный уровень ситуативной тревожности.



Рис. 3. Результаты частотного анализа по тесту МЛО «Адаптивность» у сотрудников со стажем службы до 10 лет включительно

Результаты частотного анализа (рис. 3) показывают, что для сотрудников со стажем службы до 10 лет включительно характерен высокий личный адаптационный потенциал (18,8 %), высокие результаты по шкалам «Моральная нормативность» (57,6), «Коммуникативный потенциал» (56,2), «Поведенческая регуляция» (63,6 %) [2, 4]. Это свидетельствует о способностях не только руководить своим поведением, эмоцио-

нальным состоянием, но и ориентироваться на социальные составляющие, такие как: социальные нормы, соблюдение коммуникативной дистанции и гибкости. У 51,5 % опрошенных отмечаются средние значения личностного адаптационного потенциала. Для них свойственны средние результаты поведенческой регуляции (30,3 %), моральной нормативности (36,3), коммуникативного потенциала (43,8 %). В большинстве случаев сотрудники способны руководить своим поведением, соблюдать коммуникативную дистанцию и ориентироваться на социальные требования.

Низкие результаты по личностному адаптационному потенциалу отмечаются у 30 % опрошенных; низкие результаты поведенческой регуляции и моральной нормативности – у 6,1 % опрошенных.

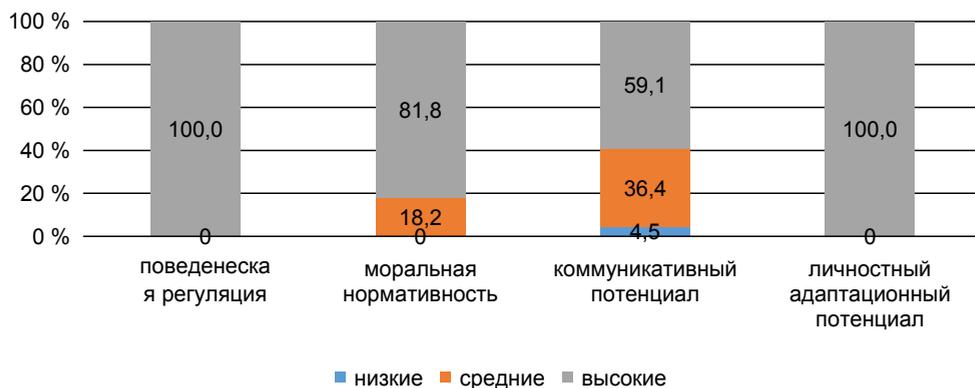


Рис. 4. Результаты частотного анализа по тесту МЛО «Адаптивность» у сотрудников со стажем службы более 10 лет

На основании частотного анализа по тесту МЛО «Адаптивность» (рис. 4) отметим высокие результаты практически по всем составляющим личностного адаптационного потенциала: поведенческая регуляция (100 %), моральная нормативность (81,8 %), коммуникативный потенциал (59,1 %). В то же время у 4,5 % из числа опрошенных имеются низкие результаты коммуникативного потенциала – данные люди в определенных ситуациях могут вступать в конфликты.

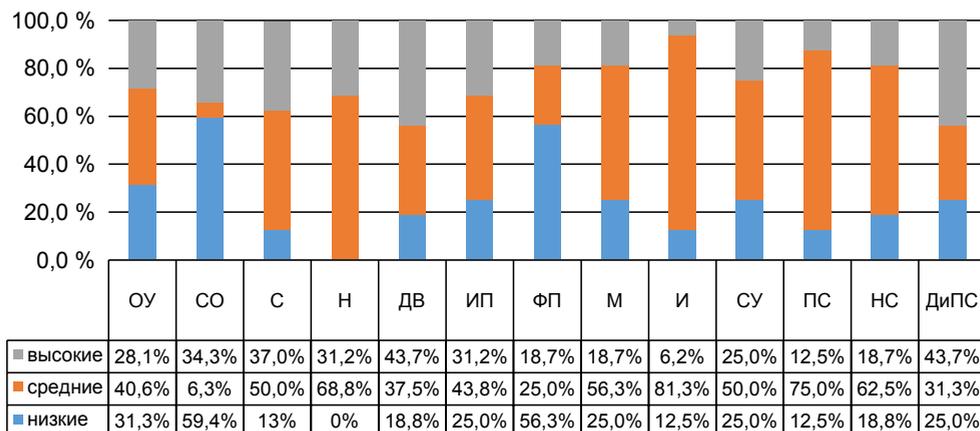


Рис. 5. Результаты частотного анализа по опроснику «Психологическая устойчивость к стрессу» у сотрудников со стажем службы до 10 лет включительно

На основании частотного анализа по тесту «Психологическая устойчивость к стрессу» (рис. 5) отметим, что у сотрудников со стажем службы до 10 лет включительно общий уровень стрессоустойчивости у большинства опрошенных (40,6 %) на среднем уровне, у 31,3 – отмечаются низкие результаты и у 28,1 % – результаты выше средних показателей. В большинстве ситуаций сотрудники, имеющие стаж службы до 10 лет, будут подвластны стрессам (31,3 %), для большей части из числа опрошенных будет характерна достаточная устойчивость к воздействию стрессовых ситуаций [6].

Для 59,4 и 56,3 % – свойственны низкая самооценка и быстрая утомляемость от физических нагрузок. При этом они имеют высокие показатели по частотному анализу по таким параметрам, как способность действовать в ситуациях дефицита времени (43,7 %) и способность сохранять психологическую устойчивость в ситуациях длительного влияния и повторяемости стрессоров (43,7 %).

Способность к психологической устойчивости (на среднем уровне) отмечается по таким параметрам, как самооценка (50 %), ситуации конкретной угрозы (50), информационные перегрузки (43,8), изоляция (81,3), монотонность (56,3), повседневные стрессоры (75), неожиданность стрессора (62,5 %).

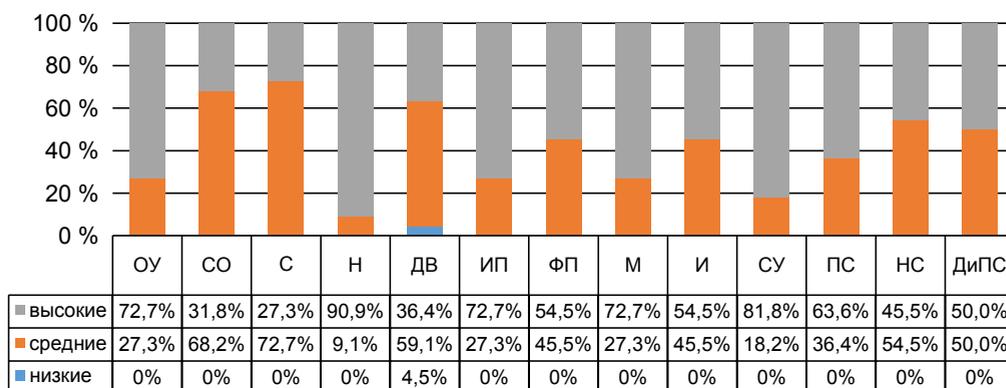


Рис. 6. Результаты частотного анализа по опроснику «Психологическая устойчивость к стрессу» у сотрудников со стажем службы более 10 лет

На основании проведенного частотного анализа по опроснику «Психологическая устойчивость к стрессу» (рис. 6) мы можем отметить, что в целом для сотрудников, имеющих стаж службы более 10 лет, свойственны достаточно высокие результаты по психологической устойчивости (72,7 %).

Наибольшая устойчивость отмечается по таким факторам, как способность к сохранению эмоционального состояния в ситуациях неопределенности (свыше 90 %), ситуации конкретной угрозы (свыше 80 %), монотонности (свыше 70 %), повседневные стрессоры (свыше 60 %) и др. При этом выявлены низкие результаты в способности сохранять самообладание в ситуациях дефицита времени (4,5 %).

Далее нами был проведен сравнительный анализ психологической устойчивости сотрудников УИС с разным стажем службы к стрессовым ситуациям.

При сравнении результатов по шкале «Ситуативная тревожность» выявлено, что сотрудники со стажем службы до 10 лет близки к среднему значению по выборке (рис. 7). Превышает показатель среднего у сотрудников со стажем службы более 10 лет. Таким образом, сотрудники со стажем службы более 10 лет к ситуациям внешней оценки, к которым относится процедура диагностики, относятся более серьезно.

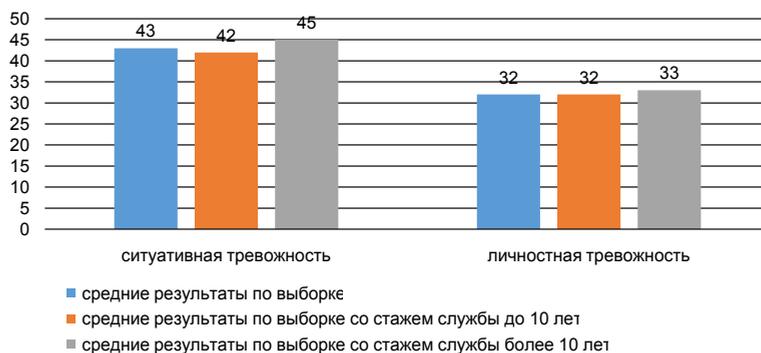


Рис. 7. Результаты по тесту Спилбергера – Ханина в обеих группах, в сырых баллах

Результаты по шкале «Личностная тревожность» у обеих групп достаточно близки к среднему показателю по выборке. По итогам сравнительного анализа мы можем отметить разницу на уровне $p \leq 0,5$ в ситуативной тревожности между сотрудниками со стажем службы до 10 лет и выше 10 лет. В зависимости от определенных ситуаций у сотрудников со стажем службы более 10 лет возможно повышение данного показателя (табл. 2).

Таблица 2

Особенности личностной и ситуативной тревожности у сотрудников с разным стажем службы с использованием U-критерия Манна – Уитни

Наименование показателя	Стаж службы		Значение	
	до 10 лет	более 10 лет	U	P ≤
Ситуативная тревожность	42 ± 0,61	45 ± 1,03	231	0,05
Личностная тревожность	32 ± 1,57	33 ± 1,53	306	0,10

Примечание. Значения в таблице представлены в виде $X \pm m$, где X – среднее значение показателя по группе, m – средняя ошибка; результаты представлены в сырых баллах.

Мы также провели сравнительный анализ адаптационного потенциала сотрудников УИС с разным стажем службы.

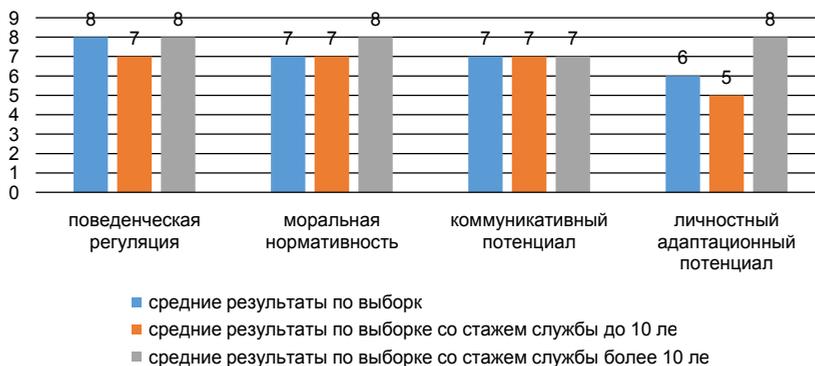


Рис. 8. Результаты по тесту МЛО «Адаптивность» в обеих группах, в стенах

Согласно результатам методики МЛО «Адаптивность» (рис. 8) отметим близкие значения у сотрудников со стажем службы более 10 лет к среднему значению по шкале «Поведенческая регуляция». В то же время наблюдается повышение значений по сравнению со средними значениями у данных сотрудников по шкалам «Моральная нормативность», «Личностный адаптационный потенциал». Таким образом, у сотрудников со стажем службы, превышающим 10 лет, выражена поведенческая регуляция, в своем поведении они в большей степени ориентируются на правила и нормы, обладают выраженным адаптационным потенциалом. Имеется также разница на уровне $p \leq 0,05$ между сотрудниками со стажем службы до 10 лет включительно и сотрудниками со стажем службы более 10 лет в поведенческой регуляции.

На уровне $p \leq 0,01$ – разница между сотрудниками со стажем службы до 10 лет включительно и сотрудниками со стажем службы более 10 лет по личностному адаптационному потенциалу (табл. 3).

Таблица 3

Особенности результатов по тесту МЛО «Адаптивность» у сотрудников с разным стажем службы с использованием U-критерия Манна – Уитни

Наименование показателя	Стаж службы		Значение	
	до 10 лет	более 10 лет	U	P ≤
Поведенческая регуляция	7 ± 0,37	8 ± 0,17	218	0,05
Моральная нормативность	7 ± 0,40	8 ± 0,28	288	0,10
Коммуникативный потенциал	7 ± 0,35	7 ± 0,38	352	0,10
Личностный адаптационный потенциал	5 ± 0,35	8 ± 0,16	78	0,01

Примечание. Значения в таблице представлены в виде $X \pm m$, где X – среднее значение показателя по группе, а m – средняя ошибка; результаты представлены в стенах.

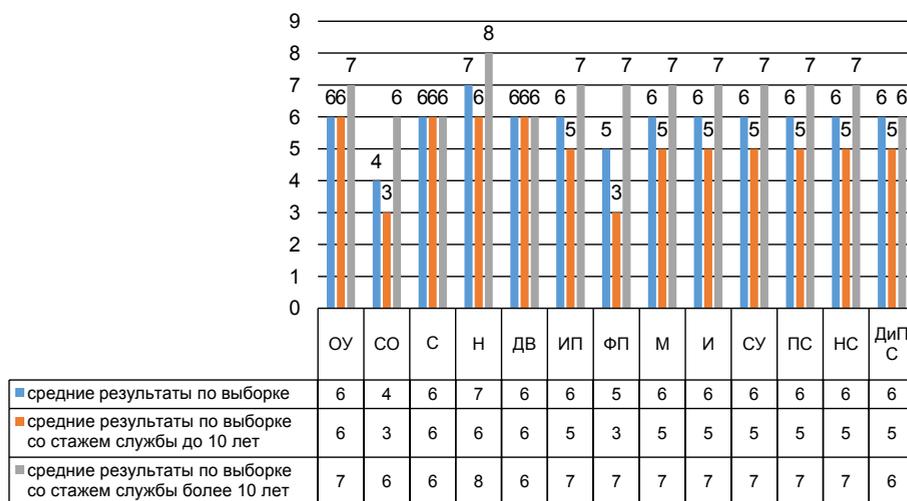


Рис. 9. Результаты по опроснику «Психологическая устойчивость к стрессу» в обеих группах, в стенах

Оценивая результаты по тесту «Психологическая устойчивость к стрессу» (рис. 9), мы можем отметить повышение результатов у сотрудников, чей стаж службы превышает 10 лет по шкалам: «Повседневные стрессоры», «Неожиданность стрессора», «Общий

уровень стрессоустойчивости» и др. Сотрудники, стаж службы которых до 10 лет включительно, характеризуются показателями ниже средних значений по шкалам: «Изоляция», «Ситуации конкретной угрозы», «Повседневные стрессоры» и др.

Следовательно, сотрудники со стажем службы более 10 лет в большей степени устойчивы в конфликтных ситуациях, легче переносят ситуации временного ограничения межличностных контактов, обладают позитивной самооценкой, более устойчивы в ситуациях неопределенности и монотонии, способны принимать целесообразные решения в условиях дефицита времени и других внешних факторов.

Сотрудники со стажем службы до 10 лет хуже переносят влияние внешних факторов, легче вовлекаются в конфликтные ситуации. У них быстрее наступает информационное пресыщение, в том числе однообразные виды деятельности, а также резко изменяющиеся условия способны оказывать значительное влияние на эмоциональное состояние данных сотрудников.

Таблица 4

Особенности результатов по тесту «Психологическая устойчивость к стрессу» у сотрудников с разным стажем службы с использованием U-критерия Манна – Уитни

Наименование показателя	Стаж службы		Значение	
	до 10 лет	более 10 лет	U	$p \leq$
Общий уровень стрессоустойчивости	6 ± 0,38	7 ± 0,21	200	0,01
Негативная социальная оценка	3 ± 0,58	6 ± 0,25	226	0,05
Негативная самооценка	6 ± 0,40	6 ± 0,34	338	0,10
Неопределенность	6 ± 0,31	8 ± 0,24	138	0,01
Дефицит времени	6 ± 0,37	6 ± 0,29	338	0,10
Информационные перегрузки	5 ± 0,37	6 ± 0,17	132	0,01
Физические перегрузки	3 ± 0,44	7 ± 0,28	92	0,01
Монотонность	5 ± 0,33	7 ± 0,23	112	0,01
Изоляция	5 ± 0,24	7 ± 0,31	146	0,01
Ситуации конкретной угрозы	5 ± 0,35	7 ± 0,19	116	0,01
Повседневные стрессоры	5 ± 0,32	7 ± 0,21	112	0,01
Неожиданность стрессора	5 ± 0,34	7 ± 0,20	188	0,10
Длительность и повторяемость стрессора	5 ± 0,38	6 ± 0,23	192	0,01

Примечание. Значения в таблице представлены в виде $X \pm m$, где X – среднее значение показателя по группе, m – средняя ошибка; результаты представлены в стенах.

На основании проведенного сравнительного анализа можно отметить разницу на уровне $p \leq 0,05$ по шкале «Негативная социальная оценка» между сотрудниками со стажем службы до 10 лет включительно и сотрудников со стажем службы более 10 лет, на уровне $p \leq 0,01$ между сотрудниками со стажем службы до 10 лет включительно и сотрудниками со стажем службы более 10 лет по шкалам: «Монотонность», «Общий уровень стрессоустойчивости», «Повседневные стрессоры» и др. (табл. 4). Таким образом, с увеличением стажа службы могут происходить изменения в отдельных аспектах психологической устойчивости сотрудников к стрессовым ситуациям. На следующем этапе нами была определена динамика психологических особенностей [3, 5], детерминирующих устойчивость к стрессовым ситуациям в период прохождения службы.

Таблица 5

**Связь уровней выраженности компонентов психологической устойчивости
к стрессам с уровнями тревожности**

Показатели		Методика диагностики тревожности Ч. Д. Спилбергера, Л. Ханина	
		Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Опросник «Психологическая устойчивость к стрессу»	Общий уровень стрессоустойчивости	0,07	0,05
	Негативная социальная оценка	0,06	– 0,14
	Негативная самооценка	– 0,16	0,12
	Неопределенность	0,24	0,03
	Дефицит времени	0,02	– 0,03
	Информационные перегрузки	0,3*	0,17
	Физические перегрузки	0,24	– 0,12
	Монотонность	0,07	– 0,04
	Изоляция	0,23	0,1
	Ситуация конкретной угрозы	– 0,21	0,13
	Повседневные стрессоры	0,3*	0,04
	Неожиданность стрессора	– 0,08	0,21
	Длительность и повторяемость стрессора	– 0,07	0,18

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

В результате корреляционного анализа были выявлены следующие взаимосвязи (табл. 5):

- 1) информационные перегрузки имеют положительные корреляционные связи ($r = 0,31$, $p \leq 0,05$) с ситуативной тревожностью – чем выше уровень ситуационной тревожности, тем выше устойчивость к информационным перегрузкам;
- 2) ситуативная тревожность имеет положительные корреляционные связи с повседневными стрессорами ($r = 0,30$, $p \leq 0,05$) – чем выше уровень устойчивости к повседневным стрессорам, тем выше уровень ситуационной тревожности.

Таблица 6

**Связь уровней выраженности компонентов психологической устойчивости
к стрессам с адаптивными способностями**

Показатели (опросник «Психологическая устойчивость к стрессу»)	Методика МЛО «Адаптивность»			
	ПР	МН	КП	ЛАП
1	2	3	4	5
Общий уровень стрессоустойчивости	0,48**	0,3	0,22	0,8**
Негативная социальная оценка	– 0,23	– 0,44**	– 0,57**	0,24
Негативная самооценка	0,33**	0,13	0,27	0,32*
Неопределенность	0,71**	0,32**	0,26*	0,83**
Дефицит времени	0,31*	0,49**	0,27*	0,44**
Информационные перегрузки	0,25*	0,18	– 0,02	0,71**
Физические перегрузки	0,21	0,02	– 0,08	0,58**

Окончание таблицы 6

1	2	3	4	5
Монотонность	0,38**	0,08	-0,02	0,57**
Изоляция	0,11	0,17	-0,26*	0,26*
Ситуация конкретной угрозы	0,54**	-0,21	0,27*	0,64**
Повседневные стрессоры	0,47**	0,24	0,28*	0,82**
Неожиданность стрессора	0,41**	0,14	0,22	0,41**
Длительность и повторяемость стрессора	0,42**	0,22	0,52**	0,48**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя). ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя). ПР – поведенческая регуляция; МН – моральная нормативность; КП – коммуникативный потенциал; ЛАП – личностный адаптационный потенциал.

В результате корреляционного анализа были выявлены следующие взаимосвязи (табл. 6):

1) поведенческая регуляция имеет положительные корреляционные связи с общим уровнем стрессоустойчивости ($r = 0,47$, $p \leq 0,01$), негативной самооценкой ($r = 0,36$, $p \leq 0,01$), повседневными стрессорами ($r = 0,47$, $p \leq 0,01$), неопределенностью ($r = 0,70$, $p \leq 0,01$), неожиданностью стрессора ($r = 0,40$, $p \leq 0,01$), дефицитом времени ($r = 0,30$, $p \leq 0,05$), ситуацией конкретной угрозы ($r = 0,51$, $p \leq 0,01$), информационными перегрузками ($r = 0,28$, $p \leq 0,05$), монотонностью ($r = 0,39$, $p \leq 0,01$), длительностью и устойчивостью стрессора ($r = 0,44$, $p \leq 0,01$) – чем выше способность человека управлять своим поведением, тем выше его стрессоустойчивость, устойчивость к конфликтогенным ситуациям, самооценка, устойчивость к ситуациям неопределенности, способность принимать решения в условиях дефицита времени, устойчивость к информационным перегрузкам, к выполнению однообразной и монотонной работы, устойчивость к экстремальным ситуациям, к повседневным и длительным стрессорам, непредсказуемым событиям;

2) моральная нормативность имеет положительные корреляционные связи с неопределенностью ($r = 0,35$, $p \leq 0,01$), дефицитом времени ($r = 0,40$, $p \leq 0,015$) – чем выше ориентация на соблюдение общепринятых правил и норм, тем выше устойчивость личности к ситуациям неопределенности, способности принимать решения в условиях дефицита времени; моральная нормативность имеет отрицательную корреляционную связь с негативной социальной оценкой ($r = -0,46$, $p \leq 0,01$) – чем выше ориентация на соблюдение общепринятых правил и норм, тем ниже устойчивость к конфликтогенным ситуациям;

3) коммуникативный потенциал имеет положительные корреляционные связи с неопределенностью ($r = 0,29$, $p \leq 0,05$), дефицитом времени ($r = 0,28$, $p \leq 0,05$), ситуацией конкретной угрозы ($r = 0,29$, $p \leq 0,05$), повседневными стрессорами ($r = 0,28$, $p \leq 0,05$), длительностью и устойчивостью стрессора ($r = 0,54$, $p \leq 0,01$) – чем выше уровень коммуникативных способностей, тем выше устойчивость личности к ситуациям неопределенности, к экстремальным ситуациям, способности принимать решения в условиях дефицита времени и длительным стрессорам; коммуникативный потенциал имеет отрицательную корреляционную связь с негативной социальной оценкой ($r = -0,55$, $p \leq 0,01$), изоляцией ($r = -0,27$, $p \leq 0,05$) – чем выше коммуникативный потенциал, тем ниже устойчивость к конфликтогенным ситуациям и отсутствию социальных контактов;

4) личностный адаптационный потенциал имеет положительные корреляционные связи с общим уровнем стрессоустойчивости ($r = 0,80$, $p \leq 0,01$), ситуацией конкретной

угрозы ($r = 0,61$, $p \leq 0,01$), физическими перегрузками ($r = 0,82$, $p \leq 0,01$), негативной самооценкой ($r = 0,33$, $p \leq 0,05$), информационными перегрузками ($r = 0,70$, $p \leq 0,05$), монотонностью ($r = 0,55$, $p \leq 0,01$), изоляцией ($r = 0,27$, $p \leq 0,05$), дефицитом времени ($r = 0,42$, $p \leq 0,05$), неопределенностью ($r = 0,82$, $p \leq 0,01$), повседневными стрессорами ($r = 0,83$, $p \leq 0,01$), неожиданностью стрессора ($r = 0,44$, $p \leq 0,01$), длительностью и устойчивостью стрессора ($r = 0,46$, $p \leq 0,01$) – чем выше адаптационный потенциал человека, тем выше его стрессоустойчивость, устойчивость к конфликтогенным ситуациям, тем выше его самооценка, устойчивость к ситуациям неопределенности, способность принимать решения в условиях дефицита времени, устойчивость к информационным и физическим перегрузкам, к выполнению однообразной и монотонной работы, устойчивость к экстремальным ситуациям, к повседневным и длительным стрессорам, непредсказуемым событиям. В результате корреляционного анализа была выявлена следующая корреляционная взаимосвязь: личностная тревожность имеет положительную корреляционную связь с коммуникативным потенциалом ($r = 0,28$, $p \leq 0,05$) – чем выше уровень личностной тревожности, тем выше коммуникативный потенциал (табл. 7).

Таблица 7

Связь уровня тревожности с адаптивными способностями

Показатели		Методика диагностики тревожности Ч. Д. Спилбергера, Л. Ханина	
		Ситуативная тревожность	Личностная тревожность
Методика МЛО «Адаптив- ность»	Поведенческая регуляция	– 0,08	0,05
	Моральная нормативность	– 0,10	0,14
	Коммуникативный потенциал	– 0,16	0,28*
	Личностный адаптационный потенциал	0,11	0,07

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Анализ результатов проведенного эмпирического исследования позволяет сделать следующие выводы.

1. Сотрудники УИС со стажем службы более 10 лет в большей степени устойчивы в конфликтных ситуациях, легче переносят ситуации временного ограничения межличностных контактов, обладают позитивной самооценкой, более устойчивы в ситуациях неопределенности и монотонии, способны принимать целесообразные решения в условиях дефицита времени и других внешних факторов.

2. Сотрудники УИС со стажем службы до 10 лет хуже переносят влияние внешних факторов, легче вовлекаются в конфликтные ситуации. У них быстрее наступает информационное пресыщение. Однообразные виды деятельности, а также резко изменяющиеся условия способны оказывать значительное влияние на эмоциональное состояние данных сотрудников.

Таким образом, в ходе эмпирического исследования мы выявили следующие закономерности: существуют значимые различия в психологической устойчивости сотрудников УИС с разным стажем службы, а также взаимосвязь между устойчивостью к стрессу и личностным адаптационным потенциалом у сотрудников УИС.

Библиографический список

1. Аксенова Г. И., Аксенов А. А., Аксенова П. Ю. Технология формирования мотива выбора профессии «психолог уголовно-исполнительной системы» // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступлений и докл. участников (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г) : в 8 т. Рязань : Академия ФСИН России, 2017. Т. 4 : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Воспитательная, социальная и психологическая работа в уголовно-исполнительной системе». Ч. 1. С. 7–11.
2. Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю., Купцов И. И. Проблема адаптации личности в зарубежной психологии // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4(45). С. 6–11.
3. Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю. Курсант в образовательной среде вуза: развитие субъектности // Педагогическое образование: вызовы XX века : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти академика В. А. Сластенина. Воронеж, 2016. С. 116–118.
4. Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю. Развитие адаптированности курсантов в образовательной среде // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4(37). С. 12–18.
5. Аксенова Г. И., Купцов М. И., Аксенова П. Ю. Субъектность студентов как средство формирования антихрупкости высшего образования // Прикладная юридическая психология. 2017. № 4(37). С. 6–12.
6. Аршинова В. В. Психологическая устойчивость как фактор формирования антинаркотической установки в развитии личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 33 с.
7. Катунин А. П. Стрессоустойчивость как психологический феномен // Молодой ученый. 2012. № 9. С. 243–246.
8. Ли Канг Хи. Социально-психологические технологии формирования стрессоустойчивости человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 30 с.
9. Литвинцев С. В. Методологические аспекты оценки нервно-психической устойчивости военнослужащих. СПб. : ВМедА, 1995. 145 с.
10. Лозгачева О. В. Формирование стрессоустойчивости на этапе профессионализации : дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2004. 222 с.

УДК 159.9:343.8

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.539-548

НИНА АЛЕКСЕЕВНА ТЮГАЕВА,

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: ninatiugaeva@yandex.ru

АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ К УСЛОВИЯМ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для цитирования

Тюгаева, Н. А. Адаптация осужденных к условиям отбывания наказания: психолого-педагогический аспект / Н. А. Тюгаева // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 539–548. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.539-548.

Аннотация. Проводимая государственная политика в сфере деятельности уголовно-исполнительной системы позволила: во-первых, более активно применять новый вид наказания, альтернативный лишению свободы, – принудительные работы; во-вторых, снизить показатель количества лиц, содержащихся в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы; в-третьих, актуализировать научную проблематику адаптации и ресоциализации осужденных; в-четвертых, интенсифицировать создание условий для лиц, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, а также с содержанием под стражей, для успешной адаптации в обществе после освобождения; в-пятых, обосновать необходимость создания системы ресоциализации и социальной адаптации.

В статье рассмотрены результаты теоретического и практического исследования по одному из аспектов обозначенной проблематики: социально-педагогическая адаптация осужденных к условиям отбывания наказаний. Из всего многообразия научных методов исследования особое внимание обращено на следующие: анализ и синтез полученной из научных источников информации; изучение практики и конструктивное использование личного опыта; экспертная оценка; фокус-группа; контент-анализ; беседа; опрос. Обращение к научному конструкту адаптации осужденных к условиям отбывания наказаний обосновано вызовами, стоящими перед уголовно-исполнительной системой, и возросшей актуальностью проблемы адаптации осужденных в период отбывания наказаний и успешной ресоциализации в обществе после освобождения. Новым в статье является толкование понятия «адаптация» с позиций педагогической психологии. Цель статьи – изложить информацию, полученную в процессе исследования и апробированную в ходе обсуждения, а также оказать помощь курсантам, адъюнктам и практическим работникам в их познавательной и научно-исследовательской деятельности.

© Тюгаева Н. А., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: адаптация, приспособливание, перцептивно-рефлексивный процесс, исправленность, реадaptация, адаптированность.

Введение

Адаптация, являясь одной из ключевых составляющих научного решения многогранной проблемы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС), всегда была и остается актуальной для практики оптимального функционирования личности осужденных в условиях отбывания наказания. Применение в исследованиях конструкта (от лат. *constructio* – построение; в философии – целостная отдельная сущность реального мира, в психологии – целостное отделение от других психологических сущностей) адаптации, понимаемого как сложный сознательно активный процесс, вызывающий изменения в нравственной сфере личности, открывает возможности для решения многих вопросов: работы с персоналом и обеспечения безопасности; совершенствования перцептивно-рефлексивного процесса; исправления осужденного; реадaptации; ресоциализации.

Несоблюдение уголовно-правовых норм, пробелы в воспитании, снижение нравственной устойчивости генофонда нации, несовершенство механизма адаптации личности в социуме являются предпосылками складывающейся тенденции к формированию асоциальных личностей, в том числе лиц, совершивших преступления и отбывающих наказания. Уместно напомнить, что задачи, стоящие перед уголовно-исполнительной системой, требуют достижения основных целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации: исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, оказание осужденным помощи в социальной адаптации, реадaptации и ресоциализации в постпенитенциарный период.

Актуальность проблемы исследования усиливается тем, что основные направления психолого-педагогического воздействия на лиц с делинквентным (от лат. *delinquens* – правонарушитель, субъект, чье отклоняющееся поведение в крайних своих проявлениях представляет собой уголовно наказуемые действия) поведением и на осужденных, отбывающих наказания, определены на государственном уровне. Так, в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года определено, что целями Концепции являются: исправление осужденных; совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными. Для достижения названных целей предусмотрено: создание условий для успешной адаптации в социуме после освобождения осужденных от наказаний; развитие научного потенциала уголовно-исполнительной системы; развитие компетенций сотрудников органов и учреждений УИС; проведение научных исследований; формирование системы ресоциализации и социальной адаптации.

Поскольку научным замыслом данной публикации является оказание помощи адъюнктам, аспирантам, студентам, курсантам, практическим работникам в повышении уровня научно-исследовательской деятельности, рассмотрим предъявляемые к ней общие требования. Цель научного исследования состоит в выявлении объективных закономерностей, специфики (особенностей), условий, качеств, доминант (от лат. *dominante* – господствующий), а также во внедрении результатов в практику. Наиболее плодотворные исследования, дающие ценные результаты, сочетают теоретический анализ изучаемых явлений с обобщением личного опыта исследователя с учетом передового опыта. Сформулируем главные требования к научному исследованию на конкретном психолого-педагогическом исследовании по теме «Адаптация осужденных к условиям отбывания наказаний: психолого-педагогический аспект».

Цель исследования – выявить социально-психолого-педагогическую составляющую конструкта адаптации осужденных к условиям отбывания наказаний; действие механизмов, адаптирующих осужденных, и их влияние на исправление.

Гипотеза исследования построена с учетом требований к ее структуре по схеме «если..., то..., так как...» и сформулирована в виде предположения – если попытаться осуществить функциональную связь между системой психолого-педагогических воздействий и конечным результатом усвоения этих воздействий (уровень нравственного изменения личности), то это позволит создать существенную внутреннюю связь явлений (адаптации и исправления), так как они представляют собой важное средство педагогической превенции (предупреждения совершения новых преступлений) и обеспечивают высокие уровни адаптированности и исправленности. Приведенный пример построения гипотезы раскрывает ее описательную («если...»), объяснительную («то...») и прогностическую функции в педагогическом исследовании и объясняет существо взаимодействия частей предмета исследования.

Объект исследования – конструкт адаптации как многогранный, многоаспектный процесс, вызывающий изменения в структуре и поведении личности.

Предмет исследования – адаптация как позитивный активно осуществляемый перцептивно-рефлективный процесс, вызывающий изменения в нравственной сфере личности.

Задачи исследования:

- 1) разработать понятийный аппарат исследования;
- 2) раскрыть сущность процесса адаптации осужденных к условиям отбывания наказаний;
- 3) исследовать влияние различных факторов на процесс адаптации;
- 4) выявить и обосновать пути повышения результативности процесса адаптации и успешности исправления.

Методология исследования: общефилософской методологической основой исследования являются диалектический подход и общенаучный принцип диалектической преемственности (конструктивное применение ранее полученных научных результатов).

Методы исследования: анализ и синтез; беседа; опрос (устный и письменный); контент-анализ; наблюдение; научный анализ практического опыта и большого (более сорока лет) личного опыта работы непосредственно с осужденными, слушателями, курсантами, студентами, адъюнктами, аспирантами; экспертный опрос (метод экспертных оценок, рейтинг); фокус-группы.

Экспертный метод и метод фокус-группы имеют много общего, но это разные методы исследования. Приоритетными в данном исследовании были именно эти методы, рассмотрим их подробнее. Экспертный метод имеет определенную ограниченность, поскольку есть опасность субъективизма, но учет мнения экспертов не новость в науке, он всегда помогал и помогает совершенствовать исследуемый процесс. В силу этого количественное выражение мнений лишь придает выводам большую стройность и законченность, а при значительном количестве экспертов нивелирует субъективные различия в оценке.

Метод фокус-группы, или фокусированное интервью, был предложен Р. Мертоном, М. Фиске и П. Кендалл в 1946 г. Представители научных школ по-разному трактовали особенности этого метода, но устойчивыми остаются некоторые подходы и принципы, которые были нами использованы:

- 1) вовлечение нескольких респондентов, собранных в одном месте;

- 2) взаимодействие участников;
- 3) осуществление всего хода обсуждения профессионалом-модератором;
- 4) проведение заседаний фокус-групп по заранее разработанному сценарию, основное назначение которого – фокусирование проблемы и одновременно предоставление возможности спонтанным высказываниям.

Нельзя не отметить еще одну особенность фокус-группы. В отличие от других методов исследования они предназначены для выявления спектра мнений по обсуждаемой проблеме, поиска объяснения поведения людей в тех или иных ситуациях. Фокус-группы не ориентированы на выработку рекомендаций. Не существует общепринятых критериев определения размера идеальной фокус-группы. Оптимальным вариантом считается 8–10 человек. Увеличение численности группы затрудняет ход обсуждения, и дискуссия превращается в заседание в форме вопросов и ответов между модератором и членами группы. Участие менее 8 человек также малопродуктивно, что подтверждает практика.

Ключевой фигурой в фокус-групповом заседании является модератор (буквальный перевод этого слова: регулирующий, умеряющий). Изучение публикаций по данному методу свидетельствует о том, что были попытки найти адекватное русское понятие, например, «председатель», «ведущий», но они не закрепились, поскольку не отражают специфику деятельности. В фокус-группе модератор не должен выступать в роли «начальника», руководителя дискуссии, но быть тем, кто способствует ее ходу, балансируя между активным участием и пассивным наблюдателем [1–3].

Результаты исследования и их обсуждение

Проблематика адаптации имеет глобальное значение, так как человеческая жизнедеятельность без знания теоретических и практических основ конструкта адаптации (целостная отдельная сущность мира) немыслима. В процессе специального развития человек сталкивается с постоянно изменяющимися обстоятельствами. Это требует выработки все новых и новых способов поведения, приходится отказываться от сложившихся понятий, ломать старые установки и приобретать новые. Иными словами, возникает потребность в приспособлении, так как «привычное обычное поведение невозможно или малоэффективно» (И. А. Милославова). Интенсификация перемен и постоянное усложнение окружающей среды выдвигают на первый план способность человека к адаптации (адаптационные способности). Естественно, проблема адаптации человека к новым условиям вызывает неизменный интерес у исследователей в различных областях науки.

Термин «адаптация» возник в биологической науке в середине XIX века для обозначения приспособления живого организма (в том числе человеческого) к условиям существования. Этот термин стал употребляться в медицинской литературе, обозначать изменение чувствительности анализаторов под влиянием приспособления органов чувств к действующим раздражителям. В медицине есть понятие «общий адаптационный синдром» – генерализованное усилие организма приспособиться к новым условиям. Автором этого понятия является канадский биолог и врач Г. Селье (1907–1982). Он утверждал, что способность к приспособлению является, вероятно, наиболее отличительной чертой жизни, возможно, что существует даже определенный параллелизм между жизненностью и способностью к адаптации у каждого животного, у каждого человека [4, с. 39]. Как утверждает медицина, в зависимости от обстоятельств адаптационный синдром может быть или полезным, или вредным для организма.

Медицина, биология, физиология давно и особенно широко используют понятие «адаптация», для них оно имеет вполне определенный смысл. В психологической ли-

тературе термин «адаптация» применяется для обозначения всякого приспособления живого организма к условиям существования. Адаптация обеспечивает равновесие между воздействием организма на среду и обратным воздействием среды или, что одно и то же, равновесие во взаимодействиях субъекта и объекта [5, с. 66–67].

Таким образом, в арсенал различных наук категория «адаптация» вошла как инструмент познания процессов взаимодействия организма и окружающих его условий (среды). Каждая наука, используя понятие «адаптация» применительно к своим проблемам, наполняет его определенным содержанием. В зависимости от аспекта изучения процесса взаимодействия организма и среды понятие «адаптация» выражает различные стороны механизма приспособления.

Термин «адаптация» все более широко применяется при изучении социальных, психолого-педагогических процессов. Адаптация для каждого человека начинается с адаптивной ситуации, которая характеризуется переходом личности из одной социальной среды в другую, чем-либо для нее новую. Адаптивные ситуации возникают на протяжении всей человеческой жизни, в самых различных сферах: поступление в образовательную организацию, начало трудового пути, перемена места жительства, служба в армии, лишение свободы за совершенное преступление и т. п. Ярким примером является пребывание осужденного в исправительном учреждении. В новых условиях начинается адаптивный процесс. Рассмотрим его содержание и влияние на исправление личности подробно.

Осужденный, переживая сложную адаптивную ситуацию, начинает испытывать адаптивную потребность изменить свое поведение, представления, привычки в связи с новыми условиями его жизнедеятельности. Начинается этот процесс с периода нахождения осужденного в карантине исправительного учреждения и продолжается до освобождения от наказания, а далее (постпенитенциарный период) начинается процесс реадaptации и ресоциализации (повторные процессы адаптации и социализации). Таким образом, необходимо изучение личности и составление психолого-педагогической характеристики осужденного, по которой прослеживается динамика процесса адаптации к условиям отбывания наказания и результативность влияния его на исправление осужденного.

За основу исследования была взята концепция Н. А. Стручкова и В. Ф. Пирожкова о социальной адаптации осужденных к условиям отбывания наказания в исправительно-трудовой колонии [6]. Принимая во внимание многоплановость явления социальной адаптации осужденных, конкретизируя названную концепцию, можно выделить ее психолого-педагогический аспект – позитивная адаптация осужденных как условие их исправления.

Результаты исследования позволили:

- 1) выявить следующие виды адаптации: позитивную, когда осужденный всесторонне и глубоко адаптируется к положительным условиям среды; негативную (антисоциальную), когда осужденный свыкается с условиями лишения свободы и считает их обычными; псевдоадаптацию, когда осужденный знает, как вести себя, но внутренне в своем сознании не признает этого, отвергает систему ценностей данной среды, придерживаясь своей прежней позиции; дезадаптацию, когда осужденный не адаптируется к условиям отбывания наказания;

- 2) сделать вывод о том, что некоторые осужденные после освобождения совершают новые преступления не только потому, что они не исправились, но и потому, что исправившийся осужденный не сумел с самого начала жизни на свободе реадaptироваться к новым условиям. Это другая, не менее важная проблема [7];

3) проверить на практике: утверждение зарубежных ученых о том, что выделяют два социально-психологических типа адаптации: а) конформный, приспособляющийся тип, или аутопластический, – *autoplastike* (*autos* – сам, *plastike* – пластика); б) неконформный, приспособляемый тип, или аллопластический, – *alloplastike* (*allo* – другой, *plastike* – пластика); утверждение отечественного психолога В. И. Селиванова о выделении четырех форм социально-психологической адаптации: а) пассивная позиция внешней согласованности своих действий с другими; б) активная позиция, когда личность стремится понять людей и завоевать доверие коллектива, чтобы затем, в соответствии со своими устремлениями, влиять на других; в) осторожная установка на «изучение» людей и обстановки; г) простое приспособление, заискивание перед более сильными с целью добиться их покровительства [8]. Учитывая степень интенсивности и эмоциональности протекания процесса адаптации, можно отметить, что типология может быть и несколько иной. Об этом свидетельствуют исследования Е. А. Климова [9], Б. М. Теплова [10], Т. Шибутани [11] и др. Исходя из этого именно названные выше конкретные типы (виды) и формы социально-психологической адаптации присущи осужденным, на что было обращено внимание практических работников при обсуждении результатов исследования;

4) на заседании фокус-группы, в состав которой входили психологи и адьюнкты, выявить спектр мнений по содержанию термина «адаптация осужденных к условиям отбывания наказания». Многие практические работники, да и подчас некоторые ученые, возражают против самого термина «адаптация» на том основании, что он будто бы означает пассивные приспособления человека к определенным условиям среды, что сам термин «приспособление» неуместен, так как он якобы выражает пассивное «подлаживание» человека к той или иной среде, а не активный процесс воздействия на различные факторы окружающей среды. С этим возражением нельзя полностью согласиться, хотя буквальный перевод слова «адаптация» (от лат. *adapto* – приспособляю) – приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды. Однако сущность самого процесса адаптации не сводится к простому приспособлению (подлаживанию).

В задачу статьи входит анализ процесса психолого-педагогического аспекта адаптации к условиям отбывания наказаний. Этот процесс, рассматриваемый на уровне социальных систем, не может быть отождествлен с простым приспособлением, поскольку последнее связано с активностью со стороны осужденного. Более того, это сложный противоречивый процесс. Исследование доказало гипотезу о том, что если осужденный интенсивно и сознательно адаптируется, то фактически он сам участвует в процессе своего исправления, становится помощником сотрудника-воспитателя в этом деле. Адаптация осужденных – целостное изменение личности, возникающее в процессе уравнивания отношений между осужденным и новой средой (жизнь в условиях полного или частичного лишения свободы). Сознание при этом является регулятором и выполняет доминирующую роль в перцептивно-рефлексивном адаптационном процессе;

5) установить, что адаптивная потребность проявляется в сложной объектно-субъектной форме, то есть в форме приспособления и приспособливания [12]. Взяв за основу результаты исследования И. А. Милославовой, мы представили психолого-педагогические механизмы проявления адаптивной потребности осужденных в следующих формах: объектной – приспособление осужденного к условиям отбывания наказания в результате воздействия на него сотрудников – воспитателей, начиная с карантинного отделения; субъектной – приспособливание осужденных к условиям отбывания наказания в результате воздействия на него воспитательных мероприятий; промежуточной –

приспособление с элементами приспособабливания и приспособабливание с элементами приспособления. Механизмы первой формы – конформные реакции, подражание; второй – заражение, внушение, убеждение; промежуточной – те же, что и для первых двух. Такой подход к структурированию адаптивной потребности осужденного как способ разрешения адаптивной ситуации является условным, с целью наблюдения и анализа. С позиции физиологии это утверждение означает перестройку внутреннего динамического стереотипа. И. П. Павлов доказал, что условия жизни, среда есть внешний стереотип, который создает систему постоянно действующих, повторяющихся однообразных раздражителей, формирующих в коре головного мозга человека устойчивый внутренний стереотип. По мнению И. П. Павлова, динамический стереотип не может быть постоянным и неизменным, потому что составляющие его нервные связи носят временный характер [13]. Таким образом, чем существеннее отличается один внешний стереотип от другого, то есть одни условия жизни, в которых находится человек, от других, в которые он попадает, тем сильнее должен измениться и внутренний стереотип, должны ломаться старые привычки и заменяться новыми. В силу этого широта, глубина, объем, темп адаптации у каждого осужденного разные;

б) сделать вывод о том, что, если обстановка значительно отличается от прежнего образа жизни человека и если новые требования противоречат сложившимся временным нервным связям, вступают в действие, по выражению И. П. Павлова, законы исправления, то есть корригирования или отмены старых качеств. Смена образа жизни видоизменяет склонности, стремления, потребности, способствует подавлению отрицательных привычек. Человек вступает в полосу наивысшей психологической напряженности и кризисных ситуаций, в период «нарушения старого динамического стереотипа и трудностей установки нового» (И. П. Павлов).

«Перепад» (разница) объективных условий, требований, трудностей, происходящий при смене условий жизни на свободе на условия лишения свободы, вызывает необходимость и в психологических перестройках. Они не совершаются мгновенно и без всяких последствий и особенно сильно сказываются в первые шесть месяцев жизни в колонии (новая адаптивная ситуация). Этот начальный период адаптации «можно характеризовать как ориентировочную реакцию на новую обстановку» [14]. При обсуждении результатов исследования было отмечено: важно не пропустить этот ответственный период первой стадии развития адаптации и педагогически целесообразно использовать его, так как в это время осужденный в новых условиях мобилизует силы, набирается уверенности и готовности изменить свой нравственный облик, самоутвердиться. В силу этого от сотрудников-воспитателей требуется глубокий анализ, педагогический такт в разрешении адаптивной ситуации, помощь осужденным в преодолении внутренних конфликтов, возникающих у них при ломке и коррекции старого динамического стереотипа.

Когда осужденный начинает активно участвовать в общественной жизни отряда, колонии, трудиться, учиться, заниматься спортом, происходит некоторая перестройка психологической деятельности, как бы сбалансирование ее с новыми объективными требованиями. Начинается вторая стадия – неустойчивого приспособления, или пред-адаптационная. Если осужденный хорошо усвоил задачи, условия, правила внутреннего распорядка дня исправительного учреждения, не утратил трудовые, учебные, познавательные, социальные навыки, то происходит активизация выработанных ранее связей и структур, и тогда адаптация личности протекает сравнительно легко. В противном случае осужденному приходится что-то ломать в себе, переделывать, экстренно

«вырабатывать» новые связи, знания, умения, навыки, качества, а это для него новые препятствия и немалые, как следствие, процесс адаптации затрудняется.

Посредством наблюдения в процессе исследования установлено: 1) индивидуальная величина перехода от жизни на свободе к жизни в условиях отбывания наказания для каждого осужденного зависит от состояния морально-психологической и практической готовности, в котором он находится; 2) чем выше уровень готовности, чем выше предел возможностей осужденного, тем меньше сказываются на его жизнестойкости трудности перцептивного и рефлексивно-адаптационного процессов, тем решительнее, активнее и успешнее чувствует себя осужденный в новых условиях; 3) осужденный стремится встать на путь исправления.

Таким образом, выделение стадий (этапов) адаптации осужденных к условиям отбывания наказаний имеет большое значение при разработке организационно-педагогических мер, направленных на повышение степени адаптированности и исправленности осужденного, что обуславливается особенностями его объективно-субъективных качеств. Адаптацию, а именно психолого-педагогическую ее составляющую, как процесс принято оценивать по следующим признакам:

1) диапазон адаптации – установление взаимоотношений, отвечающих требованиям закона и морали, с осужденными и персоналом. Узкий диапазон взаимоотношения с членами референтной группы, бригады, звена, спортивной секции, кружка и др. Широкий диапазон – взаимоотношения в отряде, школе, клубе, библиотеке, профессиональном училище и др., причем осужденный в любом случае адаптируется к одним влияниям и не адаптируется к другим;

2) направленность адаптации – то, к чему стремится осужденный. Она может быть положительной (полезной) и вредной. Например, осужденный-учащийся адаптируется к одному учителю (прилежно занимается математикой, потому что нравится учитель) и не адаптируется к другому;

3) переключаемость адаптации – способность осужденного переадаптироваться к различным видам труда;

4) темп адаптации – скорость перехода осужденного от одной стадии адаптации к другой;

5) период адаптации – время, которое требуется осужденному для вживания в новые условия жизнедеятельности;

6) устойчивость адаптации достигается в результате формирования и воспитания (самовоспитания) морально-психологических качеств, ценностных личностных установок, развития чувства стыда, совести и др., а самое главное – способности реадаптации и ресоциализации в постпенитенциарный период.

Выводы

1. Проведенное исследование убеждает в том, что адаптация осужденных к условиям отбывания наказания является процессом скорее всего свободно-сознательно обусловленным и определенным образом внутренне мотивированным (человек не может достаточно хорошо отождествиться с кем-то или с чем-то против своей воли), в то время как просто приспособиться к чему-то можно только под определенным натиском или при неизбежности. Осужденный адаптируется в большинстве случаев активно (творческая адаптация), иными словами, процесс называется приспособливанием, а формируемые при этом взаимовлияемые качества личности называются адаптированностью и исправленностью. В то же время простое приспособление может происходить и пассивно (пассивная адаптация), человек может быть приспособлен под нажимом.

2. Рассматривая только одну сторону процесса адаптации – неизбежность приспособляться под определенным нажимом, конечно, нельзя выйти из рамок биологической адаптации, и тогда понятие «адаптация» невозможно успешно использовать для анализа общественных систем. Наряду с объективными законами, действующими, по образному выражению К. Маркса, с «железной необходимостью» [15, с. 6], на процесс адаптации осужденных к условиям отбывания наказания существенное влияние оказывает субъективный фактор. Процесс адаптации будет тем успешнее, чем полнее и глубже он познан субъектом, то есть в конечном итоге этот процесс является сознательным и даже регулируемым.

3. Учитывая результаты данного исследования и достижения других ученых по проблемам ресоциализации и социальной адаптации осужденных [16], отметим, что отбывание наказания связано с рядом негативных факторов, которые затрудняют реадaptацию и ресоциализацию в постпенитенциарный период. Это обусловлено усвоением элементов криминальной субкультуры, ослаблением общественно полезных связей, неумением принимать правильные решения в различных жизненных ситуациях, настроенным отношением со стороны окружающих. В силу этого они сложнее включаются в процесс социальной адаптации, медленнее преодолевают инерцию преступной деятельности. Принятие предлагаемой публикации и конструктивное использование положительной практики способствуют успешной подготовке осужденных к освобождению.

4. Категория «адаптация» является всенаучной, но при этом фактически всегда находится вне поля того или иного исследования. Это часто приводит к произвольному толкованию ее смысла. Потребности психологической и педагогической наук, а также практики диктуют необходимость научного переосмысления понятия адаптации и тесно связанных с ним понятий «социализация», «реадаптация», «ресоциализация», «дезадаптация».

Не уяснив сущности названных категорий, нельзя выработать эффективные методические и практические рекомендации, направленные на решение задач, поставленных перед уголовно-исполнительной системой.

Библиографический список

1. Белонавский С. А. Метод фокус-групп : учеб. пособие. М. : Магистр, 2001. 272 с.
2. Мельникова О. Т. Фокус-группы: методы, методология, моделирование : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 2007. 320 с.
3. Тюгаева Н. А. Методы обучения и психолого-педагогической технологии: сущность, тенденции развития // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 3. С. 366–379.
4. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М. : Медгиз, 1960. 254 с.
5. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М. : Просвещение, 1969. 659 с.
6. Стручков Н. А., Пирожков В. Ф. Социальная адаптация осужденных // К новой жизни. 1970. № 3.
7. Шмаров И. В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М. : Юрид. лит. 1974. 136 с.
8. Селиванов В. И. Взаимоотношение в малых группах и волевая активность личности // Материалы III Всесоюзного съезда общества психологов. М., 1968. Т. 3. Вып. 1.
9. Климов Е. А. Типологические различия в адаптации к экстремальным условиям диагностического эксперимента // Ученые записки Пермского пединститута. 1967. Т. 48. Вып. 4.

10. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 536 с.
11. Шибутани Т. Социальная психология. М. : Прогресс, 1969. 534 с.
12. Милославова И. А. Адаптивная ситуация и адаптивная потребность в сфере «личность – социальная среда» : материалы I Всесоюз. конф. Тбилиси, 1974.
13. Павлов И. П. Полное собрание сочинений : в 6 т. 2-е изд. М. ; Л. : АН СССР, 1951. Т. 2.
14. Мягченков С. В. Проблемы перевоспитания работающей молодежи с отклонениями в нравственном развитии : дис. ... канд. пед. наук. М., 1973.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 23.
16. Минстер М. В. Некоторые условия, способствующие совершению рецидива преступлений лиц женского пола // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4), № 3. С. 343–351.

УДК 159.9:343.815

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.549-556

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА СКРИПКИНА,

доктор психологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация;
профессор Государственного университета управления,

г. Москва, Российская Федерация,

ORCID 0000-0002-3605-847X,

e-mail: skripkinaurao@mail.ru;

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА МАЗЕИНА,

кандидат психологических наук,
начальник факультета правоохранительной деятельности,
Кузбасский институт ФСИН России,

e-mail: olly1309@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ОСУЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА

Для цитирования

Скрипкина, Т. П. Особенности проведения психологической коррекции осужденных несовершеннолетнего возраста / Т. П. Скрипкина, О. Н. Мазеина // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 549–556. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.549-556.

Аннотация. Народная мудрость гласит: «Если думаешь о завтрашнем дне – сей зерно, если на 10 лет вперед – сажай лес, если же на 100 лет – воспитывай детей». Воспитание детей всегда было сложным процессом, всегда в реализации педагогических идей возникали проблемы, связанные с объективными трудностями воспитания как педагогического процесса. На современном этапе развития общества происходит смена ценностных ориентаций, дети из-за новых увлечений испытывают отчуждение от ближайшего окружения, что усиливает социальное одиночество. Ранее известные модели воспитания оказываются неэффективными, поэтому растет детская преступность. Кроме того, жизнь подростков до совершения преступления в большинстве случаев протекала в условиях психоэмоционального напряжения, стресса, последствием которого стали различные формы девиаций, приведших к совершению преступлений. В связи с этим данная категория преступников нуждается в оказании адекватной (согласно возрасту, жизненной ситуации, моделям поведения, криминальному опыту и др.) психологической помощи, проведении индивидуальных психокоррекционных мероприятий, повышении результативности исправительного воздействия. В статье рассма-

© Скрипкина Т. П., Мазеина О. Н., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

триваются понятия «психологическая коррекция», «психологическая коррекция осужденных» в интерпретациях различных ученых. Акцентируется внимание на уровнях проведения психокоррекционного процесса с учетом достижения одной из целей уголовно-исполнительной политики – создание условий для исправления осужденных. При проведении психологических коррекционных мероприятий с лицами несовершеннолетнего возраста специалистам-психологам необходимо учитывать разнообразные взаимосвязанные и взаимообусловленные факторы девиации осужденных несовершеннолетнего возраста, а также внешние и внутренние условия и проблемы формирования и развития личности до осуждения и имеющиеся внешние и внутренние ресурсы для последующей реабилитации. Определяются задачи проведения психокоррекционных мероприятий, классифицируются данные мероприятия, рассматриваются различные подходы к их проведению, обозначаются стратегии их осуществления.

Ключевые слова: коррекция, психокоррекция, психологическая коррекция, психологическое вмешательство, психокоррекционное воздействие, психокоррекционные мероприятия, психокоррекционная работа, психокоррекционный процесс, психокоррекционные технологии, психокоррекционные программы.

Проведение в отношении несовершеннолетних осужденных мероприятий психокоррекционного воздействия – одна из важнейших задач настоящего времени. Программы, направленные на изменение и развитие личности, позволяют преступникам сформировать новые качества личности, освоить правила и нормы поведения в обществе, разрешить внутриличностные и межличностные конфликты. Отечественные психологи и педагоги на протяжении многих десятилетий проводят исследования по проблемам подростковой преступности. Этому посвящены работы Ю. М. Антоняна, С. А. Беличевой, В. М. Бехтерева, А. Д. Глоточкина, П. В. Голодова, И. В. Дубровиной, К. Е. Игошева, Д. Д. Исаева, Д. Н. Исаева, А. Г. Ковалева, И. С. Кона, В. Т. Кондратенко, А. Е. Личко, Г. М. Миньковского, И. А. Невского, О. Б. Пановой, В. Ф. Пирожкова, К. К. Платонова, Г. М. Потанина, А. М. Рудакова, Д. И. Фельдштейна и др. Ученые отмечают, что девиантное поведение лиц, не достигших зрелости, имеет глубинные истоки, и для того, чтобы грамотно подобрать формы, методы и приемы работы по профилактике негативных проявлений, необходимо осуществлять системный подход к выявлению причин и условий, оказывающих влияние на формирование личности, определять их взаимосвязь; проводить анализ обстоятельств благоприятного и неблагоприятного социального развития личности в период ее формирования, используя при этом достижения различных отраслей психологии.

Понятие «коррекция» (с лат. *correctio* – поправка) означает частичное изменение. Отечественные ученые для обозначения каких-либо форм и методов работы по исправлению особенностей психического развития используют термин «психологическая коррекция», зарубежные – «психологическое вмешательство». Б. Д. Карвасарский психологическую коррекцию определяет в виде психокоррекционной работы с целью оказания психологического влияния на определенные психологические структуры личности для обеспечения ее полноценного развития и дальнейшего функционирования [9]. Ю. Д. Злобин считает, что такое воздействие необходимо для выявления и ликвидации источников, оказавших негативное воздействие на индивида в период его форми-

рования и развития, а также предоставления ему возможности раскрыть собственные внутренние ресурсы [6].

По мнению А. С. Спиваковской, наиболее значимым в проведении психокоррекционных мероприятий является создание индивидуальных условий и индивидуального подхода к развитию психологических качеств личности [10]. Р. С. Немов под психологической коррекцией понимает одновременное применение различных психологических приемов с целью устранения у личности поведенческих проблем [7].

Т. Ю. Артюхова определяет психологическую коррекцию в виде психолого-педагогического процесса по изменению тех особенностей психического развития личности, которые не соответствуют норме (ориентир) определенного этапа возрастного развития человека, а также проведению реабилитационной и коррекционной работы, направленной на профилактику и преодоление дальнейших отклонений в психическом развитии личности [1].

В пенитенциарной психологии вопросам психологической коррекции личности преступников несовершеннолетнего возраста уделялось внимание в трудах Ф. И. Ушкова, А. В. Новикова, М. Г. Дебольского, А. В. Кокурина, Б. В. Александрова, О. Г. Ананьева, Д. А. Дворецкого, Е. А. Дядченко, Е. В. Ильичевой, В. Н. Казанцева, О. М. Климовой, Н. Е. Колесниковой, С. Ю. Ковтуна, О. А. Шиманской, С. Д. Хачатуряна, Д. Е. Дикопольцева, О. В. Тетеухиной, И. И. Краснянской, Е. В. Крюковой, А. Н. Ломакиной, О. Е. Макаркиной, В. Е. Матвеевко, Е. А. Рассказчиковой, В. В. Чугаевой и др. Ф. И. Ушков в психологической коррекции осужденных видит целенаправленное воздействие на мысли, чувства, установки, ценностные ориентации преступников, формирование и развитие у них коммуникативных способностей, навыков межличностного взаимодействия, устойчивости к неблагоприятным стресс-факторам [11].

По мнению А. В. Новикова, психокоррекция осужденных представляет собой психокоррекционное воздействие, направленное на когнитивные уровни имеющихся у осужденных лиц психологических проблем [8]. М. Г. Дебольский и А. В. Кокурин в понятии «психокоррекция осужденных» видят процесс восстановления психического здоровья личности, направленный на исправление ее криминально значимых свойств, развитие социальных умений и профессиональных способностей [4].

Обобщая указанные понятия, можно прийти к выводу о том, что психологическая коррекция осужденных – это психолого-педагогический процесс, осуществляемый путем психологического воздействия на психику осужденного, его личностные качества, ценностные ориентации, мировоззрение, чувства, мысли; использования психотехнологий (совокупность специальных способов, методов, приемов и техник взаимодействия субъектов деятельности) с целью исправления личности, развития его индивидуальности, активизации и реализации внутреннего потенциала, оптимизации складывающихся взаимоотношений.

Психокоррекционные технологии являются частью психокоррекционного процесса, результатом которого должно стать общее благополучное развитие человека. Грамотно подобранные психотехнологии способны оказать положительное влияние не только на развитие личности отдельных осужденных, но и на психологическую обстановку в исправительном учреждении.

Психокоррекционный процесс в уголовно-исполнительной системе направлен на достижение одной из целей уголовно-исполнительной политики – создание условий для исправления осужденных и осуществляется на трех уровнях.

1. Коррекционный – исследование причин отклонений и нарушений развития психики осужденного, оказание содействия в преодолении дальнейших (возможных) трудностей и проблем.

2. Профилактический – предупреждение аномалий в развитии психики осужденного.

3. Развивающий – стимулирование и обогащение содержания дальнейшего развития психики осужденного.

Психокоррекционная работа с несовершеннолетними осужденными представляет собой сложный, целенаправленный процесс перестройки, ломки уже сложившихся стереотипов отношения к жизни и поведения, требующий от специалистов, осуществляющих психологическое сопровождение, не только базовых психологических знаний, но и специальных профессиональных компетенций в области проведения психокоррекционных мероприятий.

По мнению О. А. Шиманской и О. М. Климовой, при проведении психологических коррекционных мероприятий с лицами несовершеннолетнего возраста специалистам-психологам необходимо учитывать разнообразные взаимосвязанные и взаимообусловленные факторы девиации осужденных [12]:

– индивидуальный фактор (биологические предпосылки делинквентного поведения – отягощенная наследственность, дефекты внутриутробного развития, врожденные аномалии и др.);

– психолого-педагогический фактор (дефекты внутри семейного воспитания, социошколярный синдром): отсутствие авторитета членов семьи, школы, общественных организаций; сложные отношения с родителями; грубые ошибки в воспитании детей (воспитание на окрике, эмоциональной грубости; проявление деспотизма и угнетения всех членов семьи, воспитание в ежовых рукавицах; воспитание по типу «золушка»; потакание прихотям, капризам ребенка; игнорирование отрицательных привычек и примитивных влечений; гиперопека – гипоопека ребенка и т. д.);

– социально-психологический фактор (особенности взаимодействия со своим ближайшим окружением: семья, сверстники, друзья и др.): проявление жестокости к окружающим людям; обесценивание жизни окружающих и своей; склонность попадать под воздействие ровесников; совершение уголовных преступлений, в том числе совместно со взрослыми преступниками либо под их непосредственным влиянием;

– личностный фактор (ценностные ориентации подростка, способности к саморегуляции своего поведения, личное отношение к окружению, его нормам и ценностям): ранняя алкоголизация / наркотизация подростков; искажение ценностных ориентиров, протестные и (или) асоциальные тенденции; беспризорность; стремление к удовольствиям;

– социально-экономический фактор (условия проживания в семье, финансовое благополучие семьи, нехватка карманных денег и др.).

С. В. Бабурин, рассматривая природу девиации обучающейся молодежи, описывает психологические механизмы, способствующие асоциальному поведению подрастающего поколения: конвенциональный механизм, как следствие аддиктивной социализации личности; диссоциальный механизм приводит к аффективному поведению и диссоциальным расстройствам и интегрирующий механизм провоцирует развитие латентных психических аномалий развития личности [2].

Ученые, изучая причины и условия подростковой преступности, приходят к выводам о том, что большинство несовершеннолетних осужденных до осуждения были знакомы с элементами тюремной субкультуры. Часть их них почерпнули знания из социальных сетей, телевидения. Однако значительная часть преступников имеют ранний криминаль-

ный опыт – это выходцы из неблагополучных семей, имеющих низкий уровень дохода (воровство, грабеж, разбой – единственно доступные способы для существования). Однако значительная часть несовершеннолетних, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, проживали в достаточно комфортных условиях и не имели криминальной отягощенности. Нельзя упускать из виду, что делинквентное поведение несовершеннолетних преступников обусловлено как влиянием факторов внешней среды (особенно внешнего окружения), так и индивидуальными особенностями личности, которые побуждают их на индивидуальное реагирование в случаях возникновения проблем [5]. Это еще раз подтверждает необходимость проведения психокоррекционных мероприятий с несовершеннолетними преступниками с учетом условий и проблем формирования и развития личности до осуждения (внутренние: дефицит интеллектуального и личностного развития; психические расстройства; внутриличностные конфликты; асоциальные установки и внешние; приведшие к деликту: проблемы семьи (ее социальный статус и экономическое положение); окружение сверстников с асоциальной направленностью и др.), а также имеющихся ресурсов для последующей реабилитации (внутренние, способствующие позитивному личностному росту: интеллектуальные возможности, имеющиеся умения и навыки, содержание интересов, увлечений, потребностей, отношения и привязанности; внешние: определение социально-позитивно ориентированного общества из окружения осужденных, отдельных лиц, способных оказать поддержку).

Известные методы и приемы психологической коррекции скоординированы с решением проблем личности, поэтому при проведении психокоррекционных мероприятий целесообразно рассматривать различные формы, методы и приемы, способные оказать эффективное корректирующее воздействие на личность. Цель психокоррекции несовершеннолетних преступников – содействие индивидуальному развитию подростков с учетом их личностных особенностей, положительных качеств личности, раскрытие скрытых (подавляемых) возможностей. Все проводимые с несовершеннолетними осужденными психологические коррекционные мероприятия нацелены на решение следующих основных задач.

1. Формирование адекватной самооценки (анализируются обстоятельства и условия жизни, содержание труда, учебы, отношения с семьей, лицами, мнение которых значимо для несовершеннолетнего).

2. Обучение саморегуляции и самоконтролю (освоение различных навыков самоконтроля, позитивно снижающих напряжение, нейтрализации агрессивности, обучение методам аутогенной тренировки, мышечной релаксации и дыхательной гимнастики).

3. Формирование положительной концепции окружающего мира, построение адекватной и приемлемой картины будущего (проведение мероприятий, направленных на развитие личности, целеполагание, формирование навыка поиска положительного в явлениях, оцениваемых подростком как негативных, построения адекватных планов на будущее и стратегии их реализации).

4. Обучение адекватному социальному взаимодействию (установление позитивных социальных контактов, поиск своего места в социуме, формирование и развитие навыков эффективного общения и конструктивного взаимодействия).

5. Формирование положительного отношения к себе, другим, обучение рефлексии (формирование навыков коммуникативной грамотности, бесконфликтного общения, взаимоуважения, адекватного восприятия окружающих, развития ощущений, прогнозирования поведения).

Психокоррекционные мероприятия можно представить в виде следующей классификации:

- по характеру направленности – симптоматические и каузальные;
- содержанию работы – определение конкретной области для коррекционного воздействия;
- форме работы – индивидуальные; групповые (открытая и закрытая группы); смешанные (индивидуально-групповые);
- наличию специальных программ – программа в наличии либо психокоррекционное мероприятие проводится экспромтом;
- характеру управления корригирующими воздействиями – авторитарные; лояльные;
- продолжительности – сверхкороткие (период длительности – от нескольких минут до нескольких часов, результат неустойчивый, применяется для решения острой проблемы); короткие (длительность проведения – от нескольких часов до нескольких дней, проводится для решения актуальной проблемы); длительные (от нескольких месяцев до года, направлены на разрешение имеющихся личностных проблем; имеют стойкий результат); сверхдлительные (продолжительность – от одного года и более, оказывают влияние на бессознательный уровень психики, имеют стойкий, длительный результат);
- характеру решаемых задач – общие (мероприятия общего психокоррекционного порядка); частные (психокоррекционное воздействие оказывается с учетом особенностей возраста подростка, актуальных для возраста проблем); специальные (психокоррекционные мероприятия проводятся с учетом индивидуальных личностных проблем подростка, связанных с особенностями воспитания, социализации, индивидуально-психологических характеристик).

При проведении психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными целесообразно осуществлять следующие подходы.

1. Социально-педагогический подход: выявление индивидуальных факторов формирования криминального поведения: составление полной характеристики личности; получение образования: формирование и развитие жизненных навыков; обучение общественно одобряемому поведению; духовно-нравственное, патриотическое, правовое, трудовое, физическое, санитарно-гигиеническое, эстетическое воспитание.

2. Психологический подход: диагностика психологических параметров личности; составление психологической характеристики; формирование и развитие коммуникативных навыков; обучение противостоянию групповому давлению, бесконфликтному поведению; оказание помощи в осознании своих желаний, мотивов поведения, актуальных потребностей, поиск адекватных способов их удовлетворения.

3. Социальный подход: восстановление социально значимых связей, формирование и развитие социальных навыков, подготовка к освобождению, взаимодействие с общественными организациями.

4. Реабилитационный подход: психокоррекция личности, восстановление психического и общего здоровья.

В местах лишения свободы лица несовершеннолетнего возраста отбывают наказания за совершение тяжких преступлений. А. А. Григорьева отмечает, что по сравнению с преступлениями, совершаемыми взрослыми, преступления, совершаемые на этапе взросления, отличаются непредсказуемостью, изоцирностью и жестокостью. Порой преступные деяния сопровождаются глумлением, издевательствами над потерпевшим, нередко преступники используют фото- и видеосъемку, что еще в большей степени подстегивает их к истязанию [3]. Это указывает на серьезные проблемы в психике, ха-

рактере подростков, моделях и сценариях их поведения. В силу этого для проведения психокоррекционной работы необходимо учитывать различные сферы личности несовершеннолетних как мишени для психолого-педагогического воздействия.

При проведении психокоррекционных мероприятий целесообразно применять методы психологической коррекции несовершеннолетних осужденных, направленные на решение их личностных проблем, способные оказывать эффективное корригирующее воздействие на личность преступников. Предлагаем в качестве психокоррекционного воздействия применять следующие подходы:

- телесно-ориентированная психологическая коррекция личности;
- психологическая коррекция по развитию продуктивной ориентации характера (Э. Фромм);
- экзистенциальный гештальт-терапевтический подход (Ф. С. Перлз);
- клиентцентрированный подход (К. Р. Роджерс);
- нейролингвистическое программирование.

Психокоррекционные программы несовершеннолетних осужденных могут базироваться на различных стратегиях:

- обучение жизненным навыкам: асертивности (настойчивости, уверенности в себе, напористости), общения, эмоциональной саморегуляции, принятия решений, преодоления проблем (цель – повышение личностной и социальной индивидуальной компетентности; устойчивости к негативным социальным влияниям);
- коррекция мотивационной сферы посредством самокоррекции и саморазвития;
- коррекция моральных принципов через понимание аномальности и недопустимости аморального и антиобщественного образа жизни (наиболее успешно реализуют представители традиционных религиозных конфессий, общественных организаций и молодежных движений);
- коррекция фактических знаний: предоставление объективной информации, разбор реальных фактов и их последствий с целью предоставления возможности делать самостоятельный общественно полезный ответственный выбор;
- оказание социальной поддержки: принятие несовершеннолетним себя как члена социальной сети, ощущающего на себе любовь, заботу и имеющего взаимные обязательства (в результате – смягчение влияния стрессогенов; облегчение пенитенциарной и постпенитенциарной адаптации; легкость в преодолении повседневных жизненных трудностей; сохранение физического и психического здоровья; стимулирование инициативы; способствование психологическому и личностному благополучию, социальному и духовно-нравственному развитию; формирование позитивной мотивации, адекватной самооценки).
- формирование копинг-поведения (от англ. *coping* – преодоление стресса, совладание с ним): поддержание и сохранение баланса между требованиями окружающей действительности и собственными ресурсами; развитие эмпатии, социальной компетентности;
- пропаганда здорового образа жизни;
- стратегия эмоциональной стабильности: обучение навыкам регулирования эмоционального состояния;
- стратегия альтернативной деятельности: формирование и развитие активной жизненной позиции; удовлетворение актуальных потребностей посредством общественной и социальной активности (в итоге: адекватная самооценка, уважение себя, контроль поведения, рефлексия, умение эффективно действовать в определенных условиях).

Несмотря на значительный опыт проведения психокоррекционной работы с несовершеннолетними преступниками, специалисты-психологи нуждаются в разработке новых методик и психокоррекционных программ, способствующих изменению личности подростков, снижению рецидивной преступности, перестройке сложившихся систем поведения и отношения к жизни. Для этого необходимо адекватно подбирать психотехнологии для возможности индивидуального подхода к коррекции личности.

Библиографический список

1. Артюхова Т. Ю., Шелкунова Т. В. Психокоррекция и психотерапия : учеб. пособие. Красноярск : Изд-во Сиб. федер. ун-та, 2019. 170 с.
2. Бабурин С. В. Особенности природы девиантного поведения обучающейся молодежи // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2(39). С. 69–72.
3. Григорьева А. А., Афолина Ю. С., Кабанова Т. Н. Криминализация несовершеннолетних как проблема современного общества (психологические, социально-психологические и клиничко-психопатологические факторы) // Прикладная юридическая психология. 2018. № 4(45). С. 49–59.
4. Дебольский М. Г., Кокурин А. В. Современное состояние и основные направления совершенствования психокоррекционной работы с осужденными // Психокоррекционные технологии в работе пенитенциарных психологов : сб. материалов психологов уголовно-исполнительной системы. М. : ОПС ГУИН Минюста России, НИИ УИС, МПЛ ГУИН Минюста России по Приморскому краю, 2005.
5. Дегтярева О. Л. Влияние микросоциума на формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2(39). С. 95–101.
6. Злобин Ю. Д. Психологическая коррекция личности: задачи, подходы, приемы : учеб. пособие : в 2 ч. Челябинск : ЮУрГУ, 2005. Ч. 2. 35 с.
7. Немов Р. С. Психология : учебник : в 3 кн. 4-е изд. М. : Владос, 2001. Кн. 3. 640 с.
8. Новиков А. В., Слабая Д. Н. Психокоррекционная работа с осужденными, проявляющими агрессивные-деструктивные формы поведения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 1А. С. 146–152.
9. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2006. 944 с.
10. Спиваковская А. С. Психотерапия: игра, детство, семья. М. : Апрель Пресс ; ЭКСМО-Пресс, 2000. 464 с.
11. Технологии социально-психологического сопровождения несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества : науч.-практ. пособие / Ф. И. Ушков [и др.] ; под общ. ред. Н. Е. Колесниковой. Псков : Псков. фил. Академии ФСИН России, 2017. 121 с.
12. Шиманская О. А., Климова О. М. Психология несовершеннолетних правонарушителей : учеб. пособие. Новокузнецк : Изд-во Кузбас. ин-та ФСИН России, 2012. 68 с.

УДК 343.815:343.824

DOI 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.557-565

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ,

кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru;

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ РОМАНОВ,

доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: a.a.romanov54@gmail.com

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Кузнецов, М. И. Психолого-педагогические условия эффективности общеобразовательного обучения несовершеннолетних, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы / М. И. Кузнецов, А. А. Романов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 557–565. – DOI : 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.557-565.

Аннотация. В статье рассмотрен спектр вопросов, связанных с организацией общеобразовательного обучения несовершеннолетних, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, охарактеризовано современное состояние и перспективы совершенствования психолого-педагогических условий такого обучения. Правильное функционирование образовательных систем, базирующееся на принципах гуманизации, демократизации и модернизационного поиска, является основой устойчивого развития современного общества. Общеобразовательное обучение занимает особое место в исправлении личности осужденного, особенно несовершеннолетнего. Образование лиц, находящихся в местах лишения свободы, благотворно влияет на них: способствует их более полной самореализации в тяжелой жизненной ситуации, помогает удовлетворению их законных интересов и потребностей, объективно ограниченных в условиях содержания под стражей, стимулирует правопослушное поведение, позитивное личностное развитие и устранение криминогенных детерминант. Создание благоприятных условий для умственного, нравственного, творческого и физического развития

© Кузнецов М. И., Романов А. А., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

каждого обучающегося, обучение их навыкам самоконтроля и самообразования, обеспечение высокого методического уровня проведения всех видов занятий на основе внедрения новых технологий, повышение профессиональной компетентности учителей являются приоритетными задачами общеобразовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний. Социальная и личностная значимость образования для несовершеннолетних осужденных, подозреваемых и обвиняемых постоянно возрастает, предполагает поиск и использование на всех его этапах организации новых эффективных технологий, работы с учебной информацией, электронными и телекоммуникационными средствами. При этом необходимы индивидуальный темп обучения, непрерывное (даже бесконтактное) общение, самоконтроль и контроль за ходом поэтапного обучения, качеством усвоения знаний и навыков, а также формированием заданных компетенций.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, несовершеннолетние осужденные, общеобразовательное обучение, психолого-педагогические условия.

Образовательные системы и их эффективная работа в любом государстве выступают одним из главных условий устойчивого развития современного общества. В России история образования дает ключ к пониманию всей отечественной истории, начиная с петровских преобразований [1, с. 3]. Общественный подъем в конце 1980-х годов вызвал к жизни мощное общественно-педагогическое движение, направленное на гуманизацию и демократизацию образования [1, с. 249]. Смысл российской реформы образования 1992 г. виделся в решении сверхзадачи по смене прежней статичной, репродуктивной модели образования на модель новую, динамичную, где школа и образование становятся развивающими и развивающимися, стимулирующими общественные изменения [10, с. 266]. Задуманные реформы не были осуществлены в полном объеме, что привело в начале XXI столетия к снижению интеллектуального потенциала России [1, с. 253], появлению растущего слоя малообразованных и необразованных россиян, по существу выпавших из системы образования [1, с. 289]. Это, в свою очередь, создавало условия для проявлений девиантного, делинквентного, агрессивного поведения граждан, включая социальные группы несовершеннолетних разной направленности [10].

Стабилизировать ситуацию и наметить пути ее преодоления возможно только через создание системы качественного образования, способной стать реальным инструментом «погашения природных агрессивных побуждений человека: снижения издержек от структурной агрессии, вплетенной в социокультурную реальность; сдерживания деструктивной энергии, идущей от техносферизации планеты, нарастания искусственной составляющей человеческой жизнедеятельности. Каждый из нас должен быть крайне заинтересован в том, чтобы сделать образование не квази-, а аутентично качественным. Важный шаг к этому – четко осознать, какие образы образования являются жизнеутверждающими, а какие – жизнеразрушающими» [5, с. 330]. Более того, образование сегодня рассматривается как пространство культурных смыслов, ориентированных на развитие всех людей, гармонизацию духовной жизни личности и межличностных отношений [12]. О необходимости модернизации современной школьной системы говорил на заседании президиума Государственного совета Российской Федерации 25 августа 2021 г. Президент страны В. В. Путин, обозначив задачу обеспечения качественного образования всем детям, вне зависимости от того, где они живут, учатся, от социального статуса их родителей (https://news.mail.ru/politics/47658657/?frommail=1&exp_id=828).

Все затронутые идеи в той или иной степени касаются и организации образования в уголовно-исполнительной системе (УИС). На современном этапе система образования УИС с разной степенью успешности решает поставленные перед ней задачи, в территориальных органах активно формируется система общеобразовательного обучения осужденных, обобщается региональный опыт образовательной деятельности, занимающей особое место в исправлении личности осужденного, особенно несовершеннолетнего. Накопленный в воспитательных колониях опыт подчеркивает продуктивность подхода к исправлению личности осужденных через обучение. В процессе обучения несовершеннолетние осужденные не только получают новые знания, но и вступают во взаимодействие с учителем и другими осужденными. В результате устанавливаются смысловые и эмоциональные контакты, служащие источником формирования нравственной ответственности, благоприятной почвой для переосмысления своего прошлого и сложившихся негативных жизненных установок [8, с. 207]. Например, в Новооскольской воспитательной колонии обращалось повышенное внимание на мотивацию учебной деятельности и ее организацию. Коллективная учебная деятельность предполагала создание такой системы отношений и общения, в основе которой лежало сотрудничество в учении, совместная работа в целях овладения знаниями, культурой общения и взаимоотношений. Особое значение имела работа с активом заключенных, а также с сотрудниками колонии для того, чтобы помочь найти правильные подходы к воспитанникам, побудить всех к коллективной работе, сформировать готовность к участию в такой работе, организовать исполнение и контроль коллективной учебной деятельности [2, с. 289].

Образование в колониях всегда рассматривалось и в качестве важнейшего средства возможной адаптации в обществе, помогая понять ценность учения, горизонты интеллектуального уровня преподавателей, отношение окружающих к людям, стремящимся получить образование и стать лучше [4, с. 90–91]. Образовательный процесс благотворно влияет на лиц, находящихся в местах лишения свободы, способствует их более полной самореализации в тяжелой жизненной ситуации, помогает удовлетворению их законных интересов и потребностей, ограниченных в условиях содержания под стражей, стимулирует правопослушное поведение, позитивное личностное развитие и устранение криминогенных детерминант. Общеобразовательное обучение занимает особое место в исправлении личности осужденного, особенно несовершеннолетнего [11]. В силу этого особенности его организации в исправительных учреждениях предполагают создание в них специальных организационно-педагогических условий взаимодействия с администрацией учреждений УИС и образовательными организациями, задействованными в этом процессе. Во исполнение требований законодательства, ведомственных нормативных документов Минюста России и Минпросвещения России в следственных изоляторах, помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов (СИЗО, ПФРСИ), и воспитательных колониях (ВК) уголовно-исполнительной системы организуется получение несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными общего образования.

По сведениям ФСИН России, на начало 2019/20 учебного года 1362 несовершеннолетних, содержащихся под стражей, приступили к обучению. По итогам учебного года начальное общее образование получили 13 чел., основное общее – 161, среднее общее – 145 чел. В целях обеспечения получения несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми общего образования в большинстве СИЗО и ПФРСИ их общеобразовательное обучение осуществляется в образовательных организациях органов испол-

нительной власти субъектов Российской Федерации в очной, очно-заочной и заочной форме (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

Администрациями СИЗО, в которых содержатся несовершеннолетние подозреваемые и обвиняемые, заключаются договоры о предоставлении образовательных услуг несовершеннолетним. Учебные классы оборудуются необходимой мебелью, телевизорами, компьютерами. Составляются планы работ воспитательных отделов и образовательных организаций, в которые включено проведение совместных психолого-педагогических мероприятий с подростками. Так, в ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Иркутской области преподаватели учебно-консультационного пункта № 3 наряду с уроками по алгебре, литературе, русскому языку, английскому языку, биологии, истории, физике, химии, обществознанию, информатике, географии проводят мероприятия культурно-познавательного характера: лекции, беседы, диспуты, организуют праздничные концерты с участием студентов театрального училища, приглашают писателей. В рамках учебной программы среди несовершеннолетних также был проведен конкурс «Лучший ученик» (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

В ряде СИЗО в помещениях для проведения учебных занятий с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми имеется возможность подключения компьютера к сети Интернет для организации дистанционного обучения. Наличие в учебных классах компьютеров позволяет учителям школы организовать показ фильмов по произведениям, включенным в школьную программу, проводить занятия с использованием презентаций. Однако в 36 СИЗО 23 территориальных органов ФСИН России несовершеннолетние обучаются только в форме самообразования. Обучающие материалы несовершеннолетним и выполненные ими задания учителям передаются через сотрудников воспитательных служб учреждений. Учителя школ посещают СИЗО для проведения консультационных занятий с обучающимися, итоговой и промежуточной аттестации несовершеннолетних. Периодичность посещения в разных регионах составляет от 1 раза в неделю до 1–2 раз в учебное полугодие (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

Получение общего образования несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в ВК, организовано в общеобразовательных организациях территориальных органов ФСИН России (далее – общеобразовательная организация, ФКОУ СОШ, школа ВК). В начале 2019/20 учебного года в 23 общеобразовательных организациях территориальных органов ФСИН России приступили к обучению в соответствующих классах 1022 несовершеннолетних осужденных. По итогам учебного года начальное общее образование получили 6 чел., основное общее – 280, среднее общее – 191 чел., окончили вспомогательный (коррекционный) класс – 32 чел. 23 обучающихся прошли государственную итоговую аттестацию в форме единого государственного экзамена (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

Создание благоприятных условий для умственного, нравственного, творческого и физического развития каждого воспитанника, обучение их навыкам самоконтроля и самообразования, обеспечение высокого методического уровня проведения всех видов занятий на основе внедрения новых технологий, повышение профессиональной компетентности учителей являются приоритетными задачами общеобразовательных организаций ФСИН России. Для решения обозначенных задач педагоги школ используют индивидуально-ориентированное обучение, информационные и коммуникационные, игровые, деятельностные, здоровьесберегающие технологии, методики социально-педагогического проектирования и др.

Одним из способов повышения интереса к изучению предметов школьного курса является организация тематических предметных недель, которые способствуют развитию личностных качеств учащихся. В 2019/20 учебном году в школах УИС проводились предметные недели по русскому языку и литературе, математике, истории, обществознанию, географии, биологии, иностранному языку, химии, физике и др. Например, в ФКОУ СОШ УФСИН России по Республике Дагестан классные руководители организовали проведение предметных вечеров по биологии, обществознанию, географии, математике и русскому языку. ФКОУ СОШ УФСИН России по Архангельской области в рамках декады гуманитарных наук, посвященной 100-летию Ф. А. Абрамова, проведены экскурсия, командная игра для старшеклассников, цикл радиопередач «Литературное Пинежье», тематическая выставка рисунков «Пинега – родина Ф. А. Абрамова». В рамках недели науки в ФКОУ СОШ УФСИН России по Тюменской области организован интеллектуальный марафон «Самый умный» (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

В общеобразовательных организациях ФСИН России осуществляется обучение несовершеннолетних и по дополнительным образовательным программам, направленное на формирование общей культуры, художественно-эстетическое и нравственное развитие осужденных, работают кружки, секции, студии, клубы по интересам. Так, ФКОУ СОШ ГУФСИН России по Кемеровской области в рамках предпрофильной подготовки учащимся 9-го класса предлагает курс «Твоя профессиональная карьера», цель которого помочь учащимся в самоопределении и самореализации. В ФКОУ СОШ ГУФСИН России по Свердловской области организована работа «Поэтической студии», в которой осужденные учатся самостоятельно создавать произведения. В ФКОУ СОШ УФСИН России по Тюменской области функционируют кружки «Квиллинг», «Выжигание по дереву», «Киноклуб», «Редколлегия», «Увлекательный английский», «Футбол». Занятия с использованием современных технических средств обучения, например уникального портативного планетария Homestar с проекционными дисками северного полушария и эффектом падающих звезд, в астрономическом кружке «Звезды становятся ближе» ФКОУ СОШ УФСИН России по Брянской области позволяют учащимся активизировать познавательную деятельность и систематизировать представления о Вселенной. В ФКОУ СОШ УФСИН России по Краснодарскому краю осуществляют работу школьные творческие объединения учащихся: «Театральное» и «Краеведческое». Кроме того, в течение учебного года учителями школы регулярно проводились мероприятия по трудовому воспитанию обучающихся «Чистый класс», «Чистая школа», выпуску стенгазет о труде, пропаганде спорта и здорового образа жизни (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., исх-03-78380).

Выявление и развитие творческих способностей несовершеннолетних осужденных является одним из приоритетных направлений учебно-воспитательной работы [6]. С этой целью в отдельных школах УИС созданы театральные студии. В преддверии Международного женского дня состоялся премьерный показ спектакля «Можайская история» театральной студии «Метаморфоза» ФКОУ СОШ УФСИН России по Московской области, созданной при поддержке благотворительного фонда «Забота». Театральная студия «Экспрессия» ФКОУ СОШ УФСИН России по Еврейской автономной области, финалист Всероссийского конкурса театральных студий учреждений УИС, в течение учебного года представила спектакли «Приключения Буратино», «Ревизор», «Крупный выигрыш», миниатюры из произведений «Поднятая целина», «Легенда о матерях», «Беги, мальчик, беги» (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

В рамках патриотического воспитания во всех школах УИС были организованы мероприятия, посвященные 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для учащихся ФКОУ СОШ УФСИН России по Брянской области организована выездная экскурсия-практикум «Вахта памяти» по местам боев Брянского фронта. В ФКОУ СОШ УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области проведена торжественно-траурная церемония, посвященная Дню полного снятия фашистской блокады с города Ленинграда «Мы память в сердце сохраним», организовано интерактивное литературно-музыкальное представление «Блокадный Ленинград» и открытие музея, посвященного героям обороны Ленинграда (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

В преддверии Дня Победы учащиеся ФКОУ СОШ УФСИН России по Московской области присоединились к Всероссийской акции «Открытие ветерану». Они изготовили своими руками оригинальные и красочные открытки, выполненные в различных техниках декоративно-прикладного искусства: декупаж, оригами, аппликация, ассамбляж, написали для ветеранов добрые слова и поздравления с праздником Победы. Все открытки были переданы ветеранам, проживающим в Можайском городском округе (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

В ФКОУ СОШ УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 2019/20 учебном году стартовал совместный проект со спортивно-оздоровительным комплексом Колпинского района «Ижорец», в рамках которого организованы соревнования по волейболу и мини-футболу между учащимися школы и командой подростково-молодежного клуба «Z». Традиционным стало проведение спортивных соревнований по волейболу и баскетболу между сотрудниками ФКУ Камышинская ВК УФСИН России по Волгоградской области и обучающимися ФКОУ СОШ УФСИН России по Волгоградской области. В рамках проекта «Кросс нации» среди обучающихся 10-х классов был организован «Осенний кросс», а в день Всероссийской акции «Родительское собрание» – спортивная эстафета между командами обучающихся. В ФКОУ СОШ УФСИН России по Брянской области были проведены спартакиада «Быстрее, выше, сильнее» и традиционный весенний турнир по волейболу на приз директора школы (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

Внеурочные занятия являются составной частью единого учебно-воспитательного процесса и одной из форм организации свободного времени учащихся, удовлетворения их потребностей в содержательном досуге, участии в самоуправлении и общественно полезной деятельности. Широкий спектр инновационных технологий дает возможность педагогическому коллективу продуктивно использовать учебное время и добиваться высоких результатов в образовательной деятельности и обучении осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы [7].

Для стимулирования учебной деятельности осужденных ФСИН России совместно с благотворительным фондом «Попечитель» ежегодно организует конкурс «Лучший учащийся школ воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы». Кроме того, учащиеся школ УИС принимают активное участие в научно-практических конференциях, международных, всероссийских и региональных конкурсах и предметных олимпиадах. ФКОУ СОШ ГУФСИН России по Иркутской области совместно с Ангарской ВК и общественными организациями реализует комплекс системных проектов Фонда президентских грантов, направленных на профилактику асоциальных качеств и формирование положительных навыков у подростков, содержащихся в воспитательной колонии, а также детей группы социального риска. В рамках проекта «Не повторяй мой путь» воспитанники Ангарской ВК, принявшие нормы законопослушного поведения и

вышедшие из-под влияния криминальной субкультуры, очно или онлайн отвечают на вопросы подростков группы риска из Иркутской области, Республики Бурятия, Красноярского края и др. Кроме того, педагоги школы консультируют родителей (законных представителей) несовершеннолетних по вопросам семейных отношений. Специалисты органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних принимают участие в семинарах по применению инновационных методик и технологий в работе с детьми и семьями, находящимися в социально опасном положении (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

Школа продолжает реализацию проекта «Наставники: не рядом, а вместе!». Волонтерами-наставниками несовершеннолетних осужденных стали известные в Иркутской области бизнесмены, руководители спортивных комплексов, Центра молодежного инновационного творчества, депутат Законодательного собрания Иркутской области, помощник депутата Государственной Думы Российской Федерации. В целях внедрения эффективных педагогических технологий на базе школы Ангарской ВК было проведено межрегиональное мероприятие «Региональная школа социального наставничества», в котором приняли участие специалисты органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних из г. Москвы, Республики Бурятия, Забайкальского края и Иркутской области. Проект «Мой первый дом. Старт в будущее» направлен на реабилитацию и социализацию воспитанников Ангарской ВК. С подростками, готовящимися к освобождению из учреждения, организована работа на базе оборудованной на средства Фонда президентских грантов «тренировочной квартиры», расположенной в реабилитационном центре Ангарской ВК. С воспитанниками работают тьюторы, учителя, воспитатели, медицинские и социальные работники, психологи, наставники. С января по июнь 2020 г. программу успешно прошли 7 воспитанников (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

Материально-техническая оснащенность общеобразовательных организаций является одним из объективных условий применения новых технологий в обучении. Организация учебно-воспитательного процесса предполагает активное использование различных продуктов информационных технологий, с помощью которых транслируется учебная информация и контролируется ее усвоение. В связи с этим уделяется внимание оснащению помещений для проведения учебных занятий с несовершеннолетними обучающимися. Так, департаментом образования и науки Тюменской области приобретены и переданы СИЗО-1 компьютерная техника (4 ноутбука), мультимедийный проектор, школьный инвентарь на сумму 450 000 руб. для организации общеобразовательного обучения несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в учреждении (письмо ФСИН России от 7 декабря 2020 г., № исх-03-78380).

Общеобразовательное обучение является частью процесса социализации личности несовершеннолетних правонарушителей и подразумевает передачу накопленного опыта, профессиональных умений и навыков, практических знаний подросткам. В условиях ухудшения криминологического состава несовершеннолетних, поступающих в СИЗО, ПФРСИ и ВК, вопросы организации учебно-воспитательного процесса с ними, обеспечения эффективной деятельности школ ВК требуют постоянного внимания со стороны руководства учреждений и территориальных органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации [3]. Дальнейшее развитие психолого-педагогических условий общеобразовательного обучения несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях УИС, повышение его эффективности видятся в следующем.

1. Необходим постоянный мониторинг возможностей образовательных организаций, а также регионов России в организации образовательного процесса в учреждениях, а также включение ФСИН России и ее территориальных органов в национальный проект «Образование в Российской Федерации» для решения проблем образовательной деятельности (информационно-техническое оснащение, учебно-методическое обеспечение, стимулирование образовательных организаций, сотрудничающих с УИС, и т. д.).

2. Требуется совершенствование взаимодействия всех субъектов образования несовершеннолетних осужденных, подозреваемых и обвиняемых (образовательных организаций, территориальных УФСИН России, родителей (законных представителей) с органами местной власти, расширение сфер этого взаимодействия.

3. Более эффективное использование возможностей психологической службы, учителей, преподавателей, родственников, других источников информации о личности осужденного для повышения эффективности комплексной психолого-педагогической диагностики несовершеннолетних, оценки их потребности в обучении и готовности к нему. Проведение сотрудниками психологических лабораторий профессиональной работы с несовершеннолетними, имеющими отрицательную установку на получение общего образования в период пребывания в учреждениях УИС.

4. Обязательное выстраивание системы коррекции ценностных представлений несовершеннолетних осужденных, подозреваемых и обвиняемых через создание условий для использования в жизни полученного ими образования, а также стремления продолжить обучение и после трудоустройства. Применение системы поощрительных стимулов в отношении лиц, проявляющих повышенный интерес к обучению и достигших в нем высоких результатов.

5. Создание постоянно действующей системы информационной и разъяснительно-пропагандистской работы с несовершеннолетними осужденными о ценности, важности, личностной и социальной значимости образования, о его позитивном влиянии на процесс отбывания наказания, сроки и условия освобождения от наказания, о более широких возможностях благополучного устройства жизни на свободе. Для этого в учреждениях УИС, где содержатся несовершеннолетние, необходимо использовать весь арсенал методов и средств: оборудование информационных стендов, групповой показ видеороликов с использованием кабельного телевидения, трансляцию радиопередач, проведение занятий, индивидуальных и групповых консультаций, тематических встреч с бывшими осужденными, учителями, преподавателями, творческой интеллигенцией, представителями различных институтов гражданского общества.

6. Совместное решение с органами управления образования субъектов Российской Федерации вопроса организации получения общего образования несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в СИЗО и ПФРСИ, в очной форме с привлечением педагогических работников общеобразовательных учреждений, разъяснение порядка прохождения государственной итоговой аттестации в форме единого государственного экзамена.

7. Содействие администрации ВК в повышении несовершеннолетними осужденными компьютерной грамотности, используя компьютерные обучающие программы, помощь учителей и других подготовленных осужденных (по принципу «равный помогает равному»), а также в завершении полного цикла обучения и получении документов об образовании.

Подводя итог, можно говорить о возрастающей социальной и личностной значимости образования для несовершеннолетних осужденных, подозреваемых и обвиняемых,

которая предполагает поиск и использование на всех этапах его организации новых эффективных технологий [3]. К их числу относятся электронное и дистанционное обучение, развитие навыков учения и самообучения, самостоятельного поиска и работы с учебной информацией, электронными и телекоммуникационными средствами.

Библиографический список

1. Андреев А. Л. Российское образование: социально-исторические контексты. М. : Наука, 2008. 359 с.
2. Воспитание подростков с девиантным поведением: история, теория, опыт : учеб.-метод. пособие / под ред. А. А. Романова, С. А. Завражина. Рязань : РГУ имени С. А. Есенина, 2006. 342 с.
3. Данилин Е. М., Давыдова Н. В. Образование – средство исправления несовершеннолетних осужденных // Право и образование. 2015. № 9. С. 68–73.
4. Женские исправительные учреждения: время реформ : сб. материалов Всерос. семинара «Реформа системы через реформу сознания» руководителей женских исправительных и воспитательных колоний (Краснодар, 2–3 апр. 2001 г.). М. : Эсла, 2001. 128 с.
5. Завражин С. А. Феноменология девиантного поведения (избранные труды). Владимир : ВГГУ, 2008. 348 с.
6. Кузнецов М. И. Воспитательная работа с несовершеннолетними, содержащимися в следственных изоляторах ФСИН России // Профилактика зависимостей. 2019. № 2(18). С. 128–132.
7. Опыт работы с несовершеннолетними осужденными воспитательных колоний, подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в следственных изоляторах : сб. материалов передового опыта / сост. В. Ю. Трофимов [и др.]. М. : НИИ ФСИН России, 2009. 120 с.
8. Предупреждение девиантного поведения девочек подросткового возраста. Факты. Концепции. Проблемы : учеб.-метод. пособие / под ред. А. А. Романова. Рязань : РГУ имени С. А. Есенина, 2005. 338 с.
9. Романов А. А. Педагогические подвижники в переломные эпохи XX века. Избранные научные статьи и очерки. Рязань : Концепция, 2017. 528 с.
10. Романов А. А. Проблема девиантного поведения детей в переломные эпохи XX века // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов Всерос. симпозиума психологов (Рязань, 9–10 апр. 2020 г.) с междунар. участием / под общ. ред. Д. В. Сочивко. Рязань : Академия ФСИН России, 2020. С. 266, 452–455.
11. Тюгаева Н. А. Общее образование осужденных к лишению свободы: исправление в процессе обучения // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. Рязань : Академия ФСИН России, 2020. С. 470–474.
12. Sorokoumova, S. N., Romanov, A. A., Barkova, V. V., Stolbova, E. A. & Tsilitkiy, V. S. 2020, 'Ideas of education in the space of cultural meanings', *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences – SCTMG 2020*, vol. 92, pp. 2542-2546, doi: 10.15405/epsbs.2020.10.05.336.

УДК 343.83-051

ПЕТР ПЕТРОВИЧ БОДЬКО,
председатель Рязанской общественной организации ветеранов,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: upip2009@yandex.ru;
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КУЗНЕЦОВ,
кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры юридической психологии и педагогики,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

ЮБИЛЕЙ ВЕТЕРАНА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ПРОФЕССОРА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ В ОТСТАВКЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА ПОНОМАРЕВА

Для цитирования

Бодько, П. П. Юбилей ветерана уголовно-исполнительной системы, профессора генерал-майора внутренней службы в отставке Сергея Николаевича Пономарева / П. П. Бодько, М. И. Кузнецов // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 566–569.

Аннотация. Статья посвящена жизненному пути и служебной деятельности профессора Сергея Николаевича Пономарева.

Ключевые слова: Сергей Николаевич Пономарев, юбилей, Рязанская высшая школа МВД СССР, Академия ФСИН России.



Сергей Николаевич Пономарев родился 5 октября 1946 г. на хуторе Ежовка Алексеевского района Сталинградской области в крестьянской семье. Воспитывался мамой, Евдокией Автономовной, фронтовичкой, прошедшей дорогами Великой Отечественной войны от Сталинграда до Румынии. Значительную роль в становлении и развитии Сергея сыграли бабушка Матрена Андреевна и тетя Зинаида Автономовна. После окончания средней школы в 1963 г. Сергей поступил в Рижское авиационное училище специальных служб Министерства авиации СССР, по окончании которого был

© Бодько П. П., Кузнецов М. И., 2021



Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

направлен на работу в Оренбургский объединенный авиаотряд гражданской авиации, где работал радиотехником в 1966–1970 гг.

Судьба молодого человека круто изменилась в июне 1970 г., когда комсомольской организацией авиаотряда он был рекомендован и направлен на службу в органы внутренних дел, в структуру которых в то время входила исправительно-трудовая система страны. Начал службу в должности воспитателя, а затем старшего воспитателя Бузулукской воспитательно-трудовой колонии отдела исправительно-трудовых учреждений УВД Оренбургского облисполкома. Параллельно со службой обучался в Оренбургском филиале Всесоюзного юридического заочного института.

В 1976 г. поступил в очную адъюнктуру Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР, по окончании которой защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Освобождение от отбывания наказания из воспитательно-трудовых колоний» под научным руководством известного ученого-пенитенциариста доктора юридических наук, профессора И. В. Шмарова.

По окончании адъюнктуры опытный практик и молодой ученый капитан внутренней службы С. Н. Пономарев был направлен на преподавательскую работу в Рязанскую высшую школу МВД СССР. Службу в вузе начал преподавателем, затем стал старшим преподавателем, доцентом кафедры исправительно-трудового права. Потом была работа в должности главного редактора (заместителя начальника) научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. В 1986 г. вернулся на кафедру исправительно-трудового права, но уже на должность заместителя начальника. В 1988 г. назначен заместителем начальника Рязанской высшей школы МВД СССР по научной работе.

С сентября 1990 по 2003 год занимал должность начальника уникального ведомственного высшего учебного заведения, ныне именующегося Академией ФСИН России. Руководство вузом пришлось осуществлять в непростых условиях реформирования и перехода из одного ведомства в другое, острой нехватки финансовых средств. Вуз не только устоял, но и успешно развивался: открывались филиалы (Барнаульский, Владимирский, Вологодский, Кировский, Томский, которые спустя короткое время стали самостоятельными институтами), новые факультеты и кафедры, специальности, начался набор и обучение слушателей по заочной форме на юридическом и психологическом факультетах, что позволило расширить количество дипломированных специалистов для уголовно-исполнительной системы России. Формировались диссертационные советы, совершенствовалась материально-техническая база, укреплялся кадровый состав, в том числе имеющий ученые степени и звания, а также опыт практической службы в УИС. Благодаря генералу С. Н. Пономареву и сформированной им команде единомышленников в Рязанском институте права и экономики МВД РФ ни разу не задерживалась выдача денежного довольствия сотрудникам и слушателям, в полной мере решались вопросы вещевого и продовольственного снабжения. Активно развивалось и международное сотрудничество. Около трех десятков сотрудников вуза той поры побывали в зарубежных командировках, изучая опыт деятельности пенитенциарных учреждений и образовательных организаций по подготовке тюремного персонала Белоруссии, Украины, Молдавии, Киргизии, Великобритании, Финляндии, Швейцарии, Польши, Германии, Монголии и других стран ближнего и дальнего зарубежья.

Еще одной серьезной проверкой на прочность для С. Н. Пономарева как руководителя стала служба по охране общественного порядка в Москве в дни празднования 50-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Тогда, в 1995 г., реально

ожидали в столице террористических проявлений со стороны кавказских сепаратистов. Однако все поставленные задачи были успешно решены.

После увольнения со службы Сергей Николаевич трудился на научно-педагогическом поприще в Коломенском институте (филиале) Московского открытого университета. С 2012 г. вновь работает на кафедре уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России в должности профессора. Под научным руководством профессора Пономарева защищено несколько диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. В настоящее время выполняются диссертационные исследования еще тремя адъюнктами. Им опубликовано более 150 научных работ. Сфера научных интересов С. Н. Пономарева весьма обширна: учебники и учебные пособия по уголовно-исполнительному праву [1–3], комментарии к федеральным законам [4, 5], политика и принципы исполнения уголовных наказаний [6–9], исполнение наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных [10–12], научное наследие виднейших ученых-пенитенциаристов [13–17], анализ зарубежного тюремного опыта [18, 19] и др.

Признанием значительных заслуг Сергея Николаевича в области профессиональной деятельности, образования и науки стало награждение его медалями «За отличную службу по охране общественного порядка», «Защитнику свободной России» и другими ведомственными наградами МВД СССР и России, Минюста России, ФСИН России, а также орденом Дружбы народов Социалистической Республики Вьетнам.

Более полувека назад с супругой Иланой Саидовной С. Н. Пономарев создал крепкую семью, в которой вырастили и воспитали двух замечательных сыновей, выбравших свою жизненную стезю. Сегодня у четы Пономаревых пять внуков.

Коллеги, ученики, курсанты, студенты, слушатели, адъюнкты академии, тысячи выпускников в нашей стране и государствах ближнего и дальнего зарубежья сердечно поздравляют Сергея Николаевича с юбилеем и желают ему здоровья и творческого долголетия!

Библиографический список

1. Галиуллин Ш. Н., Пономарев С. Н. Исполнение лишения свободы в отношении наркоманов : учеб. пособие. Рязань : РВШ МВД СССР, 1988. 48 с.
2. Галиуллин Ш. Н., Пономарев С. Н. Организация исполнения наказания и лечебно-го процесса в исправительно-трудовых колониях для наркоманов : учеб. пособие / под ред. А. Я. Гришко. Рязань : РИПЭ МВД России, 1995. 70 с.
3. Уголовно-исполнительное право. Общая часть : учебник / В. В. Геранин [и др.] ; под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2001. 583 с.
4. Комментарии к федеральным законам о внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы и другие законодательные акты Российской Федерации / С. Н. Пономарев [и др.] ; под общ. ред. О. В. Филимонова. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2001. 96 с.
5. Комментарии к федеральным законам о внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы и другие законодательные акты Российской Федерации / С. Н. Пономарев [и др.] ; под общ. ред. В. У. Ялунина. М. : Права человека, 2001. 92 с.
6. Пономарев С. Н. О понятии политики в области исполнения уголовных наказаний и ее реализации // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 87–89.
7. Кашуба Ю. А., Пономарев С. Н. Основы современной уголовно-исполнительной политики России в отношении несовершеннолетних : монография. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2002. 179 с.

8. Пономарев С. Н. О понятии политики в области исполнения уголовных наказаний и ее реализации // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева. Рязань : Академия ФСИН России, 2016. С. 16–20.

9. Пономарев С. Н. Правовые принципы в российском уголовно-исполнительном процессе // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2016. С. 428–429.

10. Пономарев С. Н. Освобождение осужденных от отбывания наказания из воспитательно-трудовых колоний и закрепление результатов исправления. Рязань : РВШ МВД СССР, 1982. 88 с.

11. Пономарев С. Н. О причинах девиантного поведения при исполнении лишения свободы в отношении несовершеннолетних // Башкатовские чтения. Психология притеснения и деструктивного поведения в детско-подростковой среде : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра пед. наук, проф., засл. деят. науки Рос. Федерации Ивана Павловича Башкатова, (г. Коломна, 14–15 марта 2018 г.). Коломна, 2018. С. 22–24.

12. Пономарев С. Н., Карханина Л. В. О перспективе применения условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким в отношении несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России) : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 20–22 нояб. 2019 г.) : в 10 т. Рязань, 2019. Т. 3 : Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. С. 261–263.

13. Пономарев С. Н. Полезная и добрая традиция (о наследии профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева) // Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. С. 3–8.

14. Пономарев С. Н. Значение раннего научного опыта профессора В. Г. Деева для уголовно-исполнительной системы в современных условиях // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 102–107.

15. Пономарев С. Н. О терминах, смыслах и действиях (размышления в связи с юбилеем А. И. Ушатикова) // Прикладная юридическая психология. 2016. № 2. С. 94–96.

16. Пономарев С. Н. Жизнь – повседневное служение (95-летию профессора Н. А. Стручкова и 20-летию присвоения его имени кафедре уголовно-исполнительного права посвящается) // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12(1–4), № 2. С. 103–106.

17. Пономарев С. Н., Кузнецов М. И. Вклад А. И. Зубкова в развитие пенитенциарной педагогики // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. памяти засл. деятеля науки РСФСР, д-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань : Академия ФСИН России, 2021. С. 174–177.

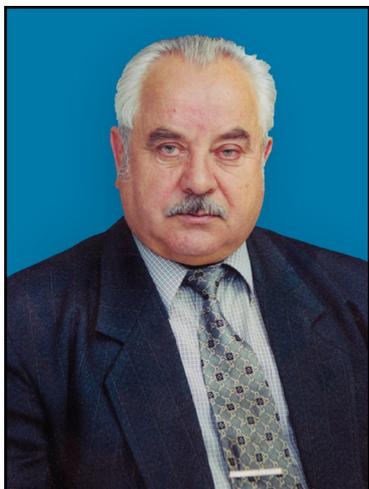
18. Пономарев С. Н., Маруков А. Ф., Геранин В. В. Тюремная служба Англии и современное общество : монография. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2002. 135 с.

19. Тюремная служба Англии и Уэльса: исторический опыт : учеб. пособие / А. Ф. Маруков [и др.]. М. : Флинта ; Наука, 2008. 215 с.

ПАМЯТИ ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА ВИКТОРА ИВАНОВИЧА ИГНАТЕНКО (БОЛЬШЕ ЧЕМ ДРУГА И ТОВАРИЩА)

Для цитирования

Кашуба, Ю. А. Памяти заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, почетного профессора Академии ФСИН России, доктора юридических наук, профессора Виктора Ивановича Игнатенко (больше чем друга и товарища) / Ю. А. Кашуба // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29(1–4), № 4. – С. 570–573.



Судьба этого человека необычна, интересна и поучительна. Виктор Иванович Игнатенко родился 6 июля 1935 г. в г. Котельнич Кировской области в семье служащих. С 1940 по 1949 год жил и учился в городе Петропавловске Северо-Казахстанской области (Казахстан). В 1949 г. отца, сотрудника правоохранительных органов, командировали в Монголию, где семья проживала до 1954 г.

Вернувшись в 1954 г. в СССР, по совету родителей В. И. Игнатенко поступил в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта. Еще до поступления в институт Виктор Иванович увлекся спортом. Именно эта увлеченность подтолкнула его в 1955 г. оставить институт инженеров железнодорожного транспорта и поступить в Омский государственный институт физической культуры на отделение единоборств. В этот же период он становится мастером спорта. По окончании института в 1959 г.

был распределен в Тюменскую область, где работал вначале в средней школе г. Салехарда, а затем учителем средней школы № 25 г. Тюмени. Работу в школе Виктор Иванович совмещал с работой тренером по греко-римской борьбе. Организаторские способности Виктора Ивановича не остались незамеченными. Вскоре он был назначен директором детской спортивной школы судостроительного завода.

Как ни парадоксально, но именно тренерская работа стала причиной изменения интересов Виктора Ивановича. В 1961 г. он успешно сдал конкурсные экзамены в Свердловский юридический институт и стал студентом этого вуза. В институте обратили внимание на увлеченного учебной студента, и в 1963 г. он прошел по конкурсу на замещение вакантной должности заведующего кафедрой физического воспитания и спорта Свердловского юридического института. Этот период можно считать переломным в его жизни. Он познакомился с профессором Митрофаном Ивановичем Ковалевым, порекомендовавшим использовать спортивные познания Виктора Ивановича в области специально-криминологической профилактики преступности несовершеннолетних.



Результатом такого сотрудничества стала защита в 1973 г. в этом же вузе кандидатской диссертации на тему «Социальная эффективность спорта в предупреждении правонарушений несовершеннолетних» (научный руководитель – доктор юридических наук, профессор М. И. Ковалев, официальные оппоненты – доктор юридических наук Г. И. Здравомыслов и кандидат юридических наук, доцент Г. В. Дровосеков).

В 1974 г. Виктор Иванович был приглашен в Рязанскую высшую школу МВД СССР на должность заместителя начальника кафедры боевой и физической подготовки. В то время вузу, находящемуся в стадии становления, не хватало квалифицированных кадров. Начавшийся с переездом в Рязань новый период в научно-исследовательской и педагогической деятельности оказался для Виктора Ивановича весьма продуктивным. В 1976 г. совместно с профессором В. И. Гуськовым он принимал активное участие в создании кафедры криминологии и профилактики преступлений. На протяжении почти десяти лет, совмещая преподавательскую работу в вузе, он организовал подростковый клуб по интересам для трудных подростков г. Рязани. Многие мальчишки семидесятых-восьмидесятых благодарны Виктору Ивановичу за то, что он помог им не потеряться, найти свое место в жизни.

Работа с трудными подростками определила и будущее направление научных изысканий перспективного ученого – антиобщественный образ жизни несовершеннолетних. Почти двадцать лет понадобилось ему, чтобы доказать важность этой проблемы. Сделать это было чрезвычайно трудно, так как невозможно было даже оспаривать положение о несовместимости таких понятий, как «социалистическое общество» и «антиобщественный образ жизни», хотя это явление (антиобщественный образ жизни) существовало и напоминало о себе осужденными-бомжами, мальчишками-преступниками, хроническими алкоголиками и наркоманами, сконцентрированными в специализированных местах, вход в которые долгое время оставался запрещенным не только для общественности и попечительских обществ, но и для специалистов пенитенциарного дела (но только не для В. И. Игнатенко).

Итогом этой работы стала успешная защита в 1993 г. в диссертационном совете Юридического института МВД России (г. Москва) докторской диссертации на тему «Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений среди несовершеннолетних» (научный консультант – доктор юридических наук, профессор Н. И. Ветров, официальные оппоненты – доктор юридических наук, профессор Ю. И. Ляпунов, доктор юридических наук, профессор И. В. Шмаров, доктор юридических наук, профессор Г. В. Хохряков). В октябре 1995 г. решением Государственного комитета РФ по высшему образованию ему присвоено ученое звание профессора.

Являясь профессором, доктором юридических наук, он проработал около сорока лет на кафедре криминологии и профилактики преступлений. Очень ценно то, что Виктор Иванович сумел проявить себя не только как талантливый ученый, но и как грамотный педагог. Его идеи и теоретические разработки замечательным образом были воплощены на практике. Профессор осуществлял научное руководство адъюнктами, научно-исследовательской работой слушателей академии. Работы его учеников занимали призовые места на межвузовских конкурсах. Под его руководством было защищено свыше 15 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Он являлся членом докторских диссертационных советов при Академии ФСИН России, Ростовского юридического института МВД России. Кстати, наша первая встреча с Виктором Ивановичем состоялась, когда он в составе комиссии главка в 1991 г. приехал с проверкой в бывшую Ростовскую среднюю специальную школу подготов-

ки начальствующего состава МВД СССР. В комиссии было 20 человек, из них один В. И. Игнатенко – кандидат юридических наук, доцент, хотя все остальные ее члены являлись преподавателями московских вузов. Вторая встреча произошла в Рязанской высшей школе МВД СССР у профессора М. П. Мелентьева для решения вопроса о подготовке и защите моей докторской диссертации. Тогда Михаил Петрович решил нас познакомить (он не знал, что мы уже знакомы). С тех пор мы много лет дружим (не považивается сказать слово «дружили»).

Научные труды ученого посвящены проблемам предупреждения антиобщественного образа жизни несовершеннолетних, особенностям рецидива преступлений, профилактическому значению спортивной деятельности среди подростков, организации свободного времени несовершеннолетних по месту жительства. Особое внимание уделяется изучению образа жизни подростков в воспитательных колониях. Свои научные идеи Виктор Иванович постоянно оттачивал, пропагандировал и подтверждал своим участием в международных и всероссийских конференциях, проводимых в Вологде, Москве, Санкт-Петербурге, Таганроге, Ростове-на-Дону и Рязани.

Последнее десятилетие его жизни было связано с подведением определенных итогов многолетнего исследования асоциального поведения несовершеннолетних. Начиная с 2011 г. в РЮИ МВД России, затем в Донском юридическом институте, а позднее в Академии ФСИН России при нашем совместном научном руководстве был организован, проводился и много лет существовал круглый стол под названием «Антиобщественный образ жизни и преступность молодежи». В научном сборнике под этим же названием публиковали свои работы все, кто связан с изучением проблем молодежи. Всего было выпущено пять таких сборников. В этот же период (до 2020 г.) он являлся активным членом редколлегии журнала «Юрист Юга России и Закавказья».

Друзья, коллеги Виктора Ивановича Игнатенко на территории России и государств бывшего Советского Союза, многих европейских стран глубоко скорбят о постигшей утрате и выражают уверенность, что научное наследие большого ученого и Человека не только сохранится, но и будет пополнено его учениками и соратниками.



Участники ежегодного Всероссийского круглого стола «Антиобщественный образ жизни и преступность молодежи» в Донском юридическом институте.
Сидят: В. И. Игнатенко и Ю. А. Кашуба



Рабочий момент дискуссии.

В центре Е. И. Дулимов, президент Донского юридического института

Ю. А. Кашуба,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
Академии ФСИН России,
почетный профессор Академии ФСИН России,
почетный сотрудник МВД России

SCIENCE FORUM

Sergey Mikhailovich Vorob'ev, Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the department of theory of state and law, international and European law, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-0734-745, [e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru](mailto:sergey.vorobev.78@inbox.ru);

Sofiya Aleksandrovna Gaponova, Sc.D (Psychology), Professor, professor of the department of social psychology and social work, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-1526-4378, e-mail: sagap@mail.ru;

Konstantin Alekseevich Kurilkin, Investigator for particularly important cases of the Third Investigative Department of the Directorate for the Investigation of Crimes against the Person and Public Security of the Main Investigative Department, Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID 0000-0003-2493-3254, e-mail: kurilkin62@mail.ru;

Tat'yana Aleksandrovna Simakova, PhD (Psychology), Associate Professor, leading researcher of the research department at the scientific center, Academy of the FPS of Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-5715-0291, e-mail: simakovatanea@yandex.ru

MODERN APPROACHES TO THE STUDY OF FORMS OF MANIFESTATION OF PUBLIC DANGER FROM A POTENTIAL CRIMINAL: PROBLEM STATEMENT

Recommended citation

Vorob'ev, S. M., Gaponova, S. A., Kurilkin, K. A., & Simakova, T. A. 2021, 'Modern approaches to the study of forms of manifestation of public danger from a potential criminal: problem statement', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 450–459, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.450-459.

Abstract. The article attempts a scientific understanding of the possible manifestation of public danger on the part of a potential criminal. Stable indicators of the number of recidivistic violent crimes committed in Russia predetermine the development of effective preventive counteraction measures. The objectives of the article are to analyze the various scientific positions available on the manifestation of the state of public danger in the structure of the personality behavior of a potential violent criminal; consideration of the state of public danger from the position of a controlled-volitional chronodiscret nature; forms classification of development of the state of public danger within the framework of the criminal's personal approach. Taking into account the scientific analysis of the forms of manifestation of social danger of a potential criminal, the authors of the article have developed proposals to improve Russian legislation for the possibility of appointing a forensic psychiatric examination in relation to those convicted for violent crimes suffering from a mental disorder that does not exclude sanity before release from prison. The work is of a theoretical and applied nature and is aimed at further studying the manifestations of social danger of a potential criminal.

Keywords: public danger, crimes, criminal identity, victim, mental disorders, psychiatric examination, punishment, convict.

References

- Antonyan, E. A. 2014, *The recidivist's personality: criminological and penal research: PhD thesis (Law)*, Moscow.
- Antonyan, Yu. M. & Borodin. S. V. 1987, *Crime and mental abnormalities*, Nauka, Moscow.
- Antonyan, Yu. M. 2010, 'The so-called serial murderers', *Society and law*, iss. 1, pp. 190–197.
- Antonyan, Yu. M., Kudryavtsev, V. N. & Eminov, V. E. 2004, *The identity of the criminal*, Law Center Press, Moscow.
- Vnukov, V. A. 1934, 'Forensic psychiatric examination of psychopathies', in *Psychopathy and forensic psychiatric significance: a collection of scientific papers*, C. N. Feinberg (ed.), pp. 10–14, Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry, Moscow.
- Zhalinskiy, A. E. 2015, *Criminal law*, O. L. Dubovik (ed.), in 4 vols, vol. 2, Higher School of Economics, Moscow.
- Ivanov, N. G. 1998, *Abnormal subject of crime: problems of criminal responsibility*, Law and right: UNITY, Moscow.
- Kadnikov, N. G. (ed.) 2019, *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical, article-by-article)*, Jurisprudence, Moscow.
- Kuznetsova, N. F. & Tyazhkova, I. M. (eds) 1999, *Criminal Law Course, The general part*, vol. 1, The doctrine of crime, Zertsalo, Moscow.
- Platonov, K. K. 1972, *About the system of psychology*, Mysl, Moscow.
- Platonov, K. K. 1986, *Personality structure and development*, Nauka, Moscow.
- Sirodzhinov, D. V. 1998, *Limited sanity: problems of theory and practice: PhD thesis (Law)*, Ekaterinburg.
- Spasenkov, B. A. 2003, *Compulsory medical measures: history, theory and practice*, Law Center Press, St. Petersburg.

Valeriy Fedorovich Lapshin, Sc.D (Law), Associate Professor, Vice-rector for scientific work, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8549-6305, e-mail: kapitan-44@yandex.ru

THE SUBJECT OF THE ELEMENTS OF CRIMES THAT HARM TRANSPORT SECURITY AND COMMITTED IN THE CONDITIONS OF USING HIGHLY AUTOMATED VEHICLES

Recommended citation

Lapshin, V. F. 2021, 'The subject of the elements of crimes that harm transport security and committed in the conditions of using highly automated vehicles', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 460–473, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.460-473.

Abstract. Modern technologies used in the creation of various types of vehicles significantly change the idea of the functions of the person responsible for ensuring transport security. The artificial intelligence integrated into the vehicle control system has significantly simplified the tasks that the driver of a car, train, aircraft and other mechanical means of transportation solves. In the future, unmanned vehicles will not need a driver at all, since it will be completely replaced by an intelligent control system. But neither domestic nor foreign manufacturers of high-tech vehicles guarantee complete safety of their operation. According to available forecasts, the number of transport accidents will increase as the number of drones in operation increases. This will require identifying the person being held accountable for a violation of transport security committed by means of unmanned vehicles. The object of the presented research is the social relations that arise when determining a person subject to criminal liability for violating the rules of safe movement and operation of unmanned vehicles. The purpose of the work is to establish legally significant features of a person who is recognized as the subject of the relevant traffic crimes. Based on the results of the study, conclusions are formulated that there is currently no need for a radical revision of approaches to determining legally significant signs of a special subject of a transport crime. Modern unmanned vehicles do not yet have an automated control system that would completely eliminate the need for direct or remote presence of the driver in order to control the movement process. Because of this, the obligation to comply with the relevant rules is still imposed on the driver – an individual who is responsible for criminally punishable encroachments on transport security. This conclusion is based on criticism of the results of the latest research, the authors of which insist on the need to extend responsibility for these socially dangerous acts to both drivers and 1) software developers for unmanned vehicles and elements of high-tech transport infrastructure, 2) owners of highly automated vehicles, 3) vehicles with integrated artificial intelligence technology in the control system.

Keywords: transport security, a special subject of a transport crime, criminal liability, a highly automated vehicle, artificial intelligence technologies in the field of transport, a source of increased danger.

References

Kovachich, L. 2020, 'Chinese experience in the development of the artificial intelligence industry: a strategic approach', *Carnegie Moscow Center*, July 20, viewed 31 July 2021, <https://carnegieendowment.org/2020/07/07/ru-pub-82172>.

Aksenova, E. I. 2019, *Expert review of the development of artificial intelligence technologies in Russia and the world. Selection of priority directions for the development of artificial intelligence in Russia*, Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare, Moscow.

Begishev, I. R. & Khisamova, Z. I. 2021, *Artificial Intelligence and criminal law*, Prospect, Moscow.

Kovalev, V. 2008, "Why technology breaks down", or what is the forgotten concept of "reliability", *Components and technologies*, iss. 4, pp. 19–22.

Korobeev, A. I. & Chuchaev, A. I. 2018, 'Unmanned vehicles equipped with artificial intelligence systems: problems of legal regulation', *Asia-Pacific region: economics, politics and law*, iss. 3, pp. 117–132.

Mosechkin, I. N. 2020, *Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation*, Vyatka State University, Kirov.

Laptev, V. A. 2019, 'The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work', *Law. Journal of the Higher School of Economics*, iss. 2, pp. 79–102.

Liu Hin-Yan, 2017, 'Irresponsibilities, inequalities and injustice for autonomous vehicles', *Ethics and Information Technology*, iss. 19(3), viewed 21 August 2021, https://www.researchgate.net/publication/319239390_Irresponsibilities_inequalities_and_injustice_for_autonomous_vehicles.

Boyarkin, A. n.d., *Predictive analytics: benefits, tools and examples*, viewed 21 August 2021, <https://sales-generator.ru/blog/prediktivnaya-analitika/#3>.

Bruskin, S. N. 2017, 'Predictive analytics models and tools for a digital corporation', *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, iss. 5, pp. 135–139.

Mikhail Aleksandrovich Nekrasov, PhD (Law), associate professor of the department of theory of state and law and international law of the law institute, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, e-mail: m.a.nekrasov@gmail.com;

Boris Pavlovich Kozachenko, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of penal law at the Institute of the Academy of the FPS of Russia, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: boriskozachenko.55@mail.ru;

Gennadiy Leonidovich Minakov, PhD (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, associate professor of the department of criminal law of the Law Institute, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation, e-mail: gennadiy_minakov@mail.ru

MANDATORY STATE GENOMIC REGISTRATION AND ITS ROLE IN THE PREVENTION, DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Recommended citation

Nekrasov, M. A., Kozachenko, B. P. & Minakov, G. L. 2021, 'Mandatory State genomic registration and its role in the prevention, disclosure and investigation of crimes', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 474–484, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.474-484.

Abstract. The article is devoted to the problematic aspects of mandatory genomic registration of citizens. It analyzes domestic practice and foreign experience of some countries in this area. The provisions of international acts during its implementation are investigated; some proposals for changing Russian legislation in order to improve the procedure for genetic fingerprinting of persons sentenced to criminal penalties are presented.

Keywords: mandatory state genomic registration, personal data, genetic fingerprinting, liability of convicted persons to criminal penalties, international acts and standards.

References

Lokk, D. 1988, 'Two treatises on governance', in Lokk, D., *Essays*, in 3 vols, vol. 3, Mysl, Moscow.

Stammler, R. 1902, *Die Lehre von dem richtigen Rechte*, Jurisprudence, Berlin.

Ebzeev, B. S. 2007, *The personality and the state in Russia: mutual responsibility and constitutional duties*, Norma, Moscow.

Tiihonen, J., Rautiainen, M., Ollila, H. & Repo-Tiihonen, E. 2015, 'Genetic background of extreme violent behavior', *Mol Psychiatry*, vol. 20, pp. 786–792.

Tarantul, V. 2003, *The human genome: an encyclopedia written in four letters*, Moscow.

Perepechina, I. O. 2017, 'The effectiveness of DNA analysis in the detection and investigation of crimes', *Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia*, iss. 2, pp. 80–81.

Coghlan A. 2017, 'Kuwait's plans for mandatory DNA database have been cancelled', *New Scientist*, October 9.

Aleksey Alekseevich Chistyakov, Sc.D (Law), Professor, professor of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Law Institute, Peoples' Friendship University of Russia; professor of the department of private law of the Institute of Public Administration and Law, State University of Management, Moscow, Russian Federation, e-mail: sauber60@yandex.ru;

Eleonora Yur'evna Badal'yants, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal law and humanitarian disciplines, Witte Moscow University (Ryazan Branch), Ryazan, Russian Federation, e-mail: kafupikr2011@mail.ru

CRIMINAL-LAW MEASURES TO COMBAT THE SPREAD OF EPIDEMICS AND PANDEMICS

Recommended citation

Chistyakov, A. A. & Badal'yants, E. Yu. 2021, 'Criminal-law measures to combat the spread of epidemics and pandemics', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 485–491, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.485-491.

Abstract. The article deals with the problem of criminal law counteraction to the spread of epidemics and pandemics. The domestic experience in this field is analyzed and the peculiarities of modern criminal legislation in terms of regulating liability for violation of sanitary and epidemiological rules in the conditions of the COVID-19 pandemic and for the dissemination of fake information about the pandemic and vaccination are revealed. The necessity of further scientific research in the field of criminal law combating pandemics and improving criminal legislation is determined.

Keywords: infection, coronavirus infection, pandemic, sanitary and epidemiological rules, fake information, epidemic, COVID-19.

References

Dorofeeva, V. V. 2019, 'Fake news in the modern media space', *Questions of theory and practice of journalism*, vol. 8, iss. 4, pp. 774–786.

'Tightening of criminal liability in connection with the spread of COVID-19' n.d., *Branch of the Limited Liability Partnership Brian Cave Leighton Peisner (Russia) LLP in Moscow*, viewed 10 June 2021, <https://bclplaw.ru/actual/legal/88298/>.

'In China people will be punished for intentional infection with coronavirus' 2020, *RIA Novosti*, 30 January, viewed 10 June 2021, https://ria.ru/20200130/1564038777.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

Rastoropov, S. V. 2006, *Criminal-legal protection of human health from criminal encroachments*, 2nd edn, Law Center Press, St. Petersburg.

Ozhegov, S. I. 2007, *Dictionary of the Russian language*, L. I. Skvortsov (ed.), 24th edn, Onyx, Peace and education, Moscow.

'Report on the current situation in the fight against coronavirus (14.06.2021)', *Communication Center of the Government of the Russian Federation*, viewed 15 June 2021, https://стопкоронавирус.рф/ai/html/3/attach/2021-06-14_coronavirus_government_report.pdf.

Shkabin, G. S. 2020, 'The COVID-19 pandemic as a source of danger when it is absolutely necessary', *Bulletin of the Moscow State Regional University, Series Jurisprudence*, iss. 3, pp. 40–50.

ABROAD

Musa Gumbat ogly Gumbatov, Deputy Head, Probation Service of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan, Baku, Republic of Azerbaijan, e-mail: gumbatovmusa@mail.ru

ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF THE PROBATION SERVICE IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN AND ITS FURTHER DEVELOPMENT

Recommended citation

Gumbatov, M. G. 2021, 'Organization of the activities of the Probation Service in the Republic of Azerbaijan and its further development', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 492–496, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.492-496.

Abstract. The article discusses measures to organize the activities of the Probation Service in the Republic of Azerbaijan, indicates the prospects for its development.

Keywords: probation, punishments without isolation of the convicted person from society, means of electronic control, Code for the Execution of Punishments, the Republic of Azerbaijan.

References

Gumbatov, M. G. 2018, 'Novelties in the legislation of the Republic of Azerbaijan related to criminal punishment in the form of public works', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 2, pp. 217–221.

Gumbatov, M. G. 2018, 'Punishments in the form of restriction of freedom in the Republic of Azerbaijan', in *Theoretical and practical problems of the development of the penal system in the Russian Federation and abroad: a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference (Ryazan, November 28–29, 2018)*, in 8 vols, vol. 1, *Materials of the plenary session*, pp. 196–209, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Gumbatov, M. G. 2019, 'Probation in the Republic of Azerbaijan and prospects for its development', *Penal law*, vol. 14 (1–4), iss. 2, pp. 172–173.

Gumbatov, M. G. 2020, 'Probation in the Republic of Azerbaijan: first results and development prospects', *International penitentiary journal*, vol. 2 (1–3), iss. 1, pp. 46–52.

Gumbatov, M. G. 2020, 'Application of electronic means of control over the execution of sentences in the Republic of Azerbaijan', in *The penal system at the present stage and prospects for its development: a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference (Ryazan, November 18–19, 2020)*, in 6 vols, vol. 1, *Materials of the All-Russian round table with international participation "Problems of criminal responsibility and punishment"*, pp. 52–57, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

TIME LENS

Yuriy Arsenovich Reent, Sc.D (History), Professor, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, professor of the department of philosophy and history, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-8378-6106, e-mail: reent2@yandex.ru

CRIMINAL STRATIFICATION IN RUSSIAN PRISONS IN THE XX CENTURY

Recommended citation

Reent, Yu. A. 2021, 'Criminal stratification in Russian prisons in the XX century', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 497–509, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4). 4.497-509.

Abstract. The article contains an overview of informal but stable socio-criminal groups' characteristic of Russian prison institutions in the socio-political and temporal space of the twentieth century, as well as features of internal relations between prisoners. It is emphasized that such a study will be far from complete without clarifying the patterns in the relations of employees of state structures and representatives of society to the carriers of the prison subculture, as well as to the activities of law enforcement officers in general and penitentiary institutions in particular. This is due to the fact that the criminal subculture has long gone beyond penitentiary institutions, penetrating into various social groups, where conditions are often formed for its further spread. Thus, the object of the study is the special content of places of deprivation of liberty, the totality of values, customs, traditions, norms and rules of behavior of convicts implemented there within the framework of informally established social groups. The purpose of this work is to identify and compare the features of the criminal and prison subculture, the division of convicts into informal, but stable social strata. The study of emerging social strata and groups in prison institutions was preceded by a study of the subculture of criminal communities. The "pioneers" of this scientific direction were sociologists R. Merton, C. G. Jung and others. A. Cohen holds the primacy in developing the concept of subcultures based on the analysis of specific behavioral features of criminal associations. As for the studies of the behavior of various social groups within the prison communities of the Russian Empire within the framework of historical disciplines, V. M. Doroshevich, P. F. Yakubovich, S. V. Maksimov, G. N. Breitman, M. N. Gernet, other scientists and publicists made a significant contribution to them. By the beginning of the twentieth century, an integral structure of social groups differentiated by property, professional, educational, national and class characteristics had already been formed in the developing bourgeois-monarchical state. This was reflected in the identification of new socio-criminal strata with a scale of specific relationships and goals. The collapse of the monarchy and the establishment of Soviet power made significant adjustments to the characteristics of criminal groups sentenced to imprisonment. A serious turning point occurred in the 1930s in connection with the completion of the transformation of the prison system into a correctional labor system. The years of the Great Patriotic War and the socio-political conditions of the post-war period finally destroyed the old social structures of the prison world, but did not destroy them, but only significantly modified them.

Keywords: Russian history, penitentiary system, prison subculture, criminal stratification, Russia in the twentieth century.

References

- Abramkin, V. & Chesnokova, V. 1991, 'Prison castes', *Novoe vremya*, iss. 28, pp. 32–38.
- Anisimkov, V. M. 1998, *Criminal subculture*, Ufa Law Institute, Ufa.
- Barabanov, N. P. 2017, 'Criminological and psychological aspects of criminal ideology and lifestyle in the criminal subculture of convicts', *Man: crime and punishment*, vol. 25(1–4), iss. 2, pp. 177–182.
- Breytman, G. N. 1901, *The criminal world: essays from the life of professional criminals*, Printing house of the provincial government, Kiev.
- Bukovskiy, V. I 1990, *The wind is coming back... Letters of a Russian traveler*, Democratic Russia, Original, Moscow.
- All about the leader of "Izmailovsky" Anton Malevsky*, viewed 23 June 2021, <https://fsin-pismo-gid.ru/istoriya/vse-o-lidere-izmajlovskih-antone-malevskom>.
- Dmitriev, Yu. A. & Kazak, B. B. 2007, *Penitentiary psychology*, Feniks, Rostov-on-Don.
- Doroshevich, V. M. 1903, *Sakhalin (penal servitude)*, vol. 1, I. D. Sytin's Tovarishchestvo, Moscow.
- 'A letter from prisoner O. Zhukov to K. E. Voroshilov about the reorganization of the camp system', *State Archive of the Russian Federation*, Form 7523, Inventory list 85, Case 253, Sheets 42–73.
- Il'chenko, S. & Lyutykh, S. 2021, "'Monsters were falling into the cell". In a Russian prison, you can learn about the people, but you need to take lard with you', *LENTA.RU*, 6 June, viewed 18 June 2021, <https://lenta.ru/articles/2018/06/06/turma/>.
- Reent, Yu. A. 2013, History of the penal system and justice bodies of Russia, G. A. Kornienko (ed.), 2nd edn, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
- Krasnov-Levitin, A. E. n.d., *The warm of your hands. Memories*, vol. 2, viewed 18 February 2021, <https://azbyka.ru/fiction/ruk-tvoix-zhar-krasnov-levitin/>.
- 'Brief description of the penal system of the Russian Federation' 2021, *Official website of the FPS of Russia*, viewed 14 June 2021, <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.
- Kuz'min, S. I. & Yakushina, E. S. 2020, 'Hierarchical structure in the criminal community', *Penitentiary science*, vol. 14, iss. 1, pp. 18–24.
- Kutyakin, S. A. 2008, *Organization of criminal opposition in the Russian penal system*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
- Nasedkin, V. G. 1994, 'Lecture by the head of the GULAG V. G. Nasedkin, intended for students of the Higher School of the NKVD of the USSR', *Historical Archive*, iss. 3, pp. 60–86.
- Maksimov, M. M. 1861–1862, *Essays*, vol. 1, Printing house of K. Anders, Moscow.
- Lushin, A. I. 2003, 'On the issue of human rights defenders' assessment of the Soviet penal system', *History of State and law*, iss. 4, pp. 40–47.
- 'Proposals to the Commission on drafting a new Criminal Code' 2000, in A. I. Kokurin, N. V. Petrov (comp.), *GULAG, 1917–1960*, pp. 235–245, Demokratiya, Moscow.
- 'Order of the All-Russian Emergency Commission on the "red terror"' 2000, in A. I. Kokurin, N. V. Petrov (comp.), *GULAG, 1917–1960*, pp. 14–16, Demokratiya, Moscow.
- Reent, Yu. A. 2009, 'Socio-psychological features of criminal stratification among convicts in Russia', *Applied legal psychology*, iss. 3, pp. 4–14.
- Rossi, Zh. 1991, *Handbook about GULAG*, vol. 2, pp. 264–548, Prosvet, Moscow.

Semenova, O. V. 2016, 'Civil society and the state: specifics of interrelation and interaction', in *State and Law: evolution, current state, development prospects (towards the 300th anniversary of the Russian police): Materials of the International Scientific and Theoretical Conference*, in 2 vols, vol. 1 pp. 134–138, St. Petersburg University of the MIA of Russia, St. Petersburg.

The prison world through the eyes of political prisoners 1993, Sodeystvie, Moscow.

Uvarov, I. A. 2013, 'Criminality of convicts as a manifestation of social dysfunction of penitentiary prevention', *Penal law*, iss. 2, pp. 112–115.

Tulegenov, V. V. 2009, 'Stratification of prisoners (experience of systematization)', *Man: crime and punishment*, iss. 1(64), pp. 136–138.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Aleksandr Alekseevich Ildzhev, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of administrative law, administrative activity and management of the department of internal affairs, Kazan Law Institute of the MIA of Russia, Kazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-6624-7688, e-mail: ilidsasha@yandex.ru

CRIMINAL-LEGAL ASPECTS OF DETERMINING THE ACTUAL TOTALITY OF CRIMES AND ITS REFLECTION IN THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**Recommended citation**

Ildzhev, A. A. 2021, 'Criminal-legal aspects of determining the actual totality of crimes and its reflection in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 510–518, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.510-518.

Abstract. The article examines the legal nature of one of the types of multiplicity of crimes – the totality of crimes, the conceptual and terminological analysis of this criminal legal category is carried out. The article provides a comparative legal analysis of the provisions of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the institution of a set of crimes and the elements of crimes provided for in the Special Part, which in essence may constitute a set of crimes. The purpose of the study is to develop various elements of the theoretical and legal model of the totality of crimes in criminal law and proposals for improving the practice of their implementation. The object of the study is the institute of the totality of crimes as a criminal legal structure. The research methodology is based on the dialectical method of cognition. Solving certain tasks, other research methods are also used in the work, in particular, comparative legal, system-structural, legal modeling, linguistic. The concept of a set of crimes is defined and it is stated that the place of its reflection is the General part of the Criminal Code of the Russian Federation. Taking into account the different points of view in the theory of criminal law, it is justified that the Special part of the Code provides for the actual totality of crimes, its definition is given. The article proposes the appropriate rules for determining the prescriptions of a Special part of the criminal legislation, which represent the actual totality of crimes. The author critically assesses the provision of Part 1 of Article 17 in terms of the exclusion provided for by it of cases when the commission of two or more crimes is provided for in the articles of the Special Part as a circumstance entailing a more severe punishment and suggests removing it from the criminal law. When determining the norms of a Special part of criminal legislation reflecting the actual totality of crimes, it is proposed to use the method of mental exclusion from the criminal law of the relevant regulations on any of the crimes. In the course of the analysis, when determining the actual totality of crimes, it is proposed to classify it into three forms: the actual real totality of crimes, reflected through such criminal concepts as "the use of violence or threats of its use", "the use of violence", "conjugacy", "penetration into the home", "seizure, concealment or destruction of identity documents of the victim", "use of forged documents", "causing serious harm to health", "systematic", "damage or destruction"; the actual ideal totality, represented through such constructions in the criminal law as "death of the victim, causing serious harm

to health, other grave consequences", "destruction of objects of special historical, scientific, artistic or cultural value", "grave consequences"; both types of the actual totality of crimes reflected in the commission of an act against two or more persons. The author, applying the methodology proposed by him for identifying the actual totality in the norms of the Special Part, identified and justified, in his opinion, an exhaustive list of compositions that represent, through appropriate criminal legal constructions, one or another form of the actual totality of crimes. In the work, taking into account the analysis of the provisions of both the General and Special parts of the criminal law, the rules for the qualification of the actual totality of crimes are proposed.

Keywords: multiplicity, actual totality, reflection, construction, qualification, prescription.

References

Malkov, V. P. 2006, *Multiplicity of crimes: essence, types and legal significance*, Taglimat, Kazan.

Encyclopedia of Criminal Law 2005, vol. 3, The concept of crime, Edition of Professor Malinin, St. Petersburg.

Chernenko, T. G. 2007, *Multiplicity of crimes under Russian criminal law*, Kuzbassvuzizdat, Kemerovo.

Korotkikh, N. N. 2016, *Theoretical and applied problems of the doctrine of the multiplicity of crimes: criminal law and penal research*, Urlitinform, Moscow.

Murashov, N. F. 2018, *The totality of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation*, Urlitinform, Moscow.

Kuznetsova, N. F. & Tyazhkova, I. M. 2002, *Criminal Law Course*, in 5 vols, vol. 1, The general part. The doctrine of crime, Zertsalo-M, Moscow.

Sadovnikova, O. A. 2008, *Sentencing for a set of crimes: problems of theory and practice*: PhD thesis (Law), Volgograd.

Inogamova-Khegay, L. V. 2005, 'The totality of crimes: problems of qualification', *Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the II International Scientific and Practical Conference*, pp. 112–114, Prospekt, Moscow.

Korneeva, A. V. 2013, *Theoretical foundations of the qualification of crimes*, Prospekt, Moscow.

Makarov, S. 2005, 'Changing the criminal law: time to correct mistakes', *Criminal law*, iss. 2, pp. 44–46.

Frolov, A. S. 2008, 'An exception to the rule about the totality of crimes', in *Countering crime: criminal law, criminological and penal aspects: materials of the III Russian Congress of criminal law*, pp. 154–157, Prospekt, Moscow.

Engel'gardt, A. A. 2012, 'The commission of two or more crimes in the absence of totality', *Criminal law*, iss. 3, pp. 79–82.

Gulieva, N. B. 2006, *Composite crimes in Russian criminal law*: PhD thesis (Law), Tomsk.

Kozlov, A. V. 2006, *Responsibility for a set of crimes: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Blagov, E. V. 2009, *Qualification in the commission of a crime*, Urlitinform, Moscow.

Zatsepin, A. M. 2016, *Additional qualification of the crime: general and special issues*, Prospekt, Moscow.

Blagov, E. V. 2018, 'On the problem of reflecting the multiplicity of crimes in a Special part of criminal legislation', in *Criminal Law: development strategy in the XXI century: materials of the XV International Scientific and Practical Conference*, pp. 189–192, RG-Press, Moscow.

Salikhov, Sh. S. 2005, *Problems of multiplicity of crimes in the qualification of murders: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Kalinina, T. A. 2005, *Forms and types of a single crime and their differentiation from the multiplicity of crimes: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Kuznetsova, N. F. 2007, *Problems of crime qualification: lectures on the special course "Fundamentals of crime qualification"*, Gorodets, Moscow.

Duyunov, V. K. & Khlebushkin, A. G. 2018, *Qualification of crimes: legislation, theory, judicial practice*, RIOR, INFRA-M, Moscow.

Dosaeva, G. S. 2014, 'On the question of the multiplicity of crimes', *Russian Justice*, iss. 10, pp. 18–21.

Groshev, A. V. 2015, *Actual problems of criminal law*, Prospekt, Moscow.

Molchanov, D. M. 2000, *The totality of crimes: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Yu. 2006, *Explanatory dictionary of the Russian language*, 4th edn, TEMP, Moscow.

Andrey Vladimirovich Zvonov, PhD (Law), Associate Professor, head of the department of criminology and organization of crime prevention, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation; associate professor of the department of criminal law disciplines of the Law Institute, Stoletovs' Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, ORCID 0000-0002-9591-6286, e-mail: zvonov_av@mail.ru;

Sergey Aleksandrovich Khokhrin, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the Institute of the Academy of the FPS of Russia at the department of criminal law, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0002-0900-1195, e-mail: hohrinsa@yandex.ru

CRIME PREVENTION MEASURES FOR EMPLOYEES OF SECURITY UNITS

Recommended citation

Zvonov, A. V. & Khokhrin, S. A. 2021, 'Crime prevention measures for employees of security units', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 519–525, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.519-525.

Abstract. The publication focuses on measures to prevent the crime of employees of security units, which are a complex mechanism. The application of these measures is characterized by various social, legal issues and problems. The solution of the latter is possible only with the help of a complex of various measures, including: methods of control and selection of persons who are employed in the penal system; initial training, exclusion of the possibility of using forged documents on the level of education when applying for employment in penitentiary institutions; organization of interaction with various law enforcement agencies to study candidates for service; identification of the existence of facts of administrative offenses on the part of existing employees. The article focuses on the problematic issues of working with young employees, the need to improve the level of work of mentors, for which various ways of stimulating this work are justified. The authors believe that improving the recruitment of employees, mentoring young employees, interacting with law enforcement methods, creating a unified database for graduates of educational organizations in order to control their diplomas will allow us to develop a number of measures to prevent crimes committed by employees of security departments.

Keywords: employees of security departments, criminology, crime, penitentiary crime, crime prevention measures.

References

Mukhortov, S. N. 2004, *Prevention of official crimes committed by employees of the criminal police service*, Samara Institute of Business and Management, Samara.

Maksimova, L. O. 2003, *Goal-setting in the management of internal affairs bodies: theoretical and organizational-legal aspects: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Varygin, A. N. 2003, *Criminality of employees of the internal affairs bodies and the problems of influencing it: PhD thesis (Law)*, Saratov.

Stolyarenko, A. M. (ed.) 2001, *Applied Legal Psychology*, UNITY, Moscow.

Sobolev, N. G. 2007, *Psychological support for the adaptation of graduates of higher educational institutions to service in the penitentiary system of the FPS of Russia: PhD thesis (Psychology)*, Vologda.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Galina Ivanovna Aksenova, Sc.D (Psychology), Professor, professor of the department of general psychology, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0003-1391-5878, e-mail: polinaax@mail.ru;

Polina Yur'evna Aksenova, PhD (Psychology), senior lecturer of the department of psychology of professional activity in the penal system, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000-0001-5276-9792, e-mail: polinaax@mail.ru;

Vladislava Nikolaevna Dvoynishnikova, psychologist of pretrial detention center-1, Federal Penitentiary Service of Russia for St. Petersburg and Leningrad region, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID 0000-0002-2639-8454, e-mail: so.apu@yandex.ru

AN EMPIRICAL STUDY OF THE PSYCHOLOGICAL STABILITY OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM TO STRESSFUL SITUATIONS

Recommended citation

Aksenova, G. I., Aksenova, P. Yu. & Dvoynishnikova, V. N. 2021, 'An empirical study of the psychological stability of employees of the penal system to stressful situations', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 526–538, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.526-538.

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the psychological stability among employees of the penal system to stressful situations. The relevance of this study is due to the fact that a large number of stressful situations in the life of employees of the penal system and the inability to overcome them leads to a number of socio-economic and socio-psychological consequences: staff turnover, incomplete and untimely fulfillment of tasks, reduced job satisfaction, deformation of personal and characterological qualities of employees, etc. The effectiveness of the functioning of the penal system as a whole depends on the level of psychological stability of the employees of the penal system to stressful situations. The sample of subjects consisted of 54 employees of the security department of the pretrial detention Center-1 of the FPS of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region, which were divided by the length of service in the penal system up to 10 years and more than 10 years. The article describes the levels and features of the development of psychological resistance to stress among employees of the penal system in different periods of service. The analysis of the results of the empirical study allowed us to draw the following conclusions: 1) employees of the penal system with more than 10 years of service experience are more stable in conflict situations, easier to tolerate situations of temporary restriction of interpersonal contacts, have positive self-esteem, are more stable in situations of uncertainty and monotony, are able to make appropriate decisions in conditions of time shortage and other external factors; 2) employees of the penal system with service experience of up to 10 years are less able to tolerate the influence of external factors, are more easily involved in possible conflict situations, assessments of a possible threat; information saturation occurs faster, monotonous activities can leave a certain imprint on their emotional state; dramatically changing conditions can have a significant impact on the emotional state of these employees. Thus, the following patterns were identified: there are significant differences in psychological stability among employees of the penal system with

different service experience; there is a relationship between resistance to stress and personal adaptive potential among employees of the penal system.

Keywords: psychological stability, stress, employee of the penal system, professional activity, personal adaptive potential of employees of the penal system, psychological stability of employees of the penal system to stressful situations.

References

Aksenova, G. I., Aksenov, A. A. & Aksenova, P. Yu. 2017, 'Technology of formation of the motive for choosing a profession "psychologist of the penal system"', in *III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (on the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017)*, in 8 vols, vol. 4, *Materials of the International Scientific and Practical Conference "Educational, social and psychological work in the penal system"*, part 1, pp. 7–11, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Aksenova, G. I., Aksenova, P. Yu. & Kuptsov, I. I. 2018, 'The problem of personality adaptation in foreign psychology', *Applied legal psychology*, iss. 4(45), pp. 6–11.

Aksenova, G. I. & Aksenova, P. Yu. 2016, 'Cadet in the educational environment of the university: the development of subjectivity', in *Pedagogical education: Challenges of the XX century: materials of the VII International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Academician V. A. Slasterin*, pp. 116–118, Voronezh.

Aksenova, G. I. & Aksenova, P. Yu. 2016, 'Development of cadets' adaptation in the educational environment', *Applied legal psychology*, iss. 4(37), pp. 12–18.

Aksenova, G. I., Kuptsov, M. I. & Aksenova, P. Yu. 2017, 'Subjectivity of students as a means of formation of antifragility of higher education', *Applied legal psychology*, iss. 4(37), pp. 6–12.

Arshinova, V. V. 2007, *Psychological stability as a factor in the formation of an anti-drug attitude in the development of personality: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.

Katunin, A. P. 2012, 'Stress resistance as a psychological phenomenon', *Young scientist*, iss. 9, pp. 243–246.

Li Kang Khi 2005, *Socio-psychological technologies for the formation of human stress resistance: PhD thesis (Psychology)*, Moscow.

Litvintsev, S. V. 1995, Methodological aspects of assessing the neuropsychic stability of military personnel, Military Medical Academy, St. Petersburg.

Lozgacheva, O. V. 2004, *Formation of stress resistance at the stage of professionalization: PhD thesis (Psychology)*, Ekaterinburg.

Nina Alekseevna Tyugaeva, Sc.D (Pedagogy), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ninatiugaeva@yandex.ru

ADAPTATION OF CONVICTS TO THE CONDITIONS OF SERVING THEIR SENTENCES: PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECT

Recommended citation

Tyugaeva, N. A. 2021, 'Adaptation of convicts to the conditions of serving their sentences: psychological and pedagogical aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 539–548, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.539-548.

Abstract. The ongoing state policy in the sphere of activity of the penal system has allowed: firstly, to more actively apply a new type of punishment, alternative to imprisonment – forced labor; secondly, to reduce the number of persons held in the bodies and institutions of the penal system; thirdly, to update the scientific problems of adaptation and resocialization of convicts; fourthly, to intensify the creation of conditions for persons serving sentences not related to isolation from society, as well as those not related to detention, for successful adaptation in society after release; fifthly, to justify the need to create a system of resocialization and social adaptation. The article considers the results of theoretical and practical research on one of the aspects of the identified issues: socio-pedagogical adaptation of convicts to the conditions of serving sentences. Of all the variety of scientific research methods, special attention is paid to the following: analysis and synthesis of information obtained from scientific sources; study of practice and constructive use of personal experience; expert assessment; focus group; content analysis; conversation; survey. The author's appeal to the scientific construct of convicts' adaptation to the conditions of serving sentences is justified by the challenges facing the penal system and the increased urgency of the problem of adaptation of convicts during the period of serving sentences and successful resocialization in society after release. What is new in the article is the interpretation of the concept of "adaptation" from the standpoint of pedagogical psychology. The purpose of the article is to present the information obtained during the research and tested during the discussion, as well as to assist cadets, adjuncts and practitioners in their cognitive and research activities.

Keywords: adaptation, perceptual-reflexive process, correction, readaptation, adaptability.

References

- Belonavskiy, S. A. 2001, *Focus group method*, Magistr, Moscow.
- Mel'nikova, O. T. 2007, *Focus groups: methods, methodology, modeling*, Aspekt Press, Moscow.
- Tyugaeva, N. A. 2019, 'Teaching methods and psychological and pedagogical technology: essence, development, trends', *Man: crime and punishment*, vol. 27 (1–4), iss. 3, pp. 366–379.
- Selye, H. 1960, *Essays on the adaptation syndrome*, Medgiz, Moscow.
- Piaget, J. 1969, *Selected psychological works*, Prosveshchenie, Moscow.
- Struchkov, N. A. & Pirozhkov, V. F. 1970, 'Social adaptation of convicts', *To a new life*, iss. 3.
- Shmarov, I. V. 1974, *Prevention of crimes among those released from punishment*, Legal literature, Moscow.

Selivanov, V. I. 1968, 'Relationship in small groups and volitional activity of the personality', in *Materials of the III All-Union Congress of the Society of Psychologists*, vol. 3, iss. 1.

Klimov, E. A. 1967, 'Typological differences in adaptation to extreme conditions of diagnostic experiment', *Scientific notes of the Perm Pedagogical Institute*, vol. 48, iss. 4.

Teplov, B. M. 1961, *Problems of individual differences*, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, Moscow.

Shibutani, T. 1969, *Social psychology*, Progress, Moscow.

Miloslavova, I. A. 1974, 'Adaptive situation and adaptive need in the field of "personality – social environment"', in *Materials of the I All-Union Conference*, Tbilisi.

Pavlov, I. P. 1951, *The Complete Works*, 2nd edn, vol. 2, USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad.

Myagchenkov, S. V. 1973, *Problems of re-education of working youth with deviations in moral development: PhD thesis (Pedagogy)*, Moscow.

Marx, K. & Engels, F. 1954, *The Complete Works*, 2nd edn, vol. 23, Gospolitizdat, Moscow.

Minster, M. V. 2019, 'Some conditions that contribute to the commission of recidivism of crimes by women', *Man: crime and punishment*, vol. 27 (1–4), iss. 3, pp. 343–351.

Tat'yana Petrovna Skripkina, Sc.D (Psychology), Professor, leading researcher of the research department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation; head of the department of social psychology, Professor of the State University of Management, Moscow, ORCID 0000-0002-3605-847X, e-mail: skripkinaurao@mail.ru;

Ol'ga Nikolaevna Mazeina, PhD (Psychology), Head of the Faculty of Law Enforcement, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, e-mail: olly1309@yandex.ru

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL CORRECTION OF CONVICTED JUVENILES

Recommended citation

Skripkina, T. P. & Mazeina, O. N. 2021, 'Features of psychological correction of convicted juveniles, *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 549–556, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.549-556.

Abstract. Folk wisdom says: "If you think about tomorrow – sow grain, if for 10 years ahead – plant a forest, if for 100 years – raise children". The upbringing of children has always been a complex process, there have always been problems and difficulties associated with the objective difficulties of upbringing as a pedagogical process in the implementation of pedagogical ideas. The realities of modern life are such that at the present stage of development of society there is a change of value orientations, children, due to new hobbies, experience alienation from their immediate environment, which increases social loneliness. Previously known parenting models turn out to be ineffective, so child crime is growing. In addition, the life of teenagers before committing a crime in most cases took place under conditions of psycho-emotional tension, stress, the consequence of which were various forms of deviations that led to the commission of crimes. Because of this, this category of criminals needs adequate (according to age, life situation, behavioral patterns, criminal experience, etc.) psychological assistance, individual psychocorrective measures, improving the effectiveness of corrective action. In the article, the authors consider the concept of "psychological correction", "psychological correction of convicts" in the interpretations of various scientists and generalize these concepts. They focus on the levels of conduct of the behavior of the psycho-correction process, taking into account the achievement of one of the goals of the penal policy – the creation of conditions for the correction of convicts. The authors believe that when conducting psychological corrective measures with juveniles, psychologists need to take into account a variety of interrelated and interdependent factors of deviation of convicted juveniles, as well as external and internal conditions and problems of personality formation and development before conviction and the available external and internal resources for subsequent rehabilitation. The authors define the tasks of carrying out psychocorrective measures, classify these measures, consider various approaches to their implementation, identify strategies for their implementation.

Keywords: correction, psychocorrection, psychological correction, psychological intervention, psychocorrection impact, psychocorrection measures, psychocorrection work, psychocorrection process, psychocorrection technologies, psychocorrection programs.

References

Artyukhova, T. Yu. & Shelkunova T. V. 2019, *Psychocorrection and psychotherapy*, Siberian Federal University, Krasnoyarsk.

Baburin, S. V. 2017, 'Features of the nature of deviant behavior of young students', *Applied legal psychology*, iss. 2(39), pp. 69–72.

Grigor'eva, A. A., Afonina, Yu. S. & Kabanova, T. N. 2018, 'Criminalization of juveniles as a problem of modern society (psychological, socio-psychological and clinical-psychopathological factors)', *Applied legal psychology*, iss. 4(45), pp. 49–59.

Debol'skiy, M. G. & Kokurin, A. V. 2005, 'The current state and main directions of improving psychocorrective work with convicts', in *Psychocorrection technologies in the work of penitentiary psychologists: collection of materials of psychologists of the penal system*, The Main Department of punishments execution of the Ministry of Justice of Russia, Research Institute of the penal system, The Main Department of punishments execution of the Ministry of Justice in the Primorsky Territory, Moscow.

Degtyareva, O. L. 2017, 'The influence of the microsocium on the formation of the personality of a juvenile offender', *Applied legal psychology*, iss. 2(39), pp. 95–101.

Zlobin, Yu. D. 2005, *Psychological correction of personality: tasks, approaches, techniques*, vol. II, South Ural State University, Chelyabinsk.

Nemov, R. S. 2001, *Psychology*, 4th edn, in 3 vols, vol. 3, Vladost, Moscow.

Novikov, A. V. & Slabkaya, D. N. 2021, 'Psychocorrective work with convicts who exhibit aggressive and destructive forms of behavior', *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*, vol. 10, iss. 1A, pp. 146–152.

Karvasarskiy, B. D. 2006, *Psychotherapeutic encyclopedia*, 3rd edn, Piter, St. Petersburg.

Spivakovskaya, A. S. 2000, *Psychotherapy: play, childhood, family*, Aprel Press, EKSMO-Press, Moscow.

Ushkov, F. I., Kolesnikova, N. E., Makarkina, O. E., Dvoret'skiy, D. A., Krasnyanskaya, I. I. & Chugaeva, V. V. 2017, *Technologies of socio-psychological support of juvenile convicts serving sentences without isolation from society*, N. E. Kolesnikova (ed)., Pskov Branch of the Academy of the FPS of Russia, Pskov.

Shimanskaya, O. A. & Klimova, O. M. 2012, *Psychology of juvenile offenders*, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk.

Mikhail Ivanovich Kuznetsov, PhD (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru;

Aleksey Alekseevich Romanov, Sc.D (Pedagogy), Professor, professor of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.a.romanov54@gmail.com

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE EFFECTIVENESS OF GENERAL EDUCATION OF JUVENILES IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Kuznetsov, M. I. & Romanov, A. A. 2021, 'Psychological and pedagogical conditions for the effectiveness of general education of juveniles in institutions of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 557–565, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.557-565.

Abstract. The article considers a range of issues related to the organization of general education for juveniles in institutions of the penal system, describes the current state and prospects for improving the psychological and pedagogical conditions of such training. Proper functioning of educational systems based on the principles of humanization, democratization and modernization search is the basis of sustainable development of modern society. General education takes a special place in correcting the personality of a convicted person, especially a juvenile. The education of persons in places of deprivation of liberty has a beneficial effect on them: it promotes their fuller self-realization in a difficult penitentiary life situation, helps to satisfy their legitimate interests and needs objectively limited in conditions of detention, stimulates law-abiding behavior, positive personal development and the elimination of criminogenic determinants. Creating favorable conditions for the mental, moral, creative and physical development of each student, teaching them self-control and self-education skills, ensuring a high methodological level of conducting all types of classes based on the introduction of new technologies, improving the professional competence of teachers are priority tasks of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. The social and personal importance of education for juvenile convicts, suspects and accused is constantly increasing, it involves the search and use of new effective technologies, work with educational information, electronic and telecommunication means at all its stages of organization. At the same time, an individual pace of learning, continuous (even contactless) communication, self-control and control over the course of step-by-step learning, the quality of mastering knowledge and skills, as well as the formation of specified competencies are necessary.

Keywords: the penal system, juvenile convicts, general education, psychological and pedagogical conditions.

References

- Andreev, A. L. 2008, *Russian education: socio-historical contexts*, Nauka, Moscow.
- Romanov, A. A. & Zavrazhin, S. A. (eds) 2006, *Education of juveniles with deviant behavior: history, theory, experience*, Russian State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.
- Danilin, E. M. & Davydova, N. V. 2015, 'Education is a means of juvenile convicts correction', *Law and education*, iss. 9, pp. 68–73.

Women's correctional institutions: time of reforms: a collection of materials of the All-Russian seminar "Reform of the system through the reform of consciousness" of the heads of women's correctional and educational colonies (Krasnodar, April 2–3, 2001) 2001, Esla, Moscow.

Zavrashin, S. A. 2008, *Phenomenology of deviant behavior (selected works)*, VSHU, Vladimir.

Kuznetsov, M. I. 2019, 'Educational work with juveniles in pretrial detention centers of the FPS of Russia', *Addictions prevention*, iss. 2(18), pp. 128–132.

Trofimov, V. Yu. (comp.) 2009, *Experience of work with juvenile convicts of educational colonies, suspects and accused held in pretrial detention centers*, Research Institute of the FPS of Russia, Moscow.

Romanov, A. A. (ed.) 2005, *Prevention of deviant behavior among teenage girls. Evidence. Concepts. Problems*, Russian State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.

Romanov, A. A. 2017, *Pedagogical ascetics in the critical epochs of the twentieth century. Selected scientific articles and essays*, Concept, Ryazan.

Romanov, A. A. 2020, 'The problem of deviant behavior of children in the critical epochs of the twentieth century', in D. V. Sochivko (ed.), *Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development: collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists (Ryazan, April 9–10, 2020)* with international participation, pp. 452–455, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Tyugaeva, N. A. 2020, 'General education of persons sentenced to imprisonment: correction in the learning process', in *The penal system at the present stage and prospects for its development: a collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 470–474, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Sorokoumova, S. N., Romanov, A. A., Barkova, V. V., Stolbova, E. A. & Tsilitkiy, V. S. 2020, 'Ideas of education in the space of cultural meanings', *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences – SCTMG 2020*, vol. 92, pp. 2542–2546, doi: 10.15405/epsbs.2020.10.05.336.

PERSONALIA

Petr Petrovich Bod'ko, chairman of the Ryazan Public Organization of Veterans of the Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation, e-mail: upip2009@yandex.ru;

Mikhail Ivanovich Kuznetsov, PhD (Pedagogy), Associate Professor, associate professor of the department of legal psychology and pedagogy, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: mikhail_kuznetsov_1962@list.ru

ANNIVERSARY OF THE VETERAN OF THE PENAL SYSTEM, PROFESSOR, MAJOR GENERAL OF THE INTERNAL SERVICE S. N. PONOMAREV

Recommended citation

Bod'ko, P. P. & Kuznetsov, M. I. 2021, 'Anniversary of the veteran of the penal system, Professor, Major General of the internal service S. N. Ponomarev', *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 566–569, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.566-569.

Abstract. The article is devoted to the life and career of Professor Sergey Nikolaevich Ponomarev.

Keywords: Sergey Nikolaevich Ponomarev, anniversary, Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Academy of the FPS of Russia.

References

Galiullin, Sh. N. & Ponomarev, S. N. 1988, *Execution of imprisonment in relation to drug addicts*, Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Ryazan.

Galiullin, Sh. N. & Ponomarev, S. N. 1995, *Organization of punishment execution and treatment process in correctional labor colonies for drug addicts*, A. Ya. Grishko (ed.), Ryazan Institute of Law and Economics of the MIA of Russia, Ryazan.

Geranin, V. V., Melent'ev, M. P. & Ponomarev, S. N. 2001, *Penal law. The general part*, Yu. I. Kalinin (ed.), Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.

Ponomarev, S. N., Geranin, V. V. & Kazak, B. B. 2001, *Comments on Federal Laws on Amendments and additions to the Criminal, Criminal-Procedural, Penal Codes and other legislative acts of the Russian Federation*, O. V. Filimonov (ed.), Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.

Ponomarev, S. N., Geranin, V. V. & Kazak, B. B. 2001, *Comments on Federal Laws on Amendments and additions to the Criminal, Criminal-Procedural, Penal Codes and other legislative Acts of the Russian Federation*, V. U. Yalunin (ed.), Human rights, Moscow.

Ponomarev, S. N. 2016, 'On the concept of the policy in the field of execution of criminal penalties and its implementation', *Penal law*, iss. 2, pp. 87–89.

Kashuba, Yu. A. & Ponomarev, S. N. 2002, *Fundamentals of modern penal policy of Russia in relation to juveniles*, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Ryazan.

Ponomarev, S. N. 2016, 'About the concept and policy in the field of execution of criminal penalties and its implementation', in *Actual problems of penal law and execution of punishments:*

materials of the interuniversity scientific and practical conference dedicated to the memory of Professors N. A. Struchkov and M. P. Melent'ev, pp. 16–20, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Ponomarev, S. N. 2016, 'Legal principles in the Russian penal process', in *Problems of combating crime and training personnel for law enforcement agencies: abstracts of reports of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 428–429, Academy of the MIA of the Republic of Belarus, Minsk.

Ponomarev, S. N. 1982, *Release of convicts from serving their sentences from educational and labor colonies and consolidation of the results of correction*, Ryazan Higher School of the MIA of the USSR, Ryazan.

Ponomarev, S. N. 2018, 'About the reasons for deviant behavior during the execution of deprivation of liberty in relation to juveniles', in *Bashkat readings. Psychology of harassment and destructive behavior in the child and adolescent environment: materials of the XVIII All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Sc.D (Pedagogy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Ivan Pavlovich Bashkatov*, Kolomna, March 14–15, 2018, pp. 22–24, Kolomna.

Ponomarev, S. N. & Karkhanina, L. V. 2019, 'On the prospect of the application of parole and the replacement of the unserved part of the sentence with a milder one in relation to juveniles registered in the penal inspections', in *IV International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (dedicated to the 140th anniversary of the penal system of Russia and the 85th anniversary of the Academy of the FPS of Russia): collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, November 20–22, 2019)*, in 10 vols, vol. 3, *Materials of international scientific and practical conferences and round tables*, pp. 261–263, Ryazan.

Ponomarev, S. N. 2014, 'A useful and good tradition (about the legacy of Professors N. A. Struchkov and M. P. Melent'ev)', in *Actual problems of penal law and execution of punishments: materials of the interuniversity scientific and practical conference dedicated to the memory of Professors N. A. Struchkov and M. P. Melent'ev*, pp. 3–8, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Ponomarev, S. N. 2016, 'The importance of Professor V. G. Deev's early scientific experience for the penal system in modern conditions', *Applied legal psychology*, iss. 1, pp. 102–107.

Ponomarev, S. N. 2016, 'About terms, meanings and actions (reflections in connection with the anniversary of A. I. Ushatikov)', *Applied legal psychology*, iss. 2, pp. 94–96.

Ponomarev, S. N. 2017, 'Life is a daily service (dedicated to the 95th anniversary of Professor N. A. Struchkov and the 20th anniversary of the assignment of his name to the Department of Penal Law)', *Penal law*, vol. 12(1–4), iss. 2, pp. 103–106.

Ponomarev, S. N. & Kuznetsov, M. I. 2021, 'A. I. Zubkov's contribution to the development of penitentiary pedagogy', in *Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system in the conditions of development: materials of the interuniversity scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Sc.D (Law), Professor A. I. Zubkov and the Day of Russian Science*, pp. 174–177, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Ponomarev, S. N., Marukov, A. F. & Geranin, V. V. 2002, *The Prison Service of England and modern society*, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of Russia, Рязань.

Marukov, A. F., Ponomarev, S. N., Zvonova, I. A. 2008, *Prison Service of England and Wales: historical experience*, Flinta, Nauka, Moscow.

NECROLOGUE**IN MEMORY OF THE HONORED WORKER OF THE HIGHER SCHOOL OF THE RUSSIAN FEDERATION, HONORED PROFESSOR OF THE ACADEMY OF THE FPS OF RUSSIA, SC.D (LAW), PROFESSOR VIKTOR IVANOVICH IGNATENKO (MORE THAN A FRIEND AND COMRADE)****Recommended citation**

Kashuba Yu. A. In memory of the Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of the FPS of Russia, Sc.D (Law), Professor Viktor Ivanovich Ignatenko (more than a friend and comrade), *Man: crime and punishment*, vol. 29(1–4), iss. 4, pp. 570–573, doi: 10.33463/2687-1238.2021.29(1-4).4.570-573.

Научное издание

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *О. А. Кейзина*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 27.12.2021. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 9,88. Усл. печ. л. 9,19. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917



21294

